

18+

К. Хеллен
И. Б. Коложвари

**ПО СЛЕДАМ
«ЭЙВЕЛИ»**

Из записей автора

**И. Коложвари
К. Хеллен
По следам «Эйвели».
Из записей автора**

*<https://litres.ru/74395742>
ISBN 9785007111164*

Аннотация

Данная книга представляет собой симбиоз авторских заметок и текстов К. Хеллен, посвящённых миру книги «Эйвели», истории работы переводчика над книгой и её исследования.

Всех, кто ищет ответов и не желает расставаться с очарованием культуры эулиен, а также готов погрузиться ещё глубже в исследование текста и мир автора, мы приглашаем к прочтению.

Содержание

Предисловие от переводчика	9
О РАБОТЕ НАД КНИГОЙ, ЗАПИСИ ВРЕМЁН РАБОТЫ НАД КНИГОЙ	11
ЗАМЕТКИ ПЕРЕВОДЧИКА И МАТЕРИАЛЫ ИЗ ЗАПИСЕЙ АВТОРА	32
ПОТЕРЯННЫЙ РОД	32
СОКРЫТИЕ ИЙДЕНАРОВ	34
ВИЭ В СВЕТЛОМ ДОМЕ	35
МАЛЕНЬКИЙ БЕЗЕЦ ИЛИ АЙАР	40
ГЛАВНОЕ ИМЯ	45
СВЕТ ЭЛИГРЕН	46
СЖЕЧЬ = ПЕРЕДАТЬ	48
ГОЛУБИЧНОРЕЧИВЫЙ	50
ПРОРОЧЕСТВО ОКТРУИН	51
ЗНАКОМЫЕ ВСЁ ЛИЦА	53
БЕСЕДЫ К. С ФИНИАРОМ В 4Й ГЛАВЕ И ОБРЕТЕНИЕ ЗНАНИЯ?	56
К. В СВЕТЛОМ ДОМЕ	58
СВАДЕБНЫЕ ДАРЫ	61
КТО ЗНАЛ ТАЙНУ ФИЭЛЬЛИ?	63
ИЛЬВЕЛЛЕ — СЫН АЙКАЙЛАХА?	65
ГОЛУБКА ЭФГВЭ	67
ЛЮБИМОЕ ДИТЯ ФИНИАРА	68

ПРОКЛЯТЫЙ ЗНАК	70
АРЕЛИ = ФЕЙРИ. КЛАССИФИКАЦИЯ К. ХЕЛЛЕН	73
«ИСТИННО ТАК!»	76
АНУРИ ЭУЛИЕН	77
ПРОДОЛЖАЯ ТЕМУ АНУРИ... ПОЧЕМУ ЭЛКАРИТ, НЕ ФИНИАР?	78
ГЛАВНЫЕ ИМЕНА	80
ПОДВИГИ ВИЭЛЬЛИНЕ	82
ПОЧЕМУ ВИЭЛЬЛИНЕ «СМЕРТИ ИСКАЛ»?	85
БРАНЯЩИМСЯ ВХОД ЗАПРЕЩЁН	87
КОРОТКО О СВЕТЕ	88
НЕМНОГО О «ЯВНОЙ ТАЙНЕ»	90
КАК ЭУЛИЕН В ЭЙДЕН ВОЗВРАЩАЛИСЬ МАЛЫШ ЭРАЙЕ?	91
СВЕТЛЫЙ ПУТЬ?	93
ОХ УЖ ЭТОТ ПАРТЕНОГЕНЕЗ...	94
ДОБАВЛЯЕМ В ЧИТАТЕЛЬСКИЙ СЛОВАРЬ	95
СЛУЖЕНИЕ ЛЮДЯМ — ИДЕЯ ИЛИ ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ?	97
ИСТИННАЯ ЛЮБОВЬ ИЛИ ЛЮБОВНЫЙ ТРЕУГОЛЬНИК? ИНЦЕЛЬДИН-НИАТАЭ- ЭРНУ	98
МИНУТКА ЗАНИМАТЕЛЬНОЙ	100
	102

ЭТНОЛОГИИ	
КЛЕВЕР?	103
О БОГООТРЕЧЕННЫХ	104
ЗАГАДКА ДАНАХ	110
ЭРАЙЕ И ИНИАМ	113
ЧИСТОТА / ЭФТАХ	116
ПОВТОРЕНИЕ ВИЭЛЬЛИНЕ	119
ОБ ИМЕНАХ	121
СОВРЕМЕННОСТИ	123
КАРТА	124
ПРОБУЖДЁННЫЕ АЭН	130
ПОТАЁННЫЙ СВЕТ НЕБЕС ЭЙДЕНА	132
ХИОЛНИЛИ	133
БЛЕСК БЕССВЕТЛОГО	136
ЗАМЕТКА ОБ ИЗМАИЛЕ	137
ЕЩЁ ОДИН ПОДВИГ ВИЭЛЬЛИНЕ?	139
НЕ НАШЕ «ВАУ»	140
ВОТ ДЕЛА!	141
КОЛЫБЕЛЬНАЯ	142
ПОСТРАДАВШАЯ ОТ ЛЮБВИ. НИМАРИН	144
ГОСПОДЬ ПРОЩАЕТ ЗАТЕМ	147
ОБРЕТЕНИЕ. КТО И КОГО ОБРЕТАЕТ В СМЕРТИ?	148
ВЛАДЫКА ВСЕХ (?) АРЕЛИ	151
МАТЬ ВСЕХ АРЕЛИ?	152
ЗАМЕТКА ОБ АЛФАВИТЕ	154

КАК МНОГО В ЭТОМ ЗВУКЕ...	155
ТАК ЛИ НЕ ЦЕНЯТ ЭУЛИЕН СВОЮ	157
ЖИЗНЬ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ЛИ	
БЕЗУМНЫ В СВОЕЙ ГОТОВНОСТИ К	
СМЕРТИ?	
ДВА ПЛАМЕНИ	160
ЛИТЕРАТУРНАЯ ПСИХОТЕРАПИЯ	162
ПОЧЕМУ ФИЭЛЬЛИ ПОЛЮБИЛА	163
ВИЭЛЬЛИНЕ?	
ТАЙНА СВЕТА ГЛАЗ ЭУЛИЕН	165
О ВОССТАНИИ МАШИН	168
ВСПОМИНАЯ ОБЫЧАИ ЭУЛИЕН	175
ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ	177
О КРАСОТЕ ЭУЛИЕН	178
САМЫЙ ВЫСОКИЙ	181
СТРАСТЬ, РЕВНОСТЬ ИЛИ ИГРА?	183
ФИНИАР И ФИЭЛЬЛИ	185
ОБ ОТЦЕ	189
ЗВЁЗДЫ ЭУЛИЕН	191
ПРАЗДНИКИ ЭУЛИЕН	195
КУХНЯ ЭУЛИЕН	198
ГЛАЗА В ГЛАЗА	201
ОКЛИЕ И К. РОДСТВО СКОРБИ	203
ПРИЗНАНИЕ И ЗАБОТА С ТОГО СВЕТА	205
КОЛЬЦО КАК ЗНАК ПРОСИЯНИЯ СВЕТА	208
ИЛИ ПРИЧАСТИЕ К ТАЙНЕ СВЕТА	

НЕБЕС ЭЙДЕНА	
БЕЗУСЛОВНОЕ УВАЖЕНИЕ	213
СВЕТ К СВЕТУ	215
СМЕРТЬ ЗА МЫШОНКА ИЛИ ГЛУПЫЕ ЖЕРТВЫ?	218
ВЫ — СВЕТ МИРА, ИЛИ НЕСКОЛЬКО СЛОВ О РЕЛИГИИ ЭУЛИЕН	221
ЛЮБОВЬ БЕЗУМЦЕВ	225
ХРОНИКА ПОСЛЕДНЕГО ПРАЗДНИКА ИСХОДА, УПОМЯНУТОГО В КНИГЕ	228
СВЕТЛЫЙ ДОМ	229
СОЛДАТЫ МЫ	234
СОСЛЕДОВАНИЕ	235
ОБ ИМЯНАРЕЧЕНИИ	240
СПАСЕНИЕ В УПОМИНАНИИ	245
УХОДИЛКА (УХОДИТЕЛЬНАЯ ПЕСЕНКА)	246
БЛАГОСКЛОННОСТЬ ВОД К РОДУ	247
ИРДИЛЬЛЕ	
СЛУЖЕНИЕ (ПРИЗВАНИЕ) ФИНИАРА	251
НЕЗАСЛУЖЕННО ЗАБЫТЫЙ ИОН	257
УТРАТА СВОЕЙ ПРИРОДЫ	262
Конец ознакомительного фрагмента.	265

По следам «Эйвели» Из записей автора

**К. Хеллен
И. Б. Коложвари**

Корректор Ирина Октябровна Федотова

© К. Хеллен, 2026

© И. Б. Коложвари, 2026

ISBN 978-5-0071-1116-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие от переводчика

Как я уже писала ранее, для меня очевидно, что книга «Эйвели» по структуре своей могла бы быть бесконечной, ибо с каждым звеньем вовлекает в текст всё новых и новых героев, причём не только непосредственно принадлежащих к титульному роду. Так или иначе, для автора, как я могу судить по записям и дневникам, происходившее в Светлом Доме во все времена — было глубоко личным и важным, поскольку воспринималось как события в её собственном Доме и семье, хотя никогда К. Светлый Дом и его эулиен не называла «своими». Тем не менее в дневниках, стихах и отдельных записях мне встречаются до сих пор имена героев книги и записи, которые могли бы войти в книгу, но по каким-то причинам не стали её частью. Именно это привело меня к идее о том, что должна быть создана эта книга, где я попробую собрать подобные разнотипные заметки, а также привести в пересказе те или иные указания автора, относящиеся к персонажам книги или культуре эулиен из её дневников.

«Эйвели» и Эйвели, несомненно, имели огромное значение в жизни К. Хеллен, и это отражено не только в её творчестве, но и находит отражение в личных записях. У всякой книги и истории должны быть свои границы, мы прекрасно осознаём это и поэтому понимаем, что так или иначе, но автор была вынуждена многое оставить за рамками текста, по-

сколько каждый герой книги заслуживает не только отдельного звенья, но отдельной книги, а некоторые даже не одной. Кроме того, мы понимаем, что в структуру книги были вовлечены и персонажи, не принадлежавшие к роду Эйвели, но тем не менее, упомянутые автором, и чьи дела и истории также служат прекрасным и значимым дополнением книги. Их мне также иногда удаётся выловить и вычлениить из личных текстов автора. Само наличие «продолжения» книги в записях автора и навело меня на мысль о составлении этой книги, где будут приведены те сведения об известных или не упомянутых в книге героях, что сама К. считала важными, раз передала их бумаге, и вместе с тем — мои скромные исследования текста и размышления, которые публикуются в нашей интернет-группе, посвящённой книге, а также небольшая предыстория появления «Эйвели» на свет и моего знакомства с эмлантом.

Предлагаю Вам шаг за шагом пройти со мной путь от обнаружения книги до исследования её глубин в рукописях автора.

Ваш переводчик

О РАБОТЕ НАД КНИГОЙ, ЗАПИСИ ВРЕМЁН РАБОТЫ НАД КНИГОЙ

Итак, свершилось. 15 ноября 2000 года мною был найден чемодан с рукописями неизвестного мне автора. Тот же день можно считать и днём обретения книги «Эйвели», поскольку именно это произведение выпало из чемодана первым и было первым моим знакомством с К. В то время мне было 14 лет, я не знала английского языка, не знала Ирландии и даже не имела представления, что именно в тот день моя жизнь изменится навсегда. Полагаю, что «Эйвели» не напрасно были помещены автором на самый верх, как нечто особенное, требующее внимания. Сама книга представляла собой несколько очень толстых пачек бумаги, перетянутых лентами золотого цвета, но за долгое время они рассохлись, и при вскрытии [фактическом взломе] чемодана все пачки бумаг были ничем не защищены и, выпав, смешались между собой и с другими рукописями из сокровищницы К. Вскоре я всё же была призвана своей совестью начать изучение и посильный перевод содержимого чемодана, однако «Эйвели» я откладывала как могла, испытывая перед этой книгой, тогда ещё представлявшейся мне в смутном объёме и тематике, неопи- суемый трепет. Иногда я всё же возвращалась к ней, разби-

рая бумаги и отделяя «Эйвели» от других работ К. Благо их легко можно было отличить, поскольку только «Эйвели» и дневники у К. написаны идеальным почерком, приближенным к уставному письму, в отличие от всех остальных её книг и записей. Конечно же, спасибо автору, «Эйвели» были обильно снабжены авторскими комментариями [они были оставлены в тексте] и даже иллюстрациями, которые я всё-таки не рискнула вводить в книгу, но их реконструкции можно увидеть в интернет-группе, посвящённой этому труду. Однако, как и прежде, К. пренебрегла нумерацией страниц, и книгу мне приходилось собирать практически интуитивно, по смыслу. И тем не менее, прежде чем прийти к этому, мне потребовалось почти 20 лет...

Зимой 2018 года меня стали посещать весьма странные повторяющиеся сны. Сначала в них был только свет. Просто сияние, окружавшее меня. При этом мне было совершенно уютно и спокойно, но всегда присутствовало ощущение какой-то неполноты, и в волнении я всегда просыпалась. Сон повторялся. Вскоре среди этого света мне стали видеться очертания лиц, неуловимые, но достаточные для того, чтобы я могла разглядеть и почувствовать на себе взоры целого сонма прорывающихся среди света лиц. Их взгляды были очень внимательными, но я не испытывала ни стыда, ни страха. Только волнение росло, будто от меня чего-то ждут. Очень. И очень давно. Той же зимой, сама не знаю почему, я вернулась к той самой книге, которую я для себя прозвала

«собираемая» и которой старалась избегать всё это время. Меня привлёк язык, которым, наравне с английским, она была написана. Эмлант встречался мне уже давно и много раз. К. весьма щедро использует его в своих дневниках, особенно в те моменты, когда необходимо максимально экспрессивно выразить свои чувства. Я воспринимала эти записи как авторскую шутку, некий шифр, авторский язык, придуманный для личного использования. Но меня смущало, что автор использовал его не только в дневниках, но и записях, и ссылаясь на этот язык в своих книгах, тогда ещё я определила его для себя как «волшебный язык». Вот к чему это привело и что я писала тогда сама в своих собственных заметках: «Итак, помню, лет в 10—12 я была очарована рассказом тов. По «Золотой жук», где находчивый Легран смог расшифровать пиратскую записку, написанную на выдуманном пиратом языке... Тогда я воображала себя такой же отважной кладоискательницей, разгадывающей загадки тайны истории и прошлого... Желая меня подколоть, одноклассники выдумывали разные «секретные алфавиты» и подсовывали мне записки на них, и, наученная мудрым Леграном и вдохновленным изучением подобных дешифровальных практик, я отвечала им на их алфавите. И мне это казалось верхом гениальности...

Прошло время и я, искренне невзлюбив лингвистику за суровую природу языковых правил, забыла о своём детском воодушевлении. Но мне напомнили. Мне напомнила об этом

К., будто бы она только и ждала момента, чтобы подsunуть мне тексты на языке, которого не существует в природе [как оказалось, ещё как существует]...

Впервые я столкнулась с этим языком на выпавших листах и в дневниках К., где она переходит на него в тех строках, где, видимо, желает выразиться максимально экспрессивно или наоборот, не дать читающему понять написанное. Тогда я восприняла это как авторский язык, или даже как шутку. Но шутка ли, когда мне начали попадаться целые тексты на этом языке?! Стихи, небольшие текстовые отрывки. И, конечно же, имена. Почти все «необычные» имена К. Хеллен в рукописях идут на этом языке, и лишь в скобках даны в латинской транскрипции. Долгое время меня устраивало данное положение дел, пока «Воспоминания о королевстве под корнями, или краткое доказательство Эрк» не заставили меня задуматься о значении этого языка для автора и пересмотреть свои взгляды насчёт его «авторства» и шуточного использования. Используя транскрипции и данные самой К. переводы имён, мне пришлось в голову попробовать отыскать хоть какую-то систему в этом языке, которому я даже не знала названия. Сама К. скромно в пометках указывает его сокращение (эмл.). Перерыв отработанные и разобранные записи, я обнаружила достаточно много материала, где К. даёт перевод с «эмл.». Это позволило мне начать составлять словарь, записывая в него всё, начиная от имён собственных, до слов в любой форме, которые К. даёт с переводом.

Ещё прошлой зимой 2018 года это было для меня интригующим, но всё-таки развлечением, попыткой найти и понять систему этого таинственного «эмл.». Я сравнивала предложения самой К., где одни и те же слова употреблялись в разных формах, пыталась проследить особенности их изменения при появлении в других формах и текстах. Эта нешуточная лингвистическая каверза от К. затянула меня слишком быстро, так что лишь вчера ночью, после удивлённого сообщения моих друзей из другого часового пояса «как, а вы не спите?!» я поняла, что попалась... Уже почти как год я честно пытаюсь освоить язык, о котором ничего не знаю, и не менее честно добилась того, что могу похвастаться пусть и не беглым, но чтением «эмл.» без транскрипции и даже робкими попытками перевода на основе накопившегося словаря. Итогом этой безумной лингво-детективной затеи стало моё желание вернуться к работе над книгой, общий объём которой по предварительным данным (книга рассыпалась и на данный момент ещё, возможно, не собрана вся) представляет собой 3 больших пакета популярных онлайн-магазинов, полных записей... Процентное соотношение английского и «эмл.» в этой работе в пользу английского весьма условно... Кроме того, за подобный объём текста мне ещё не приходилось браться, да и сам текст этот, не буду скрывать, крайне нетипичен даже для самой К., хотя и вполне узнаваем по стилю. Так, используя обильные подсказки автора и обилие материала на эмланте, я углубилась в разработку словаря. И вот

закономерно настал тот час, когда я, пусть и весьма поверхностно, но смогла воспринимать смысл слов на эмланте... И меня посетила мысль не только наконец собрать „собираемую“ книгу, но и перевести её. С 2000 года я жила в вечном предвкушении и интриге, которые захватили меня этим текстом, и уже с 14 лет пыталась выполнять пусть и отрывочные, но переводы имеющихся частей текста, складывая их воедино по смыслу и авторским указаниям. Я надеялась, что когда-нибудь (на излёте времён) эта работа будет мной завершена, и я не только смогу собрать весь текст воедино, но и дать читателю возможность заглянуть в удивительный мир К. Хеллен и её „особой“ книги, какую, как мне казалось, представляло это собрание, в то время только два пакета. Тогда же я честно научилась читать „волшебный текст“ и гордо несла поверхностные представления об основах фонетики и грамматики этого языка, исследованию которого я посвятила уже 2 зимы, прошлую и текущую. Итогом этих изысканий стало приобретённое мной понимание общего смысла текстов, пополнение словаря и, как следствие, возможность составления построчного перевода отрывков, написанных на „волшебном языке“, благо К. не скупится на переводы слов и транскрипции! Мой страх и трепет был велик, и рос он быстро, так же, как и росло наполнение пакетов с собранными текстами книги. Вскоре пакетов стало 4, и подлинный ужас объял меня. Я записала тогда: „Чем больше углубляешься в работу с текстами К., тем больше и больше открываешь для

себя удивительный мир, подспудный мир души автора, не всегда столь явно и откровенно демонстрируемый ею во всех книгах. Сейчас уже как два месяца захваченная в плен переводом эпического масштаба книги, которую мне ещё, видимо, предстоит не только перевести, но и собрать, я обнаруживаю, что все эти 18 честных лет имела весьма скудное представление об авторе и том месте, откуда происходят все её столь странные убеждения, не менее странные знания и принципы. Меж тем, как это место обретает вполне очевидные очертания и даже оказывается наделено названием, как оказываются наделены именами и те, кому, видимо, выпала честь беседовать с К. лично и даже, что вполне вероятно, быть её первыми учителями.

Весьма забавно и поучительно на 18-м году знакомства обнаружить, что ты совсем не знаешь того, о ком, казалось бы, знаешь больше других, и не знаешь совершенно ничего... It's so K. ... И каков же итог? Ещё больше вопросов, ещё больше невероятных совпадений, ещё больше исторических подтверждений правдивости слов автора и, как следствие, определённо — ещё много моих бессонных ночей в войне за более или менее соответствующий истине перевод.

Îamran, mîe áutore! [Спасибо моему автору (эмл.)] (Практический верх моих познаний в эмл.) “. Тогда же я писала: „Зная то, что не знают другие, всегда сложно молчать, особенно если известное вопиет быть раскрытым и оглашённым. Меня всегда удивляло весьма странное соотношение

записей К.: господипомогиразобрать почерком, когда речь идёт о книгах, и практически каллиграфическим уставным письмом написанные дневники. И там, и там «этот мир» и «тот мир» для К. совершенно неразделимы. В дневниковых записях вполне свободно и спокойно чередуются её заметки о бытовых сторонах жизни из серии «Сливки кончились. И счастье с ними» и упоминания о своих «потусторонних» странствиях и знакомых вполне мирно сосуществуют с заметками о реальных людях, некоторые из которых — вполне даже известные личности весьма разных временных эпох. И тем не менее...

При работе над книгой, которую мне до сих пор приходится собирать и переводить по частям, мной было обнаружено, что некоторое количество записей, сделанных на эмл., кроме реально и теперь уже очевидно крайне экспрессивных высказываний или важных пометок К., относятся также к «миру» той книги, над которой продолжается работа. Из этих записей становится очевидно, что данная работа зрела в замыслах К. весьма и весьма медленно и о-о-о-о-очень давно, и своё воплощение нашла далеко не сразу. Мне трудно судить, относится ли данная книга к ранним или поздним работам автора, поскольку она во многом разительно отличается от всего, что написано К., и тем, как это написано. Именно эта книга снабжена небывалым по щедрости количеством авторских пометок и даже иллюстрациями (которые, несмотря на всю их странность, а порой и художественную прими-

тивность, я решила-таки реконструировать и воспроизвести) [они приведены в интернет-группе, посвящённой книге].

На данный момент я всё ещё в большом затруднении, поскольку (ещё раз спасибо автору) К. категорически не признавала нумерацию листов, видимо, не предполагая, что книга, судя по всему, состоявшая из нескольких папок, может когда-нибудь развалиться. Кроме того, у меня ещё очень много вопросов по тексту, которые должны будут в итоге, как я понимаю, стать и моими комментариями к нему. И ход книги изрядно затрудняют частые вставки на эмл., которые представляют собой далеко не самые простые предложения, но и отражают (как мне кажется) авторское словотворчество в рамках данного языка... Благо соединение дневников и записей, пометок и уже имеющегося (и пополняемого) словаря позволяют проводить лингво-детективные изыскания для того, чтобы на суд читателя были переведены такие слова как «тенеисторгательно», «песнопенные», «светоочарованный» и т. д. и т.п., благо эмл. оказался не так страшен, как это кажется в первый раз. И во второй. И в третий. И после успокоительных тоже.

Тем не менее работа продолжается, работа не останавливается ни на минуту, ибо данная книга решительно отказывается отпускать меня уже не первый месяц, вынуждая обращаться к давно забытым навыкам, которые, как мне казалось, более никогда не пригодятся мне в жизни... И всё же определённый восторг и трепет сопровождают меня в работе

над ней. Не зная К., не читая её дневников и заметок, во мне всё больше и больше крепнет убеждённость, что эта, светлейшая из когда-либо виденных мной книг определённо — НЕВЕРОЯТНА! И тем не менее я верю в ней каждому слову, чего со мной не случилось прежде. К. не перестаёт меня удивлять. И восхищать. Безусловно, каждая книга проливает чуть больше света на ту или иную сторону жизни автора, но эта...

Нет, я не скажу, что больше узнала о К., т.е. я совсем ничего не узнала о ней. Но, честное слово, мне кажется, что я ПОНЯЛА её. Видимо, ей мало вывернуть сердце наизнанку, нужно ещё и душу. Приятно познакомиться, свидетельствующий друг! К. — хроникёр — это... светлая сила! [Светлые воинства, если дословно перевести имя Hellen с эмл.]».

Вот ещё несколько моих записей времён работы над книгой, которая шла непросто, но удивительно, поскольку я вступила в борьбу, подлинную борьбу за текст: «Каждый свой больничный, по обычаю, я проводила за переводом... Так что всеобщий карантин [на дворе 2020 год] теперь весьма кстати. Есть столь необходимое время для разбора рукописей и войны за новую книгу для Вас, дорогие избранные. Как я вижу, все обстоятельства (за исключением введения карантина) не благоволят работе с «собираемой» книгой, той, что с «эмл.». Наши доблестные коты, сотрудники архива, почуяв весну, уже не первый раз сметали мне со стола с

таким трудом разложенные и собранные по порядку листы рукописей... С начала работы над этой книгой 2 раза слетала система на ноутбуках, выдавая потом вместо напечатанного текста неведомую зверушку в виде транскрипций, пару раз сам ликвидировался текст, когда ни с того ни с сего ноутбук выключался, и вся проделанная работа исчезала на корню (а это, на минутку, не 1 год работы)!.. Теперь мы дошли до нового витка взаимоотношений: ноутбук, на котором я работаю, антихристиански заявил мне «Non serviam» [«Не буду служить» — легендарные слова дьявола] и периодически изображает коматозные припадки в удобное для него время, снося всё и вся, из-за чего мне пришлось пересест на старенький ноутбук, который ровесник моих студенческих лет и каждый раз я возношу благодарственные молитвы только за то, что он сумел загрузиться... Памятуя о старом добром прошлом и секретной технике работы с текстами, которые я переняла от средневековых монахов-скрипторов (запись текстов от руки), продолжаю работу в надежде, что разум человеческий сможет одолеть мятежный ИИ, и я успешно завершу работу как человек XXI века. До этого же времени дай Бог мне терпения и стойкости перед превратностями текста и противостоянием внешнего мира появлению этой книги!»; «Невыразимое желание разделить с кем-то свои удивительные открытия, связанные с работой над «собираемой книгой», вновь заставляют меня писать «заметки», разговаривая сама с собой. Впрочем, ты сам лучший собеседник, чем ни-

какого.

Полагаю, что эту памятку на обратной стороне листа К. оставила для себя. Как раз на страницах «собираемой» книги. Не в дневниках, не в пометках к тексту и не в заметках на полях. Очевидно, что эта книга писалась не быстро и тяжело, иначе зачем на обратной стороне листа эти слова...

«Tiy terh. Tiy terh. Tiy terh. Tiy terh. Tiy terh. Tiy úrtyu. Tiy úrtyu. Tiy úrtyu. Tiy úrtyu. Tiy úrtyu. Tiy úrtyu. Ímor tíel — kah. Ío tíel — vóile. " [Ты сможешь. Ты сможешь. Ты сможешь. Ты сможешь. Ты должен. Ты должен. Ты должен. Ты должен. Ты должен. Ты должен. Дело твоё — память. Право твоё — правда. (эмл.)]; «Очень, очень трудно идёт собираемая книга. Иногда мне начинает казаться, что весь вещный мир восстаёт против её появления. Техника гибнет, реальность отвлекает, и иногда волной накатывает отчаяние и желание всё бросить и сдаться со словами «я больше не могу»! Как часто я понимаю, что перепутала листы местами, и проделанная работа оказывается напрасной! Как часто я не могу понять ни единого написанного слова не потому, что не могу разобрать почерк, а просто потому, что смысл недоступен моему смертному пониманию! Как часто мне кажется, что самое худшее из того, что могло случиться с автором — это такой переводчик, как я!.. Чувства именно такие, что мяснику позволили ограничить алмаз... И я вижу алмаз, я знаю его цену, но имею знания и руки мясника. Ничто не удручает так, как понимание и осознание

масштабов запарываемой работы...

Я не останавлиюсь. Мне страшно, мне стыдно, мне бесконечно одиноко, и раздирающие душу сомнения кружат надо мной, подобно голодным воронам над раненым бойцом. Но всё-таки есть в этой книге то, ради чего я не позволю себе сдать. Теперь уже и мой долг. Теперь уже и моя благодарность. Какой бы кучией, уродливой и химерной ни вышла бы из-за меня книга — она обязана быть. Хотя бы как дань уважения автору к... Хотя бы как мой маленький труд, ради тех, о ком эта книга.“; „Сегодня в ночь, отходя ко сну, перекладывала отработанные бумаги и раскладывала по порядку другие, всё, что необходимо для работы над книгой. Осталось ещё два пакета. Два! Решила напоследок перетряхнуть их, и что же? Не уверена, что можно назвать совпадением, что среди листов собираемой книги завалялся один лист со стихом, как я понимаю, не являющимся частью книги, но явно относящимся к ней. Но всё это не важно, вернее не так важно и неожиданно для меня, как то, что мне не пришлось переводить этот стих, ибо он был написан на моём родном языке... Не знаю, добивалась ли К. большей конспирации, употребив русский язык, но я приведу этот стих без всяких изменений и перевода. Собственно — вот он, повод моей сегодняшней бессонницы:

«Мой первый учитель»

Я помню день, когда из-под печали,

Смятения, незнания пути

Вы руку мне, не сомневаясь, дали
И, улыбнувшись, молвили: — Свети!
Не думайте, что я, безмолвствуя, забыла
Тропинки сада у самых светлых врат
И Ваших слов живительную силу
Растратила столетия назад.
Сохранены сокровища улыбок наших
И золото в молчании бесед.
Ваш ученик пошёл упрямо дальше,
Встал на дорогу избавления от бед.

...

Не думайте, что я, от Вас скрываясь,
Не чту и памяти тех давних светлых дней.
Известной Вам дорогой я идти стараюсь
В тени Адама, брошенной на ней.

(с) К. Хеллен»;

«Я никогда не предам К., и я не стану нарушать обязательств, возложенных на меня честью быть причастной к судьбе её книг, к её судьбе... Я не буду публиковать дневники К. Хеллен. Там тоже есть отрывки на эмл., благо теперь они становятся для меня всё понятнее. Так если бы К. желала скрыть что-то **СОВСЕМ**, ужели бы она стала писать это на эмл., на том же языке, что и использует в своих книгах? Возможно. Но я рискну:

«Agán-n-agán, efér hi ni vol` hi vói íftam, ímveltneal` míik
bréak im íl`mh ev ítchen óki írnuítamē ev nóin ánamtenal` míel

ítam ímvetal` téylet, ni urtúierokhi úmi... Hi téylettal` vóile vol` linóki, eilátantil`, kowb il`úmwrhetil` anírtetne ok ü nívhí ístai ism, öll'e. Ni enír, ke ki ni tentátal` úmi éle ek el`téylet, ke ímvetal` hi ev ínehin el`ítam. Áyrem a íyen mayndér.» [Давным-давно, когда я не была самой собой вполне, оказанные мне помощь и забота, в минуты истинной нужды в них, сподвигли моё сердце дать обещание, несвоевременное тогда... Я обещала правде быть раскрытой, свидетельствовать, дабы водворить скрываемую истину на её золотой трон. Не думаю, что никто не знал тогда о том обещании, что дала я в своём сердце. Теперь же пришло время. (эмл.)]»; «Иногда находишь то, что не ищешь, но определённо то, что стоило бы найти. Не имея морального права воспроизводить дневниковые записи К., я тем не менее тешу себя надеждой, что записок, найденных среди рукописей, это не касается. Да, то, что мне попало сегодня при разборе материалов «собираемой книги», мало похоже на «записку», скорее на одно из неотправленных (типично для К.) писем... И тем не менее. Давайте дружно сделаем вид, что любой лист бумаги, лежащий отдельно — является запиской. А потому — вот её перевод с эмл.: Отец мой, вот уже сколько лет мучительно скучаю я по Свету наших бесед и мудрости Вашего молчания. День и ночь возвращаюсь я в сердце в сад, что помнит наши шаги, следуя закону этого мира, когда всё, угасая, стремится к своему началу. Но это больше не моя дорога. И не вдыхать мне больше благословенный аромат цветущих яблонь,

и не слышать смеха Вашего Дома. Крепка моя вера улыбкой Вашей и надежда Словом Вашим. Отец мой, с молитвой и поклоном отправляю к Вам смиренную душу свою, чтобы исполнить ифьхёлье [душепоручение (эмл.)] над следом Вашим на тропинках, что помнят наши шаги. Ваш друг, что помнит.»; «»... Со временем, нося Память в сердце, пестуя её и верно служа ей, можно рано или поздно обнаружить в саду сердца и её плоды, чистейшим и ценнейшим из которых я считаю Благодарность. Ради этого цветка готова служить я целому саду и трудиться в нём...» [© К. Хеллен] Именно эта идея, видимо, и легла в основу идеи о той книге, над которой мне до сих пор приходится работать. Прекрасной, чистой, светлой книге, исполненной подлинного уважения и благодарности.»; «...Многажды за всю работу над книгой я задавала себе вопрос, насколько правдиво повествование. Вопрос, который я всегда себе задаю, читая К. Хеллен. Однако именно эта книга наиболее полно «общалась» со мной, подкидывая ответы на те вопросы, на которые я даже и не надеялась их найти. Именно в работе над этой книгой взбунтовалась моя техника, и начиная с первого дня, когда я только стала набивать черновые переводы отрывков, всё вокруг будто бы начало протестовать. У меня критически перестало хватать времени на переводы, начались невероятные и удивительные изменения на работе, которые не позволяли мне уделять время книге, вся техника, на которой я работала с текстом — выходила из строя, вплоть до полной гибели од-

ного ноутбука. Текст повреждался, пропадал, шифровался, один раз мне даже пришлось обратиться к мастеру, чтобы восстановить документ, который невероятным образом исчез с флешки... и он восстановился наполовину шифром... а часть пропала. И это после нескольких лет работы. После этого я сохраняла текст каждый раз на нескольких носителях и каждое новое изменение в отдельности... Но и это не спасло. Текст пропадал, ноутбуки зависали во время печати и сносили Windows вместе с флешкой... При распечатке начинал барахлить принтер... Как только я садилась за перевод — тут же находились неотложные и важные дела, или ещё хуже, я сваливалась в постельный режим. И даже когда мне казалось, что работа закончена, оказывалось, что я пропустила целый отрывок, перепутала местами предложения, неверно перевела огромный кусок, вообще пропустила целую главу... Мир определённо не очень ждал этой книги. В отличие от тех, кто помогал мне на протяжении всего этого пути. Именно это заставляет меня относиться к написанному не как к фантазии. Несколько раз мне приходилось в заведённой в сети группе делиться своими затруднениями в связи с «волшебным языком», использованным К. Хеллен. И поскольку мне пришлось практически его самовывучивать, процент возможных ошибок был необычайно велик. И всё же... Мне пришло несколько сообщений, где мои затруднения разъяснялись и было указано на мои ошибки в понимании того или иного вопроса... Ох уж эти закрытые аккаун-

ты... По крайней мере мне доподлинно известно об одном (чуть не написала человеку, хотя...), который, собственно, и оказал мне столь необходимую помощь. Он же ранее заказывал через группу кольцо с надписью на эмл., что меня немало удивило. Заказывал на адрес пункта выдачи, на имя друга, учащегося калининградского университета. Когда до меня только начало доходить, с чем я имею дело, аккаунт отправителя уже был заморожен, а позднее и вовсе удалён. Последняя запись там была о том, что его владелец погиб от ковида, трудясь добровольцем в красной зоне. Именно эту историю отныне я считаю ответом на все вопросы касательно книги. Именно этому юноше, что тогда связался со мной, не побоявшись отозваться на мою просьбу, мы все обязаны рождением этой книги. Светлая ему память!

Наконец, как вишенка на торте... Когда я уже собралась скопировать конечный файл книги в архив своих переводов.... Он оказался нечитабелен, т.к. был повреждён... Пришлось копировать файл из посланных по мессенджеру одному из читателей....

За всю работу над книгой я готова была опустить руки аж целых 4 раза, впадая в практически отчаянье и ужас от своего бессилия... Но мне начинали сниться герои книги. И мне приходилось снова и снова возвращаться к работе, поскольку на этот раз я была обязана уже не только одной К.. Честно говоря, мне никогда не снились герои книг К.. Но только не в этот раз. Признаться, именно они заставили меня в итоге

взяться за книгу, подступить к которой я боялась 16 лет!

В 2000 году, я уже говорила об этом, именно эта книга, очевидно, лежавшая сверху, первой выпала из чемодана, вывалившись на меня эпической стопкой листов, что в собранном виде уместились в несколько пакетов. Я более чем уверена, что К. близки все её книги, все её герои и, конечно же, её Читатель, но эта книга... ..и вот, он тот самый случай, когда и я не знаю, что сказать, поскольку не могу подобрать слов.

Кто бы ни был против (о, такие есть, я не сомневаюсь), кто бы ни верил ни единому слову из книги (и такие определённы будут), я не уверена, я знаю — она должна была быть написана, а теперь и должна быть явлена людям. Как, впрочем, и всем, кто имеет глаза, чтобы видеть, и сердце, чтобы чувствовать.

Ни я, ни моя жизнь не будут теперь прежними. Снова. Но на этот раз я благодарю не только К.“; „Для меня было совершенно неочевидно, что такой труд, как написание текстов, может быть приравнен по своей трудоёмкости и энергозатратности к шахтёрскому, медицинскому или иному виду деятельности, требующему ежесекундной физической и умственной концентрации. Так было до «Эйвели»... Чтобы перевести это, у меня ушло только 6 полных лет (ну, с каким-то днями-неделями, которые вразброс с 14 лет я посвящала разбору материалов по книге и черновому переводу) ... По крайней мере теперь мне стало понятно, почему многие

авторы уезжают на природу для работы над книгой или, написав одну, пропадают на многие годы. Это не вопрос вдохновения и изнеженности индивида, это физическая, поверьте, физическая и эмоциональная необходимость... Тот объём информации, что нужно держать в голове, то напряжение, происходящее от концентрации и сосредоточения внимания на мелочах текста, работа со словом, образом, смыслом, поверьте, — страшное дело. Я это говорю как переводчик. Могу только себе представить, КАК это — написать ТАКОЕ... На самом деле, я полагаю, любая книга, если автор по совести подходит к ней, требует немалых усилий, и я всецело согласна с тем, что писательство (художественное) никак нельзя назвать профессией — это только призвание. Причём жестокое, жертвенное, требующее немислимой самоотдачи и самоотречённости, требующее служения больше, чем что-либо дающее взамен...

В который раз, размышляя над авторским трудом и подвигом, прихожу к тому, что, наверное, при встрече с К., если бы такая была возможна, я не стала бы тратить время, задавая ей вопросы, — я бы просто пожала ей руку. Крепко.».

Итак, свершилось. И я также очарована книгой и также научена ею. Я называю себя эултёри [тот, кто был воспитан или обучен эулиен, получивший от них знание, воспитанный в традициях эулиен и перенявший их культуру, но не являющийся эу по крови. А также и тот, кто принимает традиции

и культуру эулиен, не будучи воспитанным ими лично...] и испытываю гордость, говоря об этом. Мне лестно считать себя другом К. Хеллен, другом её души. И мне до сих пор интересно снова и снова погружаться в «Эйвели», исследуя её бесконечные донья и размышляя. А теперь я предлагаю и Вам сделать это вместе со мной и К., отправляясь по следам моих заметок из нашей интернет-группы и записей самого автора.

ЗАМЕТКИ ПЕРЕВОДЧИКА И МАТЕРИАЛЫ ИЗ ЗАПИСЕЙ АВТОРА

ПОТЕРЯННЫЙ РОД

В 244 главе книги есть эпизод о спасении некоего эу, которого впоследствии называют Элуин и которого Финиар поселяет в своих покоях, а затем передаёт на попечение роду Эликлем, наказывая ей заботиться о нём, как если бы он был Финиаром. В книге мы так и не получаем ответа, кем был этот несчастный юноша, однако мы вполне законно можем использовать оставленные автором подсказки, чтобы попытаться понять, чем примечателен этот эпизод. Во-первых, как мы видим, никто из жителей Светлого Дома не узнаёт юношу, стало быть, он не родом оттуда. Его также не узнают и старшие дети Финиара и эулиен Эйдена, и это значит, что этот эу не пришёл из Эйдена с ними, но рождён в подзаконном мире. И всё же Финиар «узнаёт» этого юношу и опечаливается из-за этого. Это может означать, что Финиар, очевидно, узнал кого-то в этом юноше, он напомнил ему кого-то из тех, кто был ему дорог. Если посмотреть, как дальше ведёт себя Финиар по отношению к этому эу, то он оказывает

ему почести, полагающиеся основателю рода, равному себе, о чём он потом и сообщает Эликлем. Из этого, а также из названия главы мы можем сделать вывод, что этот юноша был сыном одного из братьев Финиара, чьи черты лица не были узнаны никем, но Финиару напомнили о брате. Во всей книге нет информации о братьях Финиара и их народах после того, как они расстались, придя в подзаконный мир, и тем не менее мы читаем, что, возвратившись в Эйден, Финиар обретает там своих братьев и тех, кто ожидал его. Это лишь подтверждает мысль о том, что братья Финиара погибли в подзаконном мире, как, очевидно, и народы, пришедшие с ними, и так род одного из них (или обоих) был прерван, потерян, и Финиар Эйвели оказался единственным из братьев, кому удалось выжить и сохранить свой род и народ в подзаконном мире.

СОКРЫТИЕ ИЙДЕНАРОВ

Весьма интересный и каверзный вопрос: куда же в итоге делись ийдена́ры, созданные Тентеном и в конце переданные Коврен для окончательного сокрытия? В тексте данный эпизод представлен отрывком на эмланте, из которого следует, что Коврен передала ийдена́ры Кому-то. На этом можно было бы и остановиться, поскольку Кем-то — может быть действительно кто угодно, если бы не одна маленькая деталь — этот загадочный Кто-то (Egk) указан с заглавной буквы, как если бы это было именем. Для тех, кто знаком с творчеством К. Хеллен, возможно, будет очевидно, что здесь происходит обыгрывание имени Эрк, которым, по признанию самой К., её именовали фейри (арели), о чём чётко говорится в книге «Воспоминания о королевстве под корнями, или Краткое доказательство Эрк» из сборника «Вдоль дорог, среди миров», где, кстати сказать, один из героев (Эгда) выступает в роли Коврен, исполняя те же обязанности. Таким образом, вполне вероятно, что автор даёт нам понять, кто стал последним обладателем ийдена́ров, что вполне закономерно, поскольку велика вероятность, что сама К. в своё время наследовала ту же обязанность, что и Коврен, и Эгда.

ВИЭ В СВЕТЛОМ ДОМЕ

Для тех, кто дочитал книгу до конца, становится очевидным, что в Светлом Доме на момент ухода Финиара проживало двое, кого можно было бы отнести к виэ, хотя, конечно, — всего одна, если быть точнее, ибо Итерлен, муж Эликлем, по его собственному признанию, перестал быть виэ, отказавшись от своей природы ради того, чтобы быть с Эликлем. Вопрос о виэ вообще один из самых интересных в творчестве К., поскольку она часто и много обращается к нему, однако конечного понимания, кто и что такое виэ, это не даёт. Мы знаем, что виэ — древнейшие создания, сродни силам Хаоса, предшествовавшие Слову которое, затем определило их как ткань мироздания. Т.е. по сути — виэ — это всё вокруг, любое и каждое явление, воплощение Божественного замысла и воли, лишённое собственных устремлений, имён и, очевидно, пола. Виэ — это и чувства, и явления, и всё, что только возможно и невозможно помыслить. К. пишет, что каждое такое создание одновременно является частью общего замысла Бога, и в то же время сохраняет его целиком в себе самом. При этом также К. указывает, что непрерывная память — одно из ключевых свойств виэ, ибо они помнят и знают всё. Также, очевидно, для виэ нет разделения на будущее и прошлое, так как они и есть само время, а стало быть, события минувшие и грядущие — открыты зна-

нию виэ и, возможно, даже подлежат исполнению ими. Однако мы видим Итерлена, одного из виэ, проявившего свою волю, не согласную с положенной ему долей, который, полюбив Эликлем, принял мужской облик и взял себе имя, тем самым определив свою судьбу рядом с возлюбленной и отказавшись от своей природы виэ и всех обязанностей, приличествующих виэ. В Светлом Доме Итерлен оказывается уже скорее как человек или арели, уподобленный эу. Ни прежнее знание, ни прежняя сила — более не доступны ему, поскольку Итерлен более не виэ, даже в прошлом, он — совершенно иное, новое существо, по сути — муж Эликлем, и никто более. Однако и автор, и герои книги, тем не менее, относятся к Итерлену с уважением, достойным его прошлого виэ.

...На протяжении всей книги мы можем наблюдать как Фиэльли, кстати сказать, с самого начала весьма загадочный персонаж, проявляет чудеса прозорливости и опосредованного или прямого участия в судьбах многих эулиен рода Финиара и Светлого Дома. В конце книги мы получаем ответ на вопрос, с чем это связано — Фиэльли тоже виэ. Однако, в отличие от Итерлена, она была призвана Эин-Мари, став обещанным даром роду Финиара. Обратите внимание на её первое появление, сразу указывающее, что перед нами не простой персонаж, на её отношения с Ионом, который преклоняется перед Фиэльли и даже служит ей, исполняя её волю. Также обратите внимание на эпизод зачатия Элигрена, когда погода меняется, очевидно, в соответствии с настрое-

нием Фиэльли, как и в эпизоде удержания Элигрэн. Участие в судьбе родителей Ильлинор по указу Фиэльли, как её вклад в последующее спасение самого Финиара юной Ильлинор, эпизод с внезапной «болезнью» Фиэльли, когда она призвала Финиара именно в тот момент, когда обезумевший Эрт пришёл убить его, и многие другие эпизоды, указывающие нам на тайное знание Фиэльли о грядущем как в судьбе Финиара, так и других персонажей. Итерлен, отвечая на вопрос о виэ, говорит, что одной из ключевых обязанностей виэ является память (как о том, что было, так и о том, что будет), и эту повинность нельзя отменить, оставаясь виэ. Именно удивительная прозорливость Фиэльли, её не беспокойство по отношению к Элигрэн (о которой волновались все, поскольку никто не знал её дорог и служения), её рассудительность, справедливость и мудрость, признаваемая даже Финиаром, указывают нам о природе Фиэльли как виэ ещё до того, как это открывается Финиару. Таким образом, мы видим, что Эин-Мари каким-то чуднейшим образом удалось упросить одну из виэ изменить своему долгу ради заботы о Финиаре и эулиен однако тем не менее Фиэльли проявляет собственную волю в выборе мужа, объясняя свой поступок именно тем, что она пришла к Виэльлине. О роли Фиэльли в судьбе Виэльлине можно говорить отдельно. Именно благодаря ей эулиен и люди, а с ними и весь мир, получили не только Элигрэн, но и такого удивительного и отважного заступника, как сам Виэльлине. Возвращаясь к вопросу непрерывной

памяти, К. употребляет эпитет «кахори», которыми, следуя из текста, в полной мере могут быть лишь виэ, т.к. это их обязанность, часть их природы. Итерлен утратил эту обязанность/повинность вместе с природой виэ, но Фиэльки... как мы видим, она вполне сохранила её, а, стало быть, и свою природу вместе с ней. Таким образом, перед нами удивительный и необъяснимый парадокс — виэ, изменившая своему долгу, но при этом оставшаяся виэ и продолжающая исполнять свои обязанности, возложенные на неё её природой, а вместе с тем и присматривающая за эулиен в подзаконном мире и живущая по правилам подзаконного мира. О подобной возможности Итерлен сказал, что не может даже помыслить подобного, поскольку это нарушение всех мыслимых и немыслимых правил, однако... Если именно любовь к Виэлькине являлась отправной точкой в решении Фиэльки последовать просьбам Эин-Мари, то её поступок можно расценивать как служение любви, а, стало быть, и следование Божественной воле. Именно поэтому, на мой взгляд, Фиэльки остаётся самым загадочным и удивительным персонажем книги, наиболее близким к автору. Каким образом (не считая родства их любви к книгам)? А помните, как в «Записках из прошлого» автор называет себя кахори? Помните с каким знанием и пониманием говорит о служении Коврен и Эгды Искхейне? Как описывает своё подношение Ай Хайле и то, что предшествовало ему? ... Не это ли ответ на вопрос о самой К., также в своё время проживавшей в Светлом Доме и

являвшейся по собственному признанию — эултёри.

МАЛЕНЬКИЙ БЕЗЕЦ ИЛИ АЙАР

Также одним из самых интересных (на мой взгляд) персонажей является младший сын Эливиена Путешественника — Виэльлине.

С самого начала он предстаёт перед нами весьма неоднозначным персонажем — эу, заподозренным в излишней гордыне, называющим себя величайшим из эулиен. Меж тем как воспоминания других эулиен о Виэльлине рисуют нам наискромнейшего и даже уничижающего себя эу. Мы знаем, что Виэльлине было отказано в обучении, т.к. среди эулиен его считали не от мира сего, и скорее сочувствовали ему, но не были готовы взяться за его воспитание и обучение. Даже собственные родители не могли понять сына, и сам Финиар не видел в сердце эу. Так юный эу растёт, пребывая без тона, т.е. остаётся непонятым и так и не принятым в сообщество эулиен. Не наставляясь ни у кого, Виэльлине также неоткуда получить знание, и он так и остаётся Маленьким безумцем, не слушающимся Финиара и не подчиняющимся каким бы то ни было законам, он остаётся эу вне правил и норм, поскольку так и не принят своим народом. Однако всё меняет появление Фиэльли. В жизни Виэльлине вместе с появлением виэ происходят невероятные изменения. Во-первых, сама Фиэльли с первых дней с эу относится к нему с уважением и почтением, достойным его последующих деяний, будто

бы Виэльлине уже Айар. Не имея наставников, тем не менее, очевидно, Виэльлине обретает знание около Фиэльли, или даже непосредственно через неё. Отсюда и начинается его подвиг. Многим читателям, вероятно, покажется странным и даже безответственным поступок Виэльлине — бросить любимую жену и маленькую дочь и оставить Светлый Дом, никому не открыв задуманного. Меж тем сама идея подобного поступка вполне вписывается в идею жертвенного служения кельтской церкви, в идею белого, зелёного и красного мученичества, которые Виэльлине достойно иллюстрирует своим отказом как от общения с любимыми, так и в оставлении пределов мирной земли, и последующим расставанием с жизнью. То, что делает Виэльлине — это поступок не юноши, но мужчины, эу, приблизившего своим Светом к Эйдену, поступок, подобный поступку Карнье, отправившегося в Клувнанкан навстречу смерти. Но Виэльлине не ищет смерти. Он не избегает её, но ищет лишь повод послужить... любви. По его собственным словам, именно ради Фиэльли, во имя его любви к ней совершаются им все его поступки. Именно так, через свои подвиги и служение человеку эу доказывает своей жене, что он именно тот, кем она называет его среди его народа — величайший из эулиен, достойнейший из мужчин. Свои дела Виэльлине скрывает, как и своё имя. Он не ищет признания, не ищет похвалы. Он знает, что Фиэльли известно о его служении, ибо её образ постоянно пребывает с ним, и в сердце они пребывают неразлучно, и

также, возможно, Виэльлине догадывается о природе своей супруги. О подвигах Виэльлине мы узнаём из рассказов посторонних персонажей, тех, кто был спасён им, или же от их потомков. Так мы видим, что всё служение Виэльлине демонстрирует нам отнюдь не слабого и безумного юнца, напуганного и бессильного, но истинного воина, мудреца, Поэта и даже чудотворца. Пока Виэльлине для всех остаётся Маленьким безумцем, о судьбе которого сожалеют в Светлом Доме, нам открывается истинный герой, не знающий себе равных. Герой, лишённый гордыни и отчаянно противостоящий страху, самым большим из которых является сам человек и конкретно — Изосар. Безусловно, следуя логике самого подвига Виэльлине, логике жертвенного служения, логике христианского подвига — конец эу был вполне закономерным. И то, что он растянулся на целый год, дав Виэльлине возможность продемонстрировать превосходство своего духа и Света над невежеством и низостью Изосара, лишний раз указывает нам на то, что Виэльлине — персонаж героического плана, персонаж, представляющий собой один из древнейших архетипов короля-жертвы, хотя самому Виэльлине, очевидно, до самого конца так и остаются неизвестны его собственная сила и подлинное величие.

Виэльлине — герой, постепенно преодолевающий все свои земные слабости и страхи и так же постепенно переходящий из вещного мира в мир вечный, переходящий из реальной жизни в легенду, в слова, оставленные в книге, уте-

рянной, но, очевидно, известной автору.

В Эйдене же, и это весьма показательный факт, Виэльлине не только не оставляет своего служения, всецело отдаваясь ему, но и берёт на себя бремя заботы об Эин-Мари, точно так же, как Фиэльли поступает в подзаконном мире, оставаясь с Финиаром и оберегая его, сохраняя для его возлюбленной. Фиэльли как наставница Виэльлине, Фиэльли как супруга эу, Фиэльли как друг Виэльлине — не только часть его жизни (но и судьбы и даже имени, если внимательно посмотреть), но, как мы видим, это практически один персонаж, выполняющий одни и те же функции, обладающий равным знанием и силой. Именно эта сила, именно это знание и соединённый Свет Виэльлине и Фиэльли переходят к Элигрэн, и именно поэтому Виэльлине так спокоен, утверждая о своём величии, поскольку он говорит не о славе, полагающейся ему за предстоящие подвиги, но о том, что через него миру будет дан великий дар, и этот дар — Элигрэн, олицетворение его мечты, наследница его улыбки, вершина его земных трудов. Так сама Элигрэн, вполне закономерно, является двойником своего отца в повествовании, наследуя не только его мудрость, силу и мечты, но и повторяя его тайное служение, и сохраняя ту же преданность Фиэльли.

Интересен и тот факт, что именно через узнавание о подвигах Виэльлине и через пришедшую благодарность к нему всемудрый Финиар находит ответ о происхождении Света небес Эйдена. И в то же время, даже став и самим Светом

небес, эу по-прежнему просит именовать его Амалли, Маленький безумец, предпочитая это прозвище своему настоящему и даже новому имени.

Положение Виэльлине в тексте и его подспудное сосуществование в нём также сближает Виэльлине и саму К., что автор подчёркивает, не только цитируя Виэльлине, но и практически со-говоря с ним в тексте, делая его как бы соавтором повествования. Более того, сама история Виэльлине, само его служение, его любовь, выбранный им путь — бесконечно близки самой К., которая легко узнаётся в единстве трёх персонажей — Виэльлине-Фиэльли-Элигрэн.

ГЛАВНОЕ ИМЯ

Наверное, каждый, кто читал «Эйвели», рано или поздно задумывался над вопросом, как же переводится имя господина Светлого Дома... Специально для Вас делюсь своим открытием: Лучезарнейший.

СВЕТ ЭЛИГРЕН

Как мы видим из книги, одним из самых опасных и великих подвигов, на которые способны эулиен — это разделение собственного Света, ради спасения другого. Через разделение Света, очевидно, эулиен отдают часть своей жизненной силы нуждающемуся, что если не убивает их, то, значительно ослабляет. О том, что это непростое и небезопасное действие, мы можем понять, исходя из того, как нечасто эулиен используют эту возможность на протяжении всего повествования, поскольку разделение Света может не только ослабить, но и погубить эу. Однако с Элигрэн, как говорится, что-то пошло не так. К моменту возвращения Элигрэн в Светлый Дом, в эпизоде с болезнью Онена, он, её муж, не умирал, а уже умер, и в этот момент Элигрэн принимает решение не разделить свой Свет с ним, а отдать ему весь свой Свет полностью. Как мы видим, это служит воскрешению Онена, и более того, перешедший к нему Свет Элигрэн наделяет его природой эулиен, и он перестаёт стареть. Несмотря на то, что Элигрэн должна была таким образом лишиться Света и погибнуть, она остаётся жива. К. практически не даёт комментариев по поводу того, как это стало возможным. Но ещё более удивительным является второй подобный случай, предсказанный Октруин, которая указала на то, что тот, кто дважды отдаст свой Свет — тому станет доступна мудрость са-

мого Эйдена... И на этот раз Элигрэн практически похищает Итамнили и также отдаёт ему свой Свет, хотя он не болен, не ранен и не находится при смерти, и более того, не является её возлюбленным. Тем не менее Элигрэн принимает это решение, объясняя его тем, что вечность, которую со своим Светом она отдала человеку — это её своеобразная благодарность Седби, её жертва против его предстоящей скорби по утрате Итамнили. Таким образом, и второй раз Элигрэн служит человеку таким странным, страшным и удивительным образом, и снова остаётся живой. Возможно, это связано с тем, что, строго говоря, Элигрэн не является чистокровной эу, она дочь виэ, и, вероятно, именно этот факт наделяет её особой интуицией, мудростью и жизненной силой, проявленной ещё ранее в битве с эохтином. Интересен и тот факт, что второй подвиг Элигрэн, в случае с Итамнили, был замечен и оценен Седби, признавшим торжество Света Элигрэн, о чём говорит кольцо, поднесённое ей, но никем более. Это весьма характерно для подвигов Элигрэн, которые, как правило, остаются вне повествования и незамеченными её сородичами, как, впрочем, и всё служение самого Финиара, о котором мы практически ничего не знаем. Однако посредством пророчества Октруин автор даёт нам понять, что в Светлом Доме появляется некто, чья мудрость не только становится равной мудрости самого Финиара, но, возможно, даже превосходит её.

СЖЕЧЬ = ПЕРЕДАТЬ

С самого начала моего знакомства с К. я задавалась себе вопросом о её желании, изложенном в письме [1] — сжечь содержание чемодана. До «Эйвели» я воспринимала это буквально. Хотя, пожалуй, это и стоило так воспринимать... Но я тогда ещё не знала о практике «погубления писем»... Возможно, К. надеялась, что кто-то иной напишет её книги... Или, как минимум, написанное в них дойдёт до адресата... Что ж... Один из планов К. определённо удался.

[1] «Ты, теперь, кто читает эти строки! Друг мой и свидетель мой, внемли! Одна Жизнь перед Тобою, одна Жизнь в руках у Тебя одного. Надеждою на Тебя охраняем закон Любви, которому та одна Жизнь отдана была в каждом Слове. И если Ты Друг мой, то — никто пусть ни Слова, ни бумаги, ничего из того, что в руки Твои вверяю да не увидит. Всё предаю Tibi et igni. Такова моя воля, Надежда и просьба. Ты же следуй чести и единственному закону, повелевающему над сердцем, ибо такова Воля Того, кто назвал Твоё и моё имя.» [Именно лист с этими словами был первым, что я прочла у К. Именно он лежал первым в чемодане над всеми рукописями, написанный чистейшим каллиграфическим письмом с маленькими «i» и заглавными «You» совсем неприкрыто, сочно-изумрудными чернилами. Именно с этих слов я поняла, что тот, кто написал эти слова, намерен общаться

напрямую с моим собственным сердцем, без посредников. И именно эти слова заставили меня взяться-таки за английский, который я искренне недолюбливала и недоучивала... Именно эти слова, как и Отче наш, я знаю наизусть и храню в сердце как завет. Запрещённый приём использован автором в тексте, кто разбирается — тот поймёт, о чём я, ибо это действительно чуть больше, чем «просто просьба», но я умею читать и прекрасно понимаю, что стояло и стоит на кону у автора. А посему — будет так, как желает автор. Пока я переводчик К. — будет только так. И никак, и никогда — иначе.]

ГОЛУБИЧНОРЕЧИВЫЙ

Все, кто более или менее серьёзно знаком с ирландской культурой и мифологией, явно напряглись, встретив в тексте имя прекрасного мужа Кихин. О судьбе его автор говорит совсем немного, однако данные указания не только не дают нам сомневаться, но прямо указывают на персонажа Оссианского и Фенианского циклов, на того самого Китли, предводителя воинства фениев, лучшего из воинов короля Финна Мак-Кумала, поэта, наставника Оссиана... Следуя логике текста, именно после завершения истории со своим прежним господином Китли, законно именующий себя Хрташ (Изгнанник), встречает воинственную Кихин, которой милостиво поддается в битве ради того, чтобы стать её мужем и наконец обрести покой в Светлом Доме. Пожалуй, во всём тексте «Эйвели» муж Китли — единственный персонаж ирландской мифологии и культуры, чьё имя приведено не в традиции эулиен, а так, как оно известно нам всем. Так что мы точно можем не сомневаться, что многострадальный Китли в полной мере счастливо перешёл из одной исторической вехи в другую и, пожалуй, даже, можно сказать, получил «по заслугам».

ПРОРОЧЕСТВО ОКТРУИН

То самое пророчество Затворницы, которое лишило Финиара покоя, предрекая загадочное пребывание Светлого Дома в «объятьях пламени пылающего». На самом деле, и это вполне очевидно тем, кто внимательно следит за текстом, что проблема понимания данного пророчества заключается не только в том, что на этапе его появления Финиар, скорее всего, и помыслить не мог о том, что им будет принято такое решение, сколько в изначально «неправильном» имени Элигрэн (Пылающий). Дело в том, что подобное имя «неправильно» во многих аспектах. Во-первых, оно дано по старой форме эмланта, с употреблением окончания «рен» как образующего причастие, т.е. в «нарушение» современных на тот момент норм языка. Во-вторых, подобные имена, действительно, не только приличествуют больше мужчинам, чем девушкам, но и в целом не свойственны эулиен (да и арели тоже). И уж точно совсем неясно, чем руководствовался Финиар, давая новорождённой малышке такое странное во всех смыслах имя, которое не только должно было предопределить её судьбу, но и выразить в себе саму суть маленькой эу. Конечно, Октруин тоже постаралась, и в её пророчестве слово, соотносящее её с конкретным эу, было употреблено не с заглавной буквы, но предусмотрительно поставлено в нужном месте, нарушая грамматическую логику текста. Тем не

менее образ Элигрэн как Пылающего, чьё пламя (усердие, сердечный жар, Свет, любовь) охватит Светлый Дом, даже мудрейшему Финиару не приходил на ум до последнего его дня в Светлом Доме. Что ж, имя Элигрэн лишний раз указывает нам о том, что это персонаж вне правил, вне рамок и, конечно же, вне тех законов, что неуютны ей самой, что Элигрэн и демонстрирует на протяжении всей своей жизни, не боясь противоречить даже самому Финиару и законам нашего мира.

ЗНАКОМЫЕ ВСЁ ЛИЦА

Знакомые с творчеством К. Хеллен, читая «Эйвели», должно быть, были приятно (или не очень) удивлены, не единожды встретив в тексте знакомых персонажей, упоминаемых автором также и в других её книгах при других обстоятельствах. Первым, к сожалению, в тексте нас встречает именно Владыка Смерти, он же Бессветлый, он же Анкхали, которого мы уже знаем по «Лисе с синими глазами», как и Нурши, его спутника. Однако стоит отметить, что в «Лисе...» К. очевидно пошла на нарушение исторической хронологии, благополучно переместив Нурши в начало XX века. И тем не менее для тех, кто не вполне смог оценить подвиг и смелость Кайли (лиса с синими глазами, очевидно нарицательное по происхождению), предоставляется такой шанс. Кроме того, мы также видим, что то, что Анкхали сотворил с Кайли — вполне в его собственных обычаях по отношению к тем, кто оказался ему неуютен. Также, к сожалению, в «Эйвели» мы чуть больше узнаём и о Нурши, о котором мы прежде знали только как о палаче при Анкхали. Теперь же нам открывается его история, отчасти объясняющая его жесткость и низость. Так мы узнаём, что Нурши прежде был мелаи, которого Анкхали, очевидно, выделил среди других и позволил ему «повзрослеть», тем не менее так и не дав ему «права голоса» и, по сути, не сильно изменив его функции и задачи.

Тем не менее по отношению к Нурши сама К. задаёт в тексте вопрос: «кто так напугал и унизил тебя, что ты стал таким?» Это обращение даёт нам понять, что К. даже за Нурши оставляет надежду о том, что он мог бы быть другим, если бы что-то в его судьбе сложилось иначе. Также К. совершенно искренне с сожалением и даже сочувствием пишет и о самом Бессветлом. (Если принять на веру то, что в своё время К. также исполняла функции Эгды [из «Воспоминания о королевстве под корнями, или краткое доказательство Эрк»] и Коврен, то, безусловно, с Анкхали она была знакома лично).

Исула и его госпожа. Конечно же, Исула Благословенный также известен читателям К., ибо он определяет судьбу юного Лазаря О'Кайна из повести «Оникс и Берилл». Однако теперь перед нами не просто один из фейри, странных владык, почитающих традиции, но благородный король, наследник великого рода Миды (по своей супруге, чьё имя мы теперь узнаём), имеющий не только смелость, но и мудрость и внутреннюю силу противостоять Анкхали. Также мы теперь понимаем, что, возможно, один из трех его сыновей, упоминаемых в «Ониксе и Берилле» — это и есть Имреи, ныне знакомый нам. Из «Эйвели» мы также можем установить родство между родами Исулы и короля Альтира, другого арели, чья жена Тэмлэй является родной сестрой Эфвер, жены Исулы, также дочери Миды. И Альтира и Тэмлэй мы также, конечно, уже знаем, поскольку они прекрасно своевольничали уже в «Воспоминании о королевстве под корнями, или Кратком

доказательстве Эрк». Однако теперь мы также чуть больше узнаём о роде Альтира и вполне можем оценить его самого и, конечно же, госпожу Тэмлэй — истинную арели. В отличие от рода Исулы Благословенного, род Альтира, очевидно, не так благоволил к зулиен, но при этом мы также знаем, что он не поддерживал Анкхали и никогда не выступал на его стороне. Это даёт нам право полагать, что при всех своих недостатках, вредности и иных пороках, легко обнаруживаемых нами, и Альтир, и Тэмлэй, тем не менее, скорее положительные персонажи, поскольку их несогласие с Анкхали — весьма важный и даже определяющий факт.

Также мы встречаем в тексте и Госпожу Цветов, прекрасную Эйндивэль, известную нам как рекрутировавшую К. в качестве свидетеля её битвы с родным братом в «Пока цветёт наперстянка». Трагическая история судьбы Госпожи Цветов также даёт нам обширное поле для размышлений об этом персонаже, очевидно, самом смелом из всех представленных царственных арели, и в то же время самом хрупком, самом незащищённом и преданным Финиару и его народу.

БЕСЕДЫ К. С ФИНИАРОМ В 4Й ГЛАВЕ И ОБРЕТЕНИЕ ЗНАНИЯ?

Весьма занимательная на мой взгляд и не менее поучительная — 4 глава из книги. Возможно, автор ввела её, чтобы читатель смог скорее понять Эулиен, или же как дань уважения к господину Светлого Дома... Или же... По крайней мере очевидно, что К. была свидетелем приведённых бесед и выдержек из них. Также внимательный читатель может обратить внимание, что пара вопросов (бесед), вероятно, происходят напрямую между Финиаром и самой К., как это есть в отрывке с вопросом «Нужно ли скрывать от людей то, что пугает или смущает их» (и в этом случае, скорее всего, К. спрашивает о самой себе), как и в отрывке «Есть три вида служения человеку»... В ссылке, конечно, я предположила, что слушающий внезапно переключился на следствие, и из-за этого в тексте употреблены многоточия, но, с другой стороны, если слова Финиара воспроизводятся именно К., как свидетелем этих бесед, то, скорее всего, это именно она «выпала» из реальности на данном этапе беседы. Возможно даже, что это было связано не с отправлением в следствие, а с обретением знания, ибо всё же К. находилась в Светлом Доме именно как требующая наставлений и оставила его после обретения знания, как раз (по её указаниям) от самого Всеспрашиваемого. В любом случае, те беседы и выдержки

из них, что приведены в 4й главе — не только подлинный бриллиант в содержании книги, но и, что интересно (если внимательно проследить), весьма полно перекликаются с наблюдениями «необразованного» Виэльлине.

К. В СВЕТЛОМ ДОМЕ

Один из наиболее интересных (для меня по крайней мере) вопросов в биографии самой К. — это её возможное пребывание в Светлом Доме. Об этом она не упоминает нигде более, кроме как в самом тексте «Эйвели», многократно признаваясь в своей любви к обители и возвращаясь к воспоминаниям о ней. Тем не менее ни срок, ни место пребывания её там даже примерно выяснить весьма сложно. Очевидно, что К. застала время рождения Элигрэн (или как минимум знала её лично), что мы можем сопоставить примерно с VI веком н.э., если мои подсчёты верны. Возможно, К. осталась в Светлом Доме и после этого, а возможно, и покинула его раньше. Однако весьма сложно отрицать тот факт, что она всё же не только бывала там, но и наставлялась. Для тех, кто читал другие её книги и имеет представление о мировоззрении автора, это не покажется неочевидным, и, кроме того, сама К. называет себя эултёри, т.е. воспитанной в традиции эулиен, однако ни в книге, ни где-то ещё не причисляет себя к эулиен, как, собственно и к арели (фейри), и к людям. Остаётся вопрос, насколько действительно К. требовалось обучение, если исходить из того, что она сама себя называет также и кахори (что может говорить о том, что перед нами виэ, т.е. создание и так в полной и совершенной мере владеющее знанием) ...Однако возможно, что К.

оставалась в Светлом Доме не столько для получения знаний, сколько наблюдая за эулиен и людьми, готовя себя к тому, чтобы также отправиться в самостоятельный путь. Тем не менее, несмотря на то, что автор многократно признаётся в любви к Светлому Дому, в своих записках и дневниках она никогда не упоминает о нём, как никогда и не говорит, что где-то был её дом, то самое место, которое она бы сознательно могла так назвать. Таким образом, К., как мне кажется, даёт нам понять, что при всей её любви к Светлому Дому он так и не стал ей родным, не стал «домом» в полной мере, как и сама К. не стала эу, обучаясь в нём, но осталась также вне правил и рамок.

При всём этом, К. часто упоминает имя Финиара (или отсылает к его образу) в своих дневниках (в тех самых отрывках на эмланте, что были для меня нечитаемы ещё некоторое время назад), и в этих случаях к Финиару она применяет эпитеты и обращения, раскрывающие её любовь и уважение к этому эу. Так, самыми частыми из них у К. являются: Отец, мой господин, мой светлейший/сердечный друг, учитель. Кроме того, не лишним будет сказать, что самим написанием «Эйвели» мы обязаны как раз слову, данному в своё время К. Финиару. «Agán-n-agán, efér hi ni vol` hi vói íftam, ímveltāne miiik bréak im íl`mh ev ítchen óki írnuítamē ev nóin ánamtenal` míel ítam ímvetal` téylet, ni urtúierokhi úmi... Hi téylettal` vóile vol` linóki, eilátantil`, kowb il`tímwrhetil` anírtetne ok ü nívhi ístai ism, öl`le. Ni enír, ke ki ni tentátal` úmi éle ek el`téylet,

ke ímvetal` hi ev ínehin el`ítam. Áyrem a íyen mayndér.» «Давным-давно, когда я не была самой собой вполне, оказанные мне помощь и забота, в минуты истинной нужды в них, сподвигли моё сердце дать обещание, несвоевременное тогда... Я обещала правде быть раскрытой, свидетельствовать, дабы водворить скрываемую истину на её золотой трон. Не думаю, что никто не знал тогда о том обещании, что дала я в своём сердце.»

СВАДЕБНЫЕ ДАРЫ

Одной из древнейших традиций, известной также и людям — являются свадебные дары, которые подносятся женою и мужем друг другу наутро после свадьбы (не путать с подарками родственников и «выкупом» невесты). В традиции эулиен, как мы видим, нет этого обычая, или по крайней мере он не описан К., однако всё же мы знаем о свадебных дарах, которыми обменялись Эин-Мари и Финиар. И они бесконечно символичны. Так, если Вы помните, Финиар поднёс жене клевер в росе. Казалось бы, совершенно пустое, глупое и неуместное подношение, однако... Также, если Вы помните, само родовое имя Финиара — Эйвели — означает клевер, а роса (и это не только у К.) является извечным символом чистоты. Таким образом, в Эйдене, не обладая ничем вещным и в целом ничего особо не имея, Финиар поднёс жене очень символичный и ценный дар... Эин-Мари же поднесла Финиару собранные для него слёзы счастья, пролитые о нём, т.е. счастье овеществлённое, засвидетельствованное, принадлежащее теперь только Финиару и указывающее на то, что только он его источник и причина. На мой взгляд, это очень трогательный и в то же время глубокий эпизод, повествующей о чистейшей любви двух первых эулиен. (Хотя, что странно, ни разу во всей книге К. не называет Эин-Мари «эу») ... И хотя второй эпизод с даром Эин-Мари не

относится к свадебному, я тем не менее всё же упомяну его здесь. Перед уходом Финиара и его детей из Эйдена, уже после того, как Эулиен было принято такое решение, Эин-Мари поднесла мужу кольцо, не только как символ любящих, понятный всем, но в первую очередь свидетельствуя о Свете Финиара, поскольку именно это решение с его стороны и было главным свидетельством просияния его Света (своеобразным итогом служения), которое тогда ещё никто не мог оценить и знать, кроме любящей Эин-Мари.

КТО ЗНАЛ ТАЙНУ ФИЭЛЬЛИ?

Свидетельством Эин-Мари в конце книги установлено, что госпожа Ирдила́ле являлась виэ. Однако за всё время пребывания в Светлом Доме Фиэ́льли её тайна так и не была раскрыта. Неужели никто из эулиен, как самых древних и мудрых, так и самых зорких и влюблённых, не мог разглядеть в Фиэ́льли нечто иное, отличающее её от эулиен? Но даже Итерлен, бывший виэ, не смог распознать «родственную душу». Тем не менее в Светлом Доме определённо точно было двое, кто несомненно знал о природе Фиэ́льли. И это — Ион и... Итейни. Для ангела Иона природа Фиэ́льли, естественно, не могла быть тайной, и от первого появления Фиэ́льли в тексте Ион демонстрирует нам понимание этого феномена и даже начинает своеобразное служение Фиэ́льли. Другое дело Итейни, муж Эвгли, лишённый крепости рассудка, проще говоря — безумный. Обратите внимание на его диалог с Фиэ́льли, приведённый автором, когда Итейни впервые увидел госпожу Ирдила́ле, и на его страх (Восторг? Трепет?) перед ней. Весьма важен и интересен тот факт, что из всех эулиен Светлого Дома только безумный Итейни беспрепятственно и ясно видит природу Фиэ́льли. Возможно, чтобы постичь виэ, достаточно быть безумцем, или Маленьким безумцем? Собственно, мы не знаем, знал ли Виэ́льлине о том, что его жена виэ, однако лично я склоняюсь скорее к

положительному ответу, ибо для Виэльлине было слишком много явных и косвенных подсказок о том, что его супруга не принадлежит к его народу, и возможностей понять это. Знала ли Элигрэн о том, кто её мать? Для меня этот вопрос до сих пор остаётся без ответа. Также, возможно, и Октруин знала о природе Фиэльли, ибо однажды пришедшему к ней за советом Финиару отвечает так: Фиэльли ответ. Всё (в данном случае употреблено слово «майнду» в смысле мироздание) Фиэльли. Этот ответ Октруин полностью соответствует правде, ибо Фиэльли осталась виэ, частью мироздания, им самим воплощённой, другое дело, осознавала ли сама Октруин значение своего ответа, или смысл сказанного оставался для неё самой недоступен.

ИЛЬВЕЛЛЕ — СЫН АЙКАЙЛАХА?

Даже в карточках я поставила знак вопроса в данном случае... Меня смутило описание внешности Ильвелле как высокого, златоволосого эу, при том, что и Мирвирен, и Айкайлах были темноволосыми и невысокими. В пользу предположения о том, что Ильвелле мог быть сыном самого Анкхали (?), говорит и эпизод его встречи с ним, когда Ильвелле с лёгкостью одолел и прогнал арели, даже вселив в него прежде неведомый трепет.

Весьма показательная и в то же время печальная история... Так ненавидя эулиен и всё, что с ними связано, Анкхали тем не менее получает своё продолжение именно в роду Эйвели, в своём сыне (по крайней мере единственном его ребёнке, о котором мы знаем). И в то же время, несмотря на то, что Ильвелле, как и любой эу — положительный персонаж, его судьба predetermined самим его появлением на свет, и поэтому ранняя смерть Ильвелле выглядит вполне закономерно, поскольку тени Анкхали — не место в этом мире, пусть даже она заключена в светлейшем существе. Интересен и тот факт, что именно Изосар убивает Ильвелле, и таким образом его смерть не является следствием несчастного случая или добровольной жертвы эу. Зло погублено другим злом, пусть и вместе со светом. Идею о том, что любое зло губит само себя и себе подобных, мы видим также и в исто-

рии Хиолнили. И отчасти даже в истории несчастного Изигара (Ильтимврина). Зло не может получить своего прямого продолжения в этом мире, только совавтив, искусив чью-то душу. По крайней мере, я так понимаю значение этих эпизодов, поскольку, как мы видим из текста — и Анкхали и Изосар, при всей их неудержимой похоти — остаются бездетными и бесконечно одинокими в своем окружении, а единственные их наследники, которые смогли появиться на свет — были наполовину эулиен, т.е. не являлись в полной мере (а по книге так вообще не являлись) наследниками их тени и злобы. Возможно, дети, рождённые Анкхали и Изосаром от эулиен, выбравшие свой путь среди надеющихся, были как раз рождены для того, чтобы через них их отцы могли получить своё исцеление, очищение и спасение, но, как мы видим, ни один, ни другой антагонист не воспользовались этим даром.

ГОЛУБКА ЭФГВЭ

Для меня был вполне понятен и очевиден поступок Эфгвэ, отдавшего свою жизнь ради эу во имя любви. Как очевиден и тот факт, что по своей природе сам Эфгве вряд ли до конца осознавал природу самой смерти... Да и вообще, возможно ли ангелу умереть? Действуют ли над ним законы этого мира, законы жизни и смерти? И стал ли Эфгвэ, явившись влюблённым, подобным Иону, или же нет, ибо всё же был послан к Идирэ, а не выбирал этого? К. не объясняет природу Эфгвэ, она в целом даже не указывает, был ли он ангелом или иным созданием, предстоящим Господу и исполняющим Его волю. Однако смерть Эфгвэ (не сама по себе, а именно смерть во имя любви), как мне кажется, весьма условна, поскольку уже в истории Энакленона, сына Идирэ и Юльмадильмрин, мы встречаем упоминание о белой голубке, следующей за ним всюду. И, судя по отношению Идирэ и Юльмадильмрин к этому факту, они, очевидно, воспринимают её как заступника их сына, каким оказался Эфгвэ для их любви. Поэтому между Эфгвэ и белой голубкой Энакленона я поставлю знак равенства.

ЛЮБИМОЕ ДИТЯ ФИНИАРА

Читая об истории любви Финиара и Эин-Мари, мне не приходилось сомневаться в том, что они не только безумно любили своих детей, но и по праву могли гордиться ими. Никто из них не имел изъяна в сердце и своём служении (после раскаяния Седби), на протяжении всей книги мы видим, что каждый из детей Финиара ревностно служит человеку и с честью несёт на себе обязанности главы рода, своего предела и всецело предан своему отцу. Тем не менее невозможно так, чтобы у отца не было любимчика, хоть его любовь и будет справедливо и нежно равно разделена между всеми его детьми. Мне всегда очень хотелось понять, узнать, кто же из всех детей Финиара занимал в его сердце особое место, но ни одним своим решением, ни одним действием Финиар не давал мне понять этого. Возможно, это и должно остаться для всех тайной, или я уж слишком придирчива к словам... Но в одной из последних глав, когда Финиар по очереди навещал каждого из своих детей, чтобы убедиться в их готовности перенять его служение, он к каждому из них обращался бесконечно учтиво и добро, но лишь в одном единственном случае Финиар употребил обращение «guiar», т.е. «дражайший». Более так Финиар не обращался ни к кому из своих детей. И «guiar» он употребил именно в обращении к... Седби... Что ж... Ну разве не закономерно, что бунтари всегда

и во все века, среди всех народов любы своим родителям,
несмотря ни на что?

ПРОКЛЯТЫЙ ЗНАК

Да, мне бы не хотелось бы думать так... Но... Данный рисунок [см. ниже] — факсимиле авторской иллюстрации К. Хеллен к «Эйвели», где К. изображает знак Изосара. Кто следит за новостями, могли видеть эту иллюстрацию в нашей онлайн-группе. Я не хочу писать патетических или философских текстов, но, глядя на эту иллюстрацию, просто становится грустно. Совпадение или нет, но этот знак весьма популярен сегодня, как, собственно, как я вижу и всё то, что он означает...

Знак Изосара

АРЕЛИ = ФЕЙРИ.

КЛАССИФИКАЦИЯ К. ХЕЛЛЕН

В «Эйвели», как и в других своих произведениях, К. Хеллен упоминает фейри, с одной лишь разницей, что в данном тексте она называет их не «фейри», а «арели». Этот небольшой текст — попытка чуть-чуть систематизировать столь любимую классификацию автора. Итак:

1) Под именем «арели» К. называет всех фейри, т.е. вообще все их рода и виды, за исключением демонов/бесов, т.к. для них есть другое определение — «висы». И это говорит нам о том, что сами эти понятия — арели и висы — не тождественны, и демоны/бесы не являются арели/фейри.

1.1) Само понятие «арели», как слово — образовано на эмланте от отрицательной приставки «а» и «рели» — тело, т.е. дословно — «без тела», что в большей части характеризует саму природу арели, являющихся (в большей части своих видов) существами бестелесными, духами.

2) В самом понятии «арели» К. Хеллен указывает наличие трёх видов, располагающихся, очевидно, в иерархическом порядке: áрели-э-дánaэ [árelī-eh-dánae] (иначе — дánaи [dánaí]), ráни-áрели [ráni-árelī] (иначе — ráни [ráni]) и árelī-eh-udhún (иначе — удúнаи [udhúnai]). Сама К. в «Эйвели» различает их так: «áрели-э-дánaэ [árelī-eh-dánae] (иначе — дánaи [dánaí]) — высшие из них, Владыка и народ его из их

числа, из них же и благородные короли их и воины. Также есть среди них рáни-áрели [ráni-árelī] (иначе — рáни [ráni]) — «те из арели, что не имеют плоти и непривычны к ней, они же выбирают чаще облик животных и редко тяготеют к Свету Есть также и низшие арели, чья тьма древнее их собственного имени, ибо первородный Хаос и его тьма — пристанище их, нет у них имён и облика, когда же бывает в том нужда их — то выбирают они демонический облик гигантских чудовищ — их же и называют árelī-eh-udhún (иначе — удúнаи [udhúnai]) и не ведают они Света вовсе и нет у них нужды в нём, они же не ходят ни под чьей властью, ибо саму её не понимают.» [К. Хеллен, «Эйвели»]

2.1) Таким образом, данаи относятся к высшим арели=фейри (и очевидно, что сиды/ши, а также другие фейри, упоминаемые К. Хеллен в её книгах, и те, что известны нам по ирландским мифам и легендам), т.к. находятся под властью Данах (он же Анкхали, Владыка Смерти или просто Владыка — в своём мужском воплощении), а возможно (???) и произошли от неё. К рани, очевидно, относятся также и духи цветов, растений и флоры, а не только «оборотни» и арели/фейри, выбирающие для действия в нашем мире облик животных, о чём и пишет К. в «Эйвели», определяя Госпожу цветов как рани. Также логично, что наиболее близкими к висам/демонам являются удунаи, сущности, по природе своей ведущие образ жизни, практически равный стихиям, и лишённые самосознания, в отличие от остальных аре-

ли. На основании этого я полагаю, что ирландских фоморов скорее стоит относить всё же к данаи, а не к удунаи, а всех представителей «низшей» мифологии — к рани, но также не к удунаи.

3) такие виды созданий (существ), как виэ и эулиен (эльфы), К. не определяет как арели, но выносит за пределы данной классификации как отдельные народы/виды/расы.

«ИСТИННО ТАК!»

Прекрасный ответ, которым эулиен отвечают на впервые услышанное имя, вместо привычного для нас «очень приятно». «Истинно так!» — это не только подтверждение и похвала имядавателю, нарекшему имя представившемуся, но (и это особенно важно) признание правомерности его существования, признание его самого, своеобразное устное свидетельство о том, что имяносите́ль «истинно» исполняет=воплощает суть своего имени, достойно служит под ним. Таким образом, «истинно так!» не только милое, но и очень ценное приветствие, возвращающего каждого к обязательствам, возложенным на него его именем.

АНУРИ ЭУЛИЕН

В «Эйвели» сказано, что при всём величайшем уважении и почтении эулиен к Финиару все они, со времён оставления Эйдена, почитали своим господином его старшего сына — Элкарита, как наиболее близкого к ним. Именно его эулиен называют своим «анури». В тексте К. говорит: «так называют эулиен полагателя рода, царя над царями, мудрейшего из мудрейших. Нет спора в том, что для эулиен, покинувших пределы Эйдена — Элкарит, сын Финиара — анури. Так его называют, так почитают его, хоть его сердцу это совсем не мило.»

Я сначала решила, что это звание переводится как «бестёмный» по аналогии с Бессветлым. Т.е. отрицательная приставка «а» и «тёмный» — «нури». Не исключая, это как вариант значения, но всё же мне кажется, что «звание» анури образовано от слова «anúg» — дело, духовный подвиг, деятельная молитва. Это мне кажется более логичным применительно к Элкариту и тем ожиданиям от главы народа эулиен, что возлагались на него.

ПРОДОЛЖАЯ ТЕМУ АНУРИ... ПОЧЕМУ ЭЛКАРИТ, НЕ ФИНИАР?

Не хотелось бы прибегать к аллюзии на божественную тему Бога-Отца и Бога-Сына, но таки она напрашивается сама собой...

И всё же... Почему эулиен называют анури именно Элкарита, а не Финиара, который не только был господином Светлого Дома, но и родополагателем, если можно так сказать, всех эулиен, первым из них?.. Думаю, ответ лежит не только в том, что перед Финиаром, как неким абсолютом, более того, Всезнающим, многие испытывали трепет, сколько в том, что именно Элкарит был тем, кто огласил главную идею всего народа эулиен — служение человеку. Именно Элкарит не только обратил внимание на нужды смертных, будучи в Эйдене, но и призвал эулиен оставить его ради смертных, он же, как мы помним, возглавил и сам исход. Финиар же лишь поддержал сына и не противился его решению, однако оно не исходило от него, идея посильного спасения смертных, идея жертвенного, милосердного служения, всепрощающей Любви принадлежала именно старшему сыну Финиара, была озвучена и безупречно воплощена им.

Кроме того, именно Элкарит, по мнению эулиен, мог понести большие жертвы, оставив Эйден, нежели сам Финиар, т.к. в итоге потерял гораздо больше, чем ему было дано и чем

он смог получить. Также стоит обратить внимание, что и сам Элкарит, как и все дети Финиара, воспринимал своего отца не только как своего великого родителя, но и, несомненно, и это весьма показательно в тексте, как своего господина, носителя Божественного знания и осведомленного (в той или иной степени) о Божественной Воле, что так или иначе отрывает Финиара от всего его народа и ставит выше, много выше, недостижимо для остальных эулиен. Его одиночество, сила, знание и судьба — лишь подчеркивают его надмирность, недостижимость, и потому к Всеспрашиваемому, т.е. к Финиару прибегали лишь в самом тяжелом, важном, нетипичном случае. В книге также мы находим неоднократное упоминание о том, что Элкарит трудился в Светлом Доме наравне с другими эулиен, никак не выделяя себя, не ограждая себя от других, в то время как к Финиару попасть было не так-то просто, так как он часто бывал недоступен для жителей Светлого Дома, трудясь в своих покоях или пребывая вне обители, когда тот же Элкарит практически не покидал обитель, всегда и во всём оставаясь со своим народом. Таким образом, служение Элкарита, его жертвы, его близость, родственность народу эулиен, разумеется, была более очевидна, в то время как Финиар оставался для них недостижимым, великим прародителем, живым воплощением оставленного Эйдена, того, кто видел и знал Самого Создателя.

ГЛАВНЫЕ ИМЕНА

...Я не эксперт в эмланте. И могу предположить, что образование имён на эмланте происходит иначе, чем мне кажется. Тем не менее не могу оставить без внимания возможность разобраться в значении имён главных персонажей книги... Благо, за Элкарита я уверена, а вот с остальными... Не могу утверждать, что это 100% так, но мне кажется, что...

Финиар — Светозарнейший

Элкарит — Олень

Седби — Несущий в себе огненосный уголь, Уголёк? Та-
ящий огонь? (Дело в том, что, вполне возможно, имя Седби
образовано от слов *sed* (*sédat*) — иметь в себе, содержать и *bi*
— огненосный уголь; то, что рождает Свет. К правомерности
подобной трактовки отсылает и сам эпизод зачатия Седби в
Эйдене)

Эливиен — Ветер над водой (морской ветер), Голосящая
мудрость, Мудрость, Глубина (от *Élivh*)

Эликлем — Начало (аналог *maundu*? От слов *éli* — начало,
klémar — опора, надежда, чаяние, благое ожидание и *emh*
— единство)

Сертес — Праведный пыл (Справедливый пыл) от *sert* —
праведность, справедливость, Божия Воля и *tes* — вооду-
шевление, вдохновение, пыл.

Грененн — Сокровенный (вероятно, от *grenni*)

Амрантри — Полоса зари (Юная заря), скорее всего от amrantar — рассвет, полоса зари, юная заря, Надежда.

Лиллини — Предчувствие (высота, так называют иногда «малый Эйден» или дорогу к нему) от lilli (lillihtar)

Грейль — вероятно, от greu — Первородный свет/огонь источник света? (Досл. Доблестное горение). Следовательно — Принадлежащая Первородному Свету.

...

...И, Бог свидетель, как долго я билась с именем Виэль-лине... Но вот самая из (на мой взгляд) логичных версий:

Виэльлине — Душенаследник (Наследующий душе), Принадлежащий душе (виэ) и наследующий её право. (Т. о. Виэль-ине — vie -душа, + окончание l» — чьего-то, принадлежащий кому-то по закону (юр. термин) = окончаниям «г» и «уг» и + lne — преемник, правонаследник)

Сложнее, чем с Виэльлине, дела обстоят только с Фиэльли... Что, собственно, логично... Тут вообще чисто мои догадки...

Фиэльли — Охраняющая душа? (словообразуйте сами, ибо я уже всё: от «ф» — корня, обозначающего заботу, защиту, охрану, и слова «виэ» — душа, соединённых по правилам или без (предполагаю, что второе) в некое фиэ, вместо виэ и + l̃ и + традиционное окончание имён эулиен или «ли» = либо, или «ли» от lih` = высота)...

ПОДВИГИ ВИЭЛЬЛИНЕ

...Жизнь и история Виэльлине разорвана, разбросана по всей книге. Её внимательный читатель может проследить, собрав воедино цитаты самого эу, упоминания о нём персонажами из книги и самим автором. До самого конца мало кто из нас понимает, КТО этот странный юноша и КАКОВА его истинная цель. На эти и другие вопросы, пожалуй, каждый сам должен дать себе ответ. Для многих история Виэльлине заканчивается его гибелью в плену Изосара, после того как эу оставляет свою любимую жену и маленькую дочь. Зачем? Почему? Во имя чего? Сам Виэльлине даёт ответы, и они становятся очевидны, если посмотреть на его поступки. Попробуем проследить подвиги и деяния Виэльлине в хронологическом порядке. Итак, подвиги:

Эпизод из 100 звенья: некий эу спас людей в заезде дома, удерживая его после пожара.

Эпизод из 105 звенья: некий эу приходит в аббатство и просит там приюта, а позже аббат узнает о благих делах этого юноши от людей и получает на хранение от него книгу (сколько на самом деле в данном случае подвигов и благодеяний совершил эу, неизвестно).

Эпизод из 191 звенья: некий эу спасает сына короля Маусара, предложив себя дракону вместо него, и затем служит дракону и людям в течение года.

Эпизод из 198 звенья: некий эу предложил себя пиратам взамен заложников и обратил их в свою веру.

Эпизод из 208 звенья: отшельник рассказывает Юшли о том, как был пленен Виэльлине и что он пережил в плену у Изосара, и как сносил уготовленные для него истязания.

Эпизод из 211 звенья: некий юноша спасает сына владыки Праника и разбивает армию его недруга, не убив никого и не покалечив.

Эпизод из 247 звенья: эу Атанневолиэ рассказывает предание о Нахатской битве, в которой один юноша (эу) в одиночку одолел несметное воинство Анкхали, обратив его самого в бегство, тем самым спасши целую землю.

Эпизод из 250 звенья: в Эйдене Финиар узнает, что, вернувшись в него, Виэльлине посвятил себя служению людям и заботе об Эин-Мари. Прозрение о Виэльлине послужило для Финиара ответом на вопрос о природе Света Эйдена.

Мы также узнаём, что Йонардин, собиравший песни о подвигах Вэльлине, знал их весьма много, что означает, что их должно быть гораздо больше, чем мы знаем из книги.

На протяжении всех своих странствий, как мы понимаем, Виэльлине отчаянно помогал всем, кому мог помочь, несмотря на свою физическую слабость и слабое здоровье, врождённый страх перед оружием и ужас, который он с детства испытывал перед личностью Изосара. В своём служении в последние месяцы (годы?) Виэльлине в открытую противостоял Изосару, обличая его учение и отвращая от него

людей.

...Сам же Виэльлине (если верить его словам из его же книги) величайшим из своих трудов называл — Элигрэн, свою дочь.

ПОЧЕМУ ВИЭЛЬЛИНЕ «СМЕРТИ ИСКАЛ»?

На самом деле такой вопрос закономерно возникает, если отслеживать историю жизни этого странного эу, в общем-то не зря прозванного Маленьким безумцем... Однако ответы можно найти в его же словах, в отрывках из его книги, приведённых автором.

Во-первых, конечно, Виэльлине отправился в своё странствие (пусть и без спросу), следуя традиции эулиен, как если бы он обрёл (а он-таки обрёл) знание. Если копать уж очень глубоко, то читатель может проследить и предположить, что Виэльлине обрёл знание во вторую ночь после амевиля с Фиэльли.

Во-вторых, мы помним, что в Светлом Доме никто серьёзно не воспринимал Виэльлине, и относились к нему скорее с сочувствием и сожалением, нежели с уважением. Кроме того, никто не видел в нём силы, достаточной для овладения тем знанием/умением, что могли ему предложить. И Виэльлине, соответственно, считал себя недостойным эу, недостойным не только любви Фиэльли, но и недостойным даже своего великого отца. Свои поступки Виэльлине также оправдывает тем, что совершает их ради того, чтобы стать тем самым достойным эу, о котором прежде говорит Фиэльли, достойным её любви, достойным её самой, остающейся

недостижимой и абсолютной единицей для влюблённого.

В-третьих... И Виэльлине об этом пишет сам: «всё, что я делаю — любовь.» Это не только признание в том, что через свои поступки он выражает свою любовь и уважение к человеку, но и сами по себе все его поступки, каждый его день, каждый шаг, каждая мысль, каждый вздох — его признание в любви, признание для Фиэльли. ВСЁ, что я делаю — ЛЮБОВЬ. Т. о. Виэльлине фактически творил не «подвиги» а отчаянное, безумное, странное, но совершенное признание в любви. Которое логично заканчивается смертью во имя любви (осознанное отдание жизни, посвящённой Фиэльли).

Знакомые с философией кельтов также могут усмотреть в истории Виэльлине и вполне закономерное его «стремление к смерти» как классическое подтверждение его слов, смутивших многих, о том, что он — величайший из эулиен (т.е. можно сказать, король, некто, главенствующий над всеми). А король, раз уж мы говорим о традиции кельтов — должен умереть. И умереть, разумеется — вовремя. И, что немало важно — не просто погибнуть, а принести себя в жертву, что Виэльлине и делает, позволив Изосару убить себя, тем самым не только исполнив свои слова, но и переступив через самый глубинный страх в своей жизни. К тому, что смерть Виэльлине также стоит рассматривать и в данной традиции, говорят слова автора, употреблённые в эпизоде смерти героя — «Когда же пробил королевский час Виэльлине, сказал он...»

БРАНЯЩИМСЯ ВХОД ЗАПРЕЩЁН

Практически в самом начале книги мы узнаём, что только тот, кто чист и светел сердцем, может войти в Светлый Дом, а позднее и увидеть его. Однако особого внимания (на мой взгляд) также стоит и одно из условий пребывания там — запрет на использование брани. Обратите внимание — в книге эулиен не ругаются. В эмланте не предусмотрено матерных/ругательных слов и оборотов, кроме того, К. говорит, что тот, кто позволит себе бранное слово в стенах Светлого Дома, тотчас будет изгнан, даже если это человек, и в книге также была описана подобная сцена, когда все эулиен становятся спиной к изгоняемому и в молчании провожают его. Также интересен и тот факт, отчего арели так жестко пытали эулиен: не только ради удовольствия от их стонов и криков, но и для того, чтобы заставить их браниться, чтобы они отступились от своей природы, сломались. Однако, по крайней мере в книге, ни один эу себе такого не позволил... как, собственно, и сам автор.

КОРОТКО О СВЕТЕ

Только что до меня дошло словообразование главного слова — Свет (Иль)!

I [Бог] + I' [окончание, обозначающее принадлежность к чему-либо] = II' т. е. Принадлежащий Богу, по праву Божий. ... Т. е. Свет в понимании эулиен — неотъемлемая часть Бога, Его право, Его Воля, Его продолжение. И тогда совершенно ясно, почему это слово просто обязано писаться с заглавной буквы.

Что это? Что есть тот самый Свет эулиен, которым они так странно распоряжаются, которым делятся, который отдают и оберегают? Мне почему-то показалось, что Свет в данном случае как какая-то энергия. Не сама жизнь, а, возможно, сила её. И она слабеет, если эу становится нечист или уходит, если эу погибает. Вот «разделить» Свет мне понятно, а отдать, но выжить — неясно. А в случае с Элигрэн неясно дважды.

Видимо, Свет не есть полный эквивалент жизни. Может, Свет как благодать, т. е. Бог наделяет им, может дать ещё или отнять? Не знаю. Но определенно «Свет» в данном случае многозначное явление.

Думаю, что понимание его истинной природы есть часть того самого обретаемого знания. С другой стороны... Если смотреть с практической точки зрения языка: то Свет =

П' — это Бог+принадлежность (т.е. принадлежащий Ему по праву). Таким образом, возможно, это действительно что-то вроде благодати, благословения.

НЕМНОГО О «ЯВНОЙ ТАЙНЕ»

Недавно вспомнила об одной записи К., приведенной на эмланте и продублированной несколько раз на разных языках, в том числе и на русском.

«Кто-то обладает букварём, кто-то от опыта берёт свои уроки, я же тысячу лет слово в слово буду учить этот мир наизусть по твоей книге. В душе сохраню её, раз люди не смогли уберечь. Ты же знаешь, не я берегу книги и не я спасаю их, ибо от Слова — человек моя книга. Но я не отдам Смерти ни строчки из твоей песни, ни точки, ни вздоха — не отдам.»

...Теперь, спустя ещё одну книгу, я начинаю догадываться, о чём тут речь. Неспроста ведь в «Эйвели» автор намекает, что книга Виэльлине была безвозвратно утеряна, однако... Мы же помним, кого честно можно считать соавтором К. в данном труде...

КАК ЭУЛИЕН В ЭЙДЕН ВОЗВРАЩАЛИСЬ

Тут всё просто — по смерти, точнее сказать — через неё. Несомненно, что чистые душой и сердцем эулиен, погубленные в подзаконном мире, возвращались к истокам, в свою первую обитель, читай в Эдемский сад, то бишь в Рай. Оттуда же они вышли по доброй воле, отказав себе в благах Рая, чтобы служить смертным, и потому ни один из эулиен не возвращался в Эйден по доброй воле, как бы ни скучал, ибо долг его, взятый во время исхода, был ещё не исполнен. В то же время не погибшие эулиен (и не только эулиен), как мы видим, относительно легко покидают пределы Эйдена, воплощаясь или пребывая в нашем мире, возвращаясь в Эйден по смерти или по своей воле. Другое дело Финиар... Который вернулся в Эйден, оставаясь живым. Как именно? По просиявшей лестнице. Возможно, завещав Элигрэн Светлый Дом и опеку над смертными, он посчитал свой долг исполненным и потому смог спокойно вернуться, претворив свой Свет в лестницу, как некогда сделали Грейль и Эрайе, переходя через воду по собственному Свету, сделав его некоей прочной дорогой. А возможно, провидец Финиар был призван Создателем вернуться, и просиявшая лестница — целиком Его воля. Я лично склонна думать, что первый вариант более логичен. Ведь, покинув Эйден добровольно, Финиар

исполнил свой долг, который он озвучил (вернуться, когда его роду уже ничего не будет угрожать), передав обитель такому защитнику, как Элигрэн. ...И тут вторая загвоздка... Мёртвые не возвращаются из Эйдена, это очевидно. Но... Финиар приводит оттуда почившую прежде супругу Элкарита. Её одну. Почему? Каким образом? Я полагаю, что выбор Финиара был очевиден. Элкарит без Эйдалин был практически бессилен, лишён улыбки, лишён желания жить. Вернув Эйдалин сыну, Финиар вернул и его самого всем эулиен, более того, Элкарит тогда уже был согосподином Светлого Дома, а стало быть, не имел права, не мог быть слабым и с изъязнами, которыми стали его скорбь и горе. Вопрос остаётся — КАК Финиар смог вновь привести в этот мир прежде погибшую Эйдалин, не через рождение, перерождение или воплощение, а прямо так, «целиком как было»? Я не могу найти ответа, но полагаю, что это стоило Финиару многого Света. Возможно, он совершил чудо, что-то вроде того, что дважды совершила Элигрэн, полностью отдав свой Свет людям. Я не утверждаю, но полагаю, что, возможно, всесветлейшему Финиару было по силам хотя бы один раз совершить это чудо, проявив в нём свою «светосилу» и отцовскую волю. Думаю, именно в природе Света стоит искать нам ответы на многие вопросы, связанные с чудесами в данной книге. Хотя что-то мне подсказывает, что не только в ней...

МАЛЫШ ЭРАЙЕ?

Ох уж этот Эрайе... О его прозвище Уолли К. пишет: «так обращаются эулиен с нежностью и лаской к возлюбленным своим и детям, и нет в человеческих языках похожих слов. Неверно же было бы говорить, что уолли значит „малыш“, но пусть будет так, хотя wollī — от слов „молоко“ и „Свет“.»

Я, конечно, решила разобраться, что на самом деле может означать это милое прозвище... И до сих пор не могу соединить воедино смыслы корней и слов, от которых это имя (ВОЗМОЖНО) было образовано... Итак! Как говорится, словообразуйте сами:

Молоко — (один из вариантов) wll

Предвечность — wll

Материнство — maywllh

Пелена — walla

Пенка (молочная) — muwllī

Жизнь (один из вариантов) — wllh, wolla

Жертвенность — wolh

Окунать, макать — wolt

+ I = Свет

+ llī = уменьшительно-ласкательное окончание

...В общем, Малыш Эрайе... Но с каким подтекстом. Кто помнит символизм молока в кельтской культуре?

СВЕТЛЫЙ ПУТЬ?

Мне всегда казалось, что Светлый путь — слишком простое имя для виэ... Хотя сам Итерлен именно так трактует его — светлый путь, что он избрал и что привёл его к Элик-лем. Тут не поспоришь. Но что делать со словами, которые также имеют корень «ter»? Такие, как задумывать, полагать (terlent), или план (terler), мысль (terah)? Неужели милого виэ Итерлена нельзя считать Светлозадуманным, или Задуманным Богом?

ОХ УЖ ЭТОТ ПАРТЕНОГЕНЕЗ...

Мне кажется, вполне логично стремление эулиен быть как можно ближе к людям выливается в смешанные браки и последующую ассимиляцию. Не думаю, что сохранение «непорочности зачатия» — самоцель для эулиен, это, по-моему, вопрос выбора (причём больше со стороны девушек). Не знаю, в книге не сказано, но у меня лично сложилось впечатление, что при паре эу девушка и муж человек/арели она вполне бы могла родить традиционным для эулиен способом, но ради мужей все выбирали традиционный для мужей способ зачатия. Даже эу Бад ради привычки мужа эу пожелала, чтобы они жили подобно жене и мужу, по традиции, не свойственной эулиен. Таким образом, следование земным традициям — своеобразная жертва для эулиен, доказательство их Любви.

Вопрос рождения (зачатия) новой жизни в книге остаётся загадкой, чудом, каким ему и положено быть. По факту всё сводится именно к тому, что девушка (эу) принимает Свет мужа, и этот факт служит зарождению новой жизни, что весьма символично, так как, приняв Свет мужа, девушка принимает его самого, его суть, его Любовь. Таким образом, зачатие невозможно без Любви, без совершенного принятия другого, духовного и сердечного единения с ним.

Мне нравится, что книга показывает именно эту сторону

любви, показывает её не только нормой, но показывает её привлекательной, завидной. Сейчас практически все filmy и книги в теме любви всё сводят к страсти, ревности, вожделению, сексу и яркому описанию/демонстрации именно этой стороны отношений. Вроде даже как ревность — подтверждение любви... А эулиен совсем не ревнуют. Китли и Кихин и те — всего лишь заигрывали друг с другом, демонстрируя напускную ревность.

Даже если смотреть цитаты Виэльлине, посвящённые Фиэльли — там такая чистота и трогательная нежность, такое уважение, при том, что их отношения были вполне земными. Поэтому неудивительно, что девушки арели и люди так легко влюблялись в юношей эулиен, обретая через такую любовь не только счастье и поддержку, но и очищение. И поэтому не удивительно, что эулиен так оберегают и почитают своих девушек, являющихся чистейшими сосудами для новой жизни, источниками истинного чуда зарождения и рождения новой жизни.

ДОБАВЛЯЕМ В ЧИТАТЕЛЬСКИЙ СЛОВАРЬ

...Воспроизведение посредством партеногенеза — звучит сурово! Действительно, это наиболее близкое понятие к имеющему быть процессу, но с физиологической и научной точки зрения не совсем верное, поскольку в данном случае в процессе (в той или иной степени) принимают участие двое, два Света. В традиционной науке, к сожалению, нет такого термина, однако эулиен для описания своего репродуктивного процесса используют слово *álhyē* (алхйэ) — дословно — благословение Света (или проще говоря — Божественная Воля, Божественная щедрость). Таким образом, как бы забавно это ни звучало, вернее было бы сказать, что эулиен размножаются посредством Божьей милости. Так сам процесс воспроизведения и также само понятие зачатия на эманте именуются «алхйэ». В отдельных же известных случаях мы можем говорить о половом размножении и традиционном зачатии, также доступных эулиен. [Текст Лу Хороший-Проводник]

СЛУЖЕНИЕ ЛЮДЯМ — ИДЕЯ ИЛИ ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ?

По-моему, даже Финиар учил — что всякая жизнь дороже жизни эу, будь то жизнь букашки, цветка, арели или чья-либо ещё. Т.к. цель эу — служить всякой жизни, служить человеку. Возможно, они исходят из того, что они младшие (названы последними), и поэтому все «ценнее» их? Или это всё-таки их духовная идея — служение, происходящее из уважения. С другой стороны — всё: растения, животные, люди — они часть этого мира, а эулиен нет, возможно, в их глазах в подобном случае они именно поэтому внизу подобной иерархии. Служение людям — их выбор. Причём даже не всех, а только тех, что оставили Эйден (остальные, как я понимаю, избрали в виде служения соследование и молитвы). И ведь началось-то всё не с человека конкретно. «Мир гибнет», не «человек гибнет» — Элкарит сказал, т.е. изначально исход эулиен был продиктован тем, что весь мир под угрозой, и в первую очередь, конечно же — жизнь и душа самого человека в этом мире (Или человек как весь мир? Или мир [внутренний] человека?). Если я верно уловила суть, идея служения человеку у эулиен проистекает из осознания, что человек — любимое дитя Создателя, и Сам Господь послал Своего сына служить ему, и каждый эу так или иначе пытается «идти по стопам Христа», и подобное их поведение —

скорее выбор совести, выбор сердца, следствие твёрдости и глубины их Веры.

ИСТИННАЯ ЛЮБОВЬ ИЛИ ЛЮБОВНЫЙ ТРЕУГОЛЬНИК? ИНЦЕЛЬДИН-НИАТАЭ-ЭРНУ

Меня, наверное, как и многих, очень тронула история любви Эрну и Ниатаэ, в той же степени, как и восхитил поступок Инцельдина. Но возникли вопросы. Зачем Ниатаэ пришлось пережить такое? Неужели ради истинной любви и судьбоносной встречи с Эрну ей было необходимо прежде стать женой арели и потерять мужа? Я полагаю, что эта история совсем о другом. Об уважении к Любви. И в этой истории нет Любви ненастоящей, поскольку Инцельдин истинно любил Ниатаэ. Это очевидно, ибо ради неё он не только отказался от своей прежней жизни и природы, но и проделал долгий путь, добиваясь расположения эу. Но самое важное, на мой взгляд, — он благосклонно, уважительно относится к Любви Эрну, и даже в свой последний миг думает о благе Ниатаэ, чтобы не делать её рабой скорби о нём, чтобы освободить её для будущего счастья. Так поступить мог только истинно любящий. Поэтому я не смею даже думать, что Любовь Инцельдина была какой-то второстепенной, переходной, данной Ниатаэ для некой жертвы с её стороны только для встречи с Эрну. Да, Любовь арели и эу разная, но и та и та — настоящие, чистые и благородные. Эта исто-

рия учит нас уважению к Любви. И Инцельдин, и Эрну очень многое сделали ради своей Любви, отказались от себя ради возможного счастья Ниатаэ. Так мы видим, что Инцельдину, как арели, всё же доступно понимание высшей Любви, не только её земных радостей, но и самой её сути, её истинного Света, призывающего к уважению и первостепенной мысли о благе любимого. Видимо, Господь действительно благоволил к Ниатаэ, подарив ей в жизни двух истинно любящих её мужчин. И в свете этого, как мне кажется, пример и Любовь Инцельдина, проявленные в уважении и заботе о Ниатаэ, несколько не уступают Любви любого невинного эу.

МИНУТКА ЗАНИМАТЕЛЬНОЙ ЭТНОЛОГИИ

Недавно задалась вопросом, как же правильно классифицировать эулиен? Вид, раса, этнос? Я полагала, что правильнее было бы определять их как вид, но наука всё расставила на свои места: Если две формы жизни генетически настолько различны, что не могут скрещиваться, говорят, что они принадлежат к двум разным видам. Из этого следует, что люди и эулиен — принадлежат к одному виду, что в книге косвенно находит своё подтверждение. Определить эулиен как отдельную расу у меня не вышло, поскольку описание эулиен в книге весьма схоже с описанием представителей европеоидной белой расы. В итоге, мне-таки пришлось согласиться с классификацией автора, называющей эулиен — народом.

П.С.

Данное утверждение не распространяется на арели. Я вообще не знаю, как их классифицировать, при том, что в большинстве своём они вообще имеют бестелесную форму. Однако, наверное, их можно отнести к тому или иному виду и затем народу, когда они превращаются в [разумное и обладающее самосознанием] растение/животное/подобие человека.

КЛЕВЕР?

В словаре к книге я изначально указала, что слово «три» на эмланте — *ehli*, т.к. все слова, образованные от него, содержат этот корень. Итак, я поняла, что «эли» — это три. В целом так и есть. Но сегодня я наткнулась на запись *K.*, где вместо слова «эли» в значении «три» было употреблено — *euvh*. И далее следовали слова, образованные от этого корня. Текст по структуре был архаичным, нарочито архаичным. Это даёт мне право думать, что изначально «три» на эмланте звучало как «эйв» и лишь потом преобразовалось в «эли». Отсюда вопрос... Клевер на эмланте — *euveli*, возможно из-за трех его лепестков... Или тут более глубокое значение, возводящее нас к религиозным смыслам? Особенно если окончание «ли» досталось тройке от слова «*lih*» высоко.

О БОГООТРЕЧЕННЫХ

Отдельное внимание хотелось бы обратить на богоотреченных — воинов из числа эулиен. Сам факт наличия такого сословия среди эулиен противоречит их природе, поскольку, как мы видим из книги, эулиен совершенно мирные и не воинственные создания, которые скорее пожертвуют своей жизнью, чем причинят кому-то вред. И тем не менее ради защиты людей и совсем отчасти Светлого Дома и находящихся под его опекой всё-таки сформировалось некое сообщество, обученное владению оружием. Однако стоит заметить, что воины эулиен совсем не похожи на типичного воина в нашем представлении. Во-первых — воин эу не называется воином, но зовётся богоотреченным, тем самым подчёркивая, что природа воинственности противоречит Божественному замыслу, и тот, кто встаёт на путь убийства, какую бы цель он не преследовал — отступает от Бога, как бы отрекается от него. Особенно это становится понятно, если учесть, что эулиен воспринимают Бога как Любовь, или Великого Мечтателя. Во-вторых, как следствие — за богоотреченных нельзя молиться, т.е. их «вина» в понимании эулиен столь высока, что богоотреченному отказывают даже в такой малости, как молитва о нём. Тем не менее жёны, т.е. любящие, могут всё же поминать своих мужей воинов в молитве, что ещё раз подчёркивает, что любви позволено всё, и эулиен

ставят её превыше всего. В-третьих, воинов эулиен не хоронят достойно (в нашем понимании), их удел — братская могила, которая потом сравнивается с землёй и максимально маскируется, чтобы стереть всякое напоминание о себе. Так эулиен ещё раз подчёркивают, что насилию и убийству — не должно быть места в нашем мире, и даже память и всякое упоминание о нём должны быть стёрты. Но при этом мы видим, что выдающихся воинов из числа арели и людей, воюющих плечом к плечу с эулиен, они хоронят с большим почтением и славой, достойной героев. Отношение к воину как к богоотступнику эулиен рассматривают только применительно к своему народу, и в книге мы неоднократно видим, с каким уважением и заботой они погребают своих противников и с каким почтением относятся к ним в бою. В-четвёртых, как это странно бы ни звучало, воин эу обучается не калечить противника, т.е. нанести ему в битве как можно меньше увечий, и если дойдёт до убийства, то лишить его жизни максимально бескровно, не уродуя и не терзая его тело. В таком подходе проявляется забота эулиен о теле как о храме духа, положенном всему живому. Сам процесс обучения воинскому делу, как мы видим, у эулиен начинается с освоения будущим воином лекарского дела.

В то же время тот, кто желает стать воином, не всегда даже может получить разрешение стать им, так как Финиар или в иных случаях старший из эулиен (глава рода/дома) может не разглядеть в юноше достаточной силы, чтобы нести воин-

скую повинности, или же увидеть в нём предназначение иного характера. Также важно отметить, что эулиен не признают возможности своих девушек становиться воинами, причём вовсе не потому, что они лишены отваги и силы нести такой вид повинности, но потому как сама женская природа связана с дарением жизни, но никак не с её отнятием, в то же время в культуре эулиен — чистота девушки ценится превыше всего, а соблюсти чистоту в полной мере, будучи воином, никак невозможно. В то же время опять же эулиен идут на уступки, позволяя некоторым из девушек присутствовать в военных лагерях, заботясь о своих мужьях и родных, а также в качестве лекарей. И опять же в данном случае эулиен отступают от своих правил ради любви. Более того, мы видим исключительные примеры, когда жёны даже находятся на поле сражения рядом со своими мужьями, не вступая в бой, но поддерживая их и защищая их. И, конечно, мы знаем три совершенных исключения из правил — это Кихин, Брид и Элигрэн — трое девушек из всего народа эулиен, которые не только присутствуют на поле боя, но и участвуют в битвах. Так, мы знаем воинственную Кихин, которая бьётся наравне с мужем, будучи обученной своим отцом. Брид, сражающуюся вместе с братьями, обученную Элигрэн для защиты, и саму Элигрэн, обучавшуюся искусству битвы у Седби, а также, возможно, и у арели. (Тут следует отметить один интересный факт — наличие лука у Элигрэн, оружия, к которому не благоволят эулиен, считая его подлым. Но, стоит заметить,

при наличии лука Элигрэн, как мы видим из текста — использует его всего один раз, причём для спасения Хорнма, когда своей стрелой перебивает верёвку, на которой юноша был повешен). Как мы видим из текста, воинственной природой, задиристой, если можно так сказать, но, разумеется, доброй — обладала лишь Кихин, очевидно, унаследовав её от своего отца. Брид же и Элигрэн отличаются миролюбием и выбрали путь богоотреченных исключительно ради любви к человеку. Также важно отметить, что богоотреченным не полагается никакая защита, и в бой эулиен вступают без лат и щитов, хотя владение щитом для эу и не возбраняется, однако имеет скорее символический характер и служит неким оберегом и инструментом для поддержания боевого духа эу, нежели средством защиты. При всём страхе смерти, приличествующем всем живым, а вечным эулиен особенно остро, на встречу с ней каждый эу надевает лучшие и наряднейшие из одежд, по которым, собственно, и можно отличить воина. Также важно отметить, что лишь богоотреченным и ретенти — двум сообществам, связанным со смертью, разрешено носить одежды чёрного цвета или иметь чёрные элементы расцветки в повседневном одеянии. Так мы можем заметить, что одежде эулиен в целом не свойственны яркие и агрессивные цвета, особенно тёмных оттенков, что также может говорить о мягкости их характера и природной скромности.

Интересен и не менее важен тот факт, что хоть эулиен и запрещено молиться о своих воинах, сами богоотреченные,

как правило, одни из самых сильных молитвенников своего народа, чьи молитвы не только защищают и укрепляют их в бою, но и способны творить невероятные и благородные чудеса. В самом тексте мы также можем найти упоминание о том, что время вне битвы воины эулиен также проводят в песнях-молитвах или труде заботы о людях и ближних. Воины эулиен не хвастаются своими подвигами и не ищут воинской славы, скорее наоборот, стыдятся своих дел, если они связаны со смертью. Кроме всего прочего, мы можем найти в тексте упоминание о том, что каждого из юных воинов учат не только искусству обращения с оружием, но в первую очередь — самообладанию, когда, например, эу запрещают лелеять и разжигать в себе воинский пыл и тем более гнев. В битву эу должен вступать смиренно, без гнева и радости, максимально сосредоточенным и осторожным, заботясь о своём сопернике как о своём господине. Тем не менее тренировки и радость от обретения достойного соперника не возбраняются для воина. Но всё же высшим умением для боготреченного считается не искусное обращение с оружием и не слава, а умение избежать битвы, разрешить конфликт без крови и битвы. Кроме того, эулиен очень серьёзно относятся к выбору оружия для битвы. Эулиен разделяют оружие на благородное и нет. К благородному они относят оружие ближнего боя, позволяющее биться лицом к лицу, не из засады и не находясь поодаль, за пределами битвы. Оружие эулиен выбирают простое, не рассчитанное на

усиление его калечащих и иных тактических функций. Всё это весьма ярко иллюстрирует природу и характер эулиен, совершенно не склонных к насилию. И в связи с этим я, пожалуй, лишний раз отмечу, что слово «воин» в данном контексте я употребляю лишь для обозначения рода деятельности отдельной группы эулиен, но никак не в подтверждение наличия среди них воинственно настроенных и даже приемлющих убийство. Закончу я всё же ещё одним замечанием: среди эулиен определённо нет воинов, поскольку ни один эу не склонен к насилию в принципе, но в то же время, не имея другого слова, стоит признать, что едва ли не каждый эу — великий воин духа, беспримерно сражающийся на духовном фронте. И если уж смотреть с этой (и только этой) стороны — каждый эу воин.

ЗАГАДКА ДАНАХ

В самом тексте, несмотря на многочисленные описания бесчинств и самого Анкхали, мы всё же мало узнаём о нём. Но мы узнаём, что сам Анкхали имел также и женское своё воплощение, женское обличие, в котором его звали Данах, и он стоит над всеми родами и видами арели. Более того, те из них, что сродны ему, называются данаи, что явно указывает на их происхождение или принадлежность, родственность Анкхали/Данах. Возможно, это лишь моя догадка, но именно ипостась Данах является первичной, т.е. более древней, чем Анкхали. Но в целом это, вероятно, не так важно, поскольку Данах и Анкхали с лёгкостью меняют друг друга и от этого не становятся лучше, продолжая своё тёмное дело. Из текста мы знаем, что Анкхали/Данах едва ли не древнее всех арели, подобно Финиару по отношению ко всем эулиен. Он древнее даже самих удунאי, хтонических, неуправляемых первородных сил. И мы знаем, что коварство и злоба Анкхали/Данах — всё же не следствие, а выбор. Далее — обстоятельства, вытекающие из поступков самого Анкхали, лишь служат для подкрепления его ненависти и злобы. В книге также упоминается, что у Анкхали много имён, но люди называют его также и Дьявол. Описание и деяния Анкхали вполне соответствуют образу антихриста, однако автор чётко разграничивает арели и висов (демонов, чертей).

Тем не менее Анкхали имеет власть и над висами, многие из которых служат ему, что лишний раз наводит на мысль о его дьявольской природе. Эту идею отчасти подтверждают и слова автора, что у Анкхали прежде было светлое имя (светлая суть), но он утратил его право. И мы видим, что Анкхали могущественнее всех своих сородичей, подвластных ему, но между тем всё же оказывается бессилён перед силой истинных Любви и Света. Однако вернёмся к Данах. Мне не даёт покоя это имя. Причём не столько само по себе, сколько в его связке с Ирландией, как основным местом действия книги. Безусловно, если я понимаю верно — мир Анкхали, как и его дворец — находятся вне границ нашего мира, т.е. нельзя сказать, что место положения/проживания Анкхали — в Ирландии, Германии, Англии или где-то ещё — отовсюду можно попасть в мир арели и там найти владения Анкхали. Ирландия же беспокоит меня тем, что там Анкхали появляется впервые. Впервые призван самим Финиаром. Это очень странный для меня момент в книге, который я не до конца могу объяснить. В тексте говорится так: «И обратился, воздев руки к миру переменившемуся, и назвал его королей, Детей Печали, и стали они. От всех твердынь суетных: моря, неба, земли и воды — пришли править Дети Печали, суть арели. И матерью их была Печаль Эликлем, а отцом — Слово Финиара, освободившего их, потому что так было должно, а не потому, что так было желанно. И, выйдя из твердынь своих, встали они и обратились к Анкхали и отказали Финиару

в служении.» Означает ли это, что Финиар виновен в том, что арели пришли в Ирландию и наш мир, и даже были по его слову наделены властью? Или он лишь исполнил то, что так или иначе должно было случиться, с его помощью или без неё. Но, так или иначе — и сам Анкхали, и арели своим освобождением (из предбытия?) обязаны Эликлем и Финиару, эулиен. Однако это вовсе не значит, что они не существовали прежде, ибо мы видим, что лишь оказавшись призванными Финиаром, они приносят клятву верности Анкхали, признавая его своим владыкой. И снова к Данах... или же всё же по-нашему — Дану?

В сети или книгах Вы можете найти определения имени Дану как: Дану́ (ирл. Danu, валл. Danu, брет. Annu, гэльск. Danu) — в кельтской (ирландской) мифологии предположительно богиня-мать, прародительница основной группы богов кельтской (ирландской) традиций — Туата Де Дананн и госпожи эльфов, так и славянской Даны/Дану/Дивы, а также впечатляющее количество персонажей со схожими именами.

В общем... классификация, классификация, классификация...

ЭРАЙЕ И ИНИАМ

Нет, я не хочу ещё раз обратить внимание на прекрасную историю любви двух отважных эулиен... Хотя... нет, именно что хочу, поскольку она очень показательна в смысле Надежды и её силы. Так мы знаем, что от самого своего рождения Эрайе своим именем был посвящён Ирландии, т.е. практически отдан в её распоряжение, и история с анаком Эрин лишний раз подтверждает это. Ирландия — первая и безусловная госпожа Эрайе, его служение и любовь к ней — не только его выбор, но и предназначение. Вскоре после того, как Эрайе начинает свой путь, мы видим, как в его жизнь входит Иниам. Она не претендует на место Эрин в сердце эу — она лишь следует за ним, окружая его своей заботой и попечением. Так однажды её любовь открывается для Эрайе, и он, как честный эу, преклоняется перед ней, принимая её. Можно подумать, что это немного ущербная любовь, поскольку Эрайе любит Эрин, а любовь Инам принимает, отвечая на неё уважением к её чувству. Однако это совершенно не так. В книге мы не видим ярких проявлений любви Эрайе к Иниам, не видим ДЕЛ его любви, но мы можем представить её глубину и силу, когда Эрайе, находясь в плену у Анкхали, укрепляет себя лишь образом Иниам, и, находясь на грани жизни, откликается лишь на её Свет, её же единственную он может вспомнить после своего спасения, и более того, он да-

же просит Иниам отпустить его, полагая, что даже дышать рядом с нею не имеет права, лишившись его вместе с честью и прежней крепостью. Бесспорно прекрасными являются и слова Иниам, произнесённые в утешение Эрайе, они, собственно, и раскрывают нам природу их любви. О силе Эрайе говорит нам не только факт того, что он выжил в плену Анкхали, даже претерпев пытку ужаснейшим из заклятий «нэй карах», но и смог преодолеть нанесённое ему оскорбление и снова вернуться на свой путь. И в этом, безусловно, немалая заслуга Иниам, чья опека и забота спасают эу, возвращают его к жизни. Венцом торжества их любви и Света — является рождение детей Эрайе, которые в принципе не могли более появиться, поскольку Эрайе был лишён не только Света (лишь отдав часть которого, он мог бы стать отцом) нанесённым ему оскорблением, но и был осклоплён Анкхали. И тем не менее Иниам дарит ему двух детей, утверждая не только силу и Свет мужа, но и умножая его Свет, повторённый в их детях. Возможно, именно поэтому сам Анкхали приходит в ужас, видя Эрайе на поле боя после многих лет его восстановления. Появление Эрайе на поле боя, поправившегося, узнавшего радость отцовства, полного сил и улыбающегося — истинное поражение Анкхали, крах его трудов и чаяний. Далее — сила, верность, любовь, Свет и отвага Эрайе делают своё дело по отношению к Ирландии, но новым, восставшим от гибели Эрайе эулиен обязаны Иниам, ей одной, даже больше, чем Элигрэн, явившей невероятный подвиг, вызво-

лив своего обессиленного от пыток сына из самого логова арели. Действительно, любовь Эрайе и Иниам полна уважения и нежности, она живёт глубоко в их сердцах, наполняя двух любящих немыслимой, невероятной, исцеляющей силой и отвагой перед лицом всех невзгод. Их любовь, на мой взгляд — истинный пример торжества Надежды для всех.

ЧИСТОТА / ЭФТАХ

Попробую собрать воедино понятие чистоты у эулиен, воплощённое в слове «эфтах». Как мы видим из текста, эулиен высоко ценят Свет, который во многом зависит от чистоты эу. Омрачив свой Свет (чистоту), эу становится как бы нечистым, т.е. грешником, и утрачивает право своего Света. Он не теряет его в физическом смысле, но как бы лишается права владеть им. Что эулиен подразумевают под оскорблением Света? В первую очередь — любой грех, т.е. духовное отступление от Бога и Его заповедей, а также нарушение физической чистоты, т.е. утрату невинности (к браку с человеком или арели, где эу по любви вступает в половую связь с мужем/женой — это не относится!), а также оголение запретных мест — шеи, груди и паха. Понятие «эфтах» распространяется только на эулиен, т.е. они не требуют соблюдения этих правил от арели или человека. Тем не менее для каждого эу оголение пусть даже одной из перечисленных частей тела является глубочайшим грехом перед лицом Создателя, поэтому арели и люди так часто использовали эту особенность эулиен, разоблачая их донага или лишая их невинности, поскольку для эу утрата чистоты есть жесточайшее оскорбление Света и гораздо страшнее причиняемых физических страданий. Интересен и тот факт, что названия запрещённых к оголению мест тела весьма показательны: шея

— покорность, грудь — сила, пах — маленькая власть. Таким образом, эу никому не должен показывать свою покорность, силу и маленькую власть. Они доступны лишь для Бога или супруга (если он из людей или арели). Важен и тот факт, что эу может нарушить понятие эфтах в случае болезни, когда он вынужден оголить одну из перечисленных частей тела перед врачом, если от этого зависит его жизнь. В книге автор указывает на то, что оголение не считается нарушением чистоты, если оно происходит между любящими. К ним относятся муж/жена, родители и врачи (априори любящие всех своих пациентов, ибо врачебный труд — это труд любви). Тем не менее мы из книги видим, что и врачи максимально стараются сохранить чистоту своих подопечных, укрывая их запретные места даже во время лечения. Из книги мы также видим, что многие эулиен, вследствие насилия лишившиеся своей чистоты, погибают не столько от нанесённых им ран, сколько от стыда, от тяжести нанесённого им оскорбления. В книге мы видим много примеров, когда эу, совершив проступок (по его разумению) или подвергшийся насилию, оставляет свою семью и Светлый Дом и поселяется в суровом и недоступном для других месте, как бы наказывая себя за допущенное осквернение Света. Более того, мы видим, что эу, подвергавшийся оскорблению Света, чаще всего погибает, не в силах вынести своего позора перед Богом и своим народом. Так в книге под «оскорблением Света» чаще всего подразумевается именно лишение невинно-

сти, или полное или же частичное обнажение эу. Но и следуя названиям запрещённых к оголению участков тела, мы можем проследить, что эулиен в книге действительно не только не оголяются, но и не демонстрируют окружающим свою покорность (не путать со смирением!), свою силу (как физическую, так и духовную), и маленькую власть (Свет? Духовные дары? Соследование? Бессмертие?). Также, как ни странно, к нарушению чистоты для эу относится и сквернословие, причём это настолько суровый запрет, что даже при однократном его нарушении эу изгоняется из Светлого Дома и/или общины эулиен и более не подлежит прощению ни при каких условиях. Более того, запрет на сквернословие распространяется и на всех жителей Светлого Дома и/или общины эулиен. Поэтому мы также видим, что люди и арели, не гнушаются применять самые изощрённые пытки к эулиен в надежде принудить их к сквернословию или хотя бы крику, однако, как показывает текст, принудить эу к сквернословию (оскорблению Бога=Слово) практически невозможно. Во многом как и заставить его кричать (показывая свою покорность?).

ПОВТОРЕНИЕ ВИЭЛЬЛИНЕ

«Теперь, как никогда прежде, я уверен, я знаю, что как бы долго ни длилась наша разлука и что бы ни послужило её концом — мы встретимся с тобой ещё не раз! О Фиэльли! Я так мало знаю о чудесах, но я так много знаю о чуде! Мы встретимся с тобой ещё не раз! Лишь дай мне время и моё имя позабудь. Ev móë el'anáhen hi wer tíl», писал Виэльлине. Возможно, конечно, этот отважный эу имел в виду что-либо другое, но у меня сложилось впечатление, что в данном случае речь идёт о повторении в своих потомках, в детях. В пользу этой моей версии говорит и то, что в эпизоде с Эрайе в Ирисной башне Фиэльли подмечает, что её внуку дана улыбка Эрайе. Да и по отношению к его потомкам автор употребляет фразу «наследники улыбок Виэльлине». Отдельно хотелось бы обратить внимание именно на Эрайе. Его судьба, его испытания и образ во многом схожи с судьбой, испытаниями и образом самого Виэльлине. Как и его дед, Эрайне не отличался крепким телосложением, и долгое время его также не воспринимали как воина, меж тем как его мастерство, отвага и благородство — беспримерны. Есть также и внешние сходства, упоминаемые автором, одно из которых — как раз улыбка Виэльлине. Я не могу утверждать, что Эрайе был новым воплощением Виэльлине, как не могу утверждать это применительно к какому бы то ни было его

потомку, однако я более чем уверена, что в каждом из его потомков духовное наследие Виэльлине так или иначе было проявлено, в трудах ли, в мечтах ли, в бесстрашии, в упорстве, в любви ли к Фиэльли, в улыбке ли или иных внешних сходствах.

ОБ ИМЕНАХ

Как и в других своих книгах, К. в «Эйвели» следует традиции имя=судьба, предназначение. И по сюжету мы видим, что в одну из обязанностей главы Светлого Дома и/или главы рода входит имяначернение новорождённого эу. Эта обязанность не зря «отнята» у родителей, поскольку именно лишь самый опытный, мудрый и видящий в сердцах других эу может дать верное имя новорождённому, т.е. увидеть самые сильные его качества, определить чудо его зачатия (имена эулиен иногда получают соответственно чуду/способу, которому как были зачаты, что, как правило, также влияет на дальнейшую судьбу эу, его склонности или предназначение) и определить, озвучить судьбу эу в его имени, определив тем самым его путь и труд, к которому он предрасположен. Именно в «Эйвели» мы можем найти объяснение и наглядную иллюстрацию важности имени и его значения, как и самого факта своевременного имянаречения. Немаловажен и факт возможности повторного имянаречения, так называемый обряд «нуахтинени» — очищение именем, когда взамен прежнему имени некто получает новое имя и тем самым как бы становится новым существом, а его прошлые прегрешения и дела обнуляются и по факту как бы принадлежат уже другому, прежнему существу. Мы видим, как в книге эулиен часто прибегают к повторному имянаречению

по отношению к людям и арели, и даже используют его в своём сообществе, как, например, было в случае с Аларимвети (единственный случай, когда Финиар не предусмотрел последствия имянаречения эу его именем или же ошибся [...хотя я не уверена, что в случае с Аларимвети это было ошибкой... возможно, просто Элигрэн решила пойти самым коротким и радикальным путём, оспорив решение Финиара новым именем для эу]). Из ответственности, возлагаемой на имядателя, проистекает и то, что имянаречение в сообществе эулиен доверено лишь мудрейшим из них.

СОВРЕМЕННОКИ

...Примерно прикинув в уме временные отрезки... До меня дошло, что товарищ Виэльлине мог жить как раз во времена Короля Артура, как, собственно, и не товарищ Изосар. Хуже только то, что владения Изосара располагались... Располагались на юге острова, в том числе и там, откуда был родом король Артур...

КАРТА

МИРНАЯ ЗЕМЛЯ

...Попробовала, ориентируясь на текст и географические указания в нём, предположить, где находится Светлый Дом и его владения, а также другие места, указанные в книге.

Итак. Оранжевым кругом отмечены территории, предположительно входящие под опеку Светлого Дома, где он сам также может быть расположен (скорее всего и очевиднее — где-то в районе заповедника Уиклоу). Синим я пометила также вполне очевидную местность, где могла располагаться обитель Коби Йин (разумеется, в болотистой местности Корка) и жёлтым предположительное место расположения обители Тщилин (Пчелиной Церкви), маленький красный кружок в Карлоу — обитель св. Молинга, где, скорее всего, провёл свои последние месяцы перед пленом Виэльлине. Фиолетовым кругом обозначены горы Морн, где Тентен обрёл Архихэ, а также вотчина арели Имреи. Чёрной точкой я пометила Кайнехей (Килкенни), близ которого состоялась Эйндалейзская битва. Голубым кругом (но я не уверена) я отметила место, где (возможно) происходила битва при Эзрате. Малиновый круг с некоторой вероятностью отмечает место Эсфери.

Карта Ирландии (Мирной земли) с отметками переводчика

ИНАРФЫХ

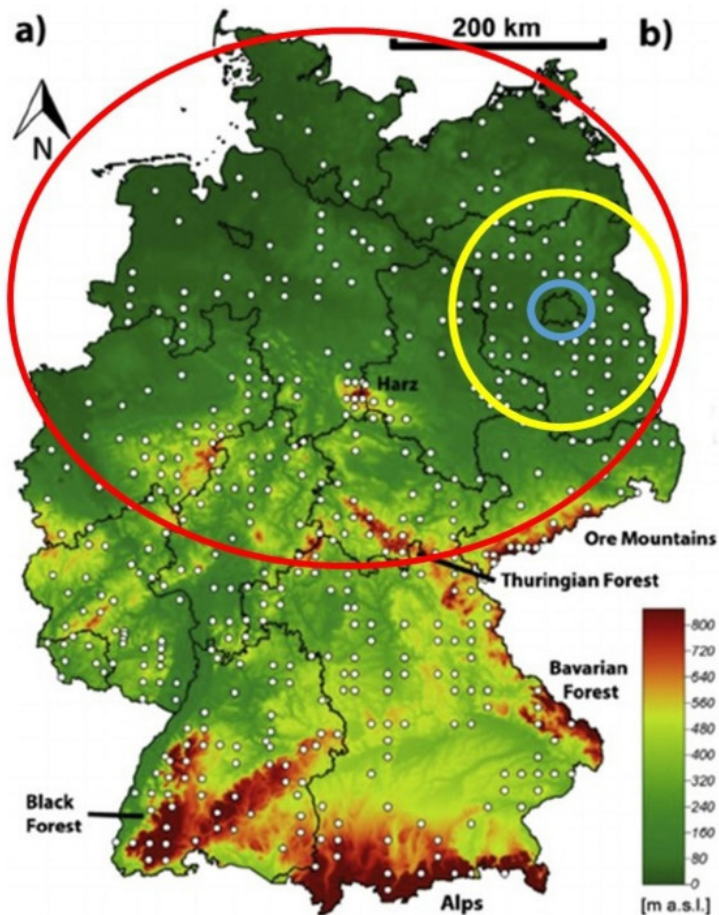
Поскольку местность Германии я знаю не так хорошо, как Ирландии, обойдёмся без подробной карты, но попробую словами и общими набросками определить местоположение событий, происходивших на земле Инарфых (Германия)

1. Замок Мой и прилегающие земли, Эмрин. По тексту трудно сказать, где именно располагался замок Седби, а затем и Имани, но я предполагаю, что это центральная и верхняя часть Германии (Восток-Север-Запад). Пусть это будет красный круг.

2. Поселение Бейргххун, что у Медвежьего грота. Тут мне кажется всё весьма очевидным, юг Инарфых, созвучное название... Я полагаю, речь идёт о Берлине. Это голубой круг.

3. Медвежий Грот, Бэйриннаи. Очевидно, местность, расположенная недалеко от Берлина. Это жёлтый круг.

4. Лес Изерхайн. На самом деле лесов в Германии очень много, однако, судя по всему, Изерхайн — это один из этих трёх лесов: Гарц, Чёрный лес и Тюрингский лес. Зная К. и учитывая необычность действия, склоняюсь к Гарцу. Но это исключительно моё мнение, основанное на любви К. именно к этому месту. ... Хотя с этимологической точки зрения Черный лес больше похож на место действия, т.к. там есть корень «грех».

Карта Германии (Инарфых) с пометками переводчика

ХАЙНУИ

Чёрным кругом обозначена Шотландия — территория, откуда был родом Изосар, а также место, где Дуитам повстречал Эллаир.

Красным отмечена территория, где мог располагаться замок Изосара и где особенно была распространена его власть (где располагались лагеря его воинов), а также возможные владения Ейрава и Грахадра.

Жёлтым отмечена территория, где несла своё служение Ниртитам.

Оранжевым отмечена территория, где мог располагаться отряд Ирнина.

Фиолетовым отмечена территория, где могла располагаться д. Крид.

Зелёным отмечены острова, на одном из которых Юшли повстречал отшельника, рассказавшего ему о судьбе Виэль-лине в плену Изосара.

Розовым обозначены границы, где мог располагаться г. Вела.

Синими границами обозначена территория, где мог находиться лунный дворец Элкарита Златовласого, а затем и Иадан — Итар.

Карта Великобритании (Хайнуи) с пометками переводчи-
ка

ПРОБУЖДЁННЫЕ АЭН

Недавно наткнулась на такой текст у К., не связанный с книгой «Эйвели»:

«В сердце»

Ещё я помню ледяные объятия воды. Вверх и вниз, вверх и вниз, стремительно, звонко. Жизнь и Смерть, конец и начало — всё вперемешку, всё крутится в водном круговороте. Свет вверх и тень вниз, проблески Света и снова вниз, к тени, но главное — непрерывно вперёд. А потом — великая тишина и пустота. Белые, как и всё в самом начале. Так я его помню.

Что за огонь дан мне, раз даже Аэн не погасила его? Ни один шторм, ни одно движение воды — не сравнятся с её силой. Пусты имена всех священных рек перед её звоном. Даже в самом Раю поклоняются ей, ибо все ею пробуждены. Во всех мирах, сколько бы ни было их — течёт Аэн дочерьями своими, во всех мирах несёт начало и бытие. И кто лицезрел её силу и смех, утверждают, что Аэн — великое благо.

Но что мне делать, знающей, где кончается Аэн?

...

У меня много вопросов. В тексте книги К. утверждает, что Финиар пробудил первых эулиен, но не говорит, каким образом. Возможно, он действовал посредством Аэн. Но как? Через обряд крещения (= духовного рождения)? Или иным способом? И тем не менее в тексте книги мы видим, что Аэн

— не только один из символов Эйдена, но и некий путь, по которому можно попасть в Эйден или выйти из него. Также Аэн выступает средоточием жизни-и-смерти, т.е. материализацией самого бытия, где свет и тень, жизнь и смерть находятся постоянно и сменяя друг друга в непрерывном движении вперёд. Также К. уже в заголовке текста даёт ответ на последний вопрос, возвращая нас к мысли о том, что и странствия по Аэн, и её расположение, возможно, как и самого Эйдена — в пределе сердца, в сердце.

ПОТАЁННЫЙ СВЕТ НЕБЕС ЭЙДЕНА

Те, кто читал книгу до конца, разумеется, заметили, что тайна Света небес Эйдена заключалась в благодарности. ...В БЛАГОДАРНОСТИ! Для меня это было так неочевидно... Ни в Любви, ни в Надежде, — в благодарности. И я долго и упорно пыталась понять, разгадать эту тайну. Пока не поняла, что мы всё равно возвращаемся к Любви, поскольку благодарность — есть форма смирения, форма Любви. Благодарность — в принятии того, что положено (даровано) тебе Богом, и в благодарности (утверждении, прославлении) Любви, в принятии многообразия её форм и торжества, тем самым и в принятии, прославлении и утверждении Самого Создателя, т.е. в поддержании идеи самого бытия.

ХИОЛНИЛИ

Одна из самых, на мой взгляд, печальных историй Светлого Дома — история Хиолнили, сотворённого Анкхали наподобие эулиен и отправленного им в Светлый Дом инструментом для раздора и смуты среди эулиен. Да, миссия Хиолнили в итоге, как мы видим, провалилась, поскольку большинство тех, к кому он обращался, оказались глухи к его учению и тверды перед искушением. Однако всё же Хиолнили сумел смутить многих, что в итоге привело их к Финиару. Возможно, окажись Хиолнили героем другой истории и не этой книги, он, скорее всего, даже не был бы отрицательным персонажем, поскольку его взгляды — вполне традиционны и даже местами рациональны. Они обывательские, приземлённые. В этом его правда, как и многих, не понимающих, не разумеющих высокую нравственную жертву эулиен по отношению к людям и миру. Для тех, кто несёт служение жертвенной любви, следуя заветам Христа, безусловно, слова Хиолнили, пусть и верные с точки зрения обывателя — чистейший яд, искушение их моральной, нравственной, духовной чистоты и крепости. Вина Хиолнили лишь в том, что он сам оказался слеп к своим порокам, отказавшись признавать их, поставив себя выше других эулиен и посчитав себя вправе учить их. С другой стороны, как мы видим, личной вины Хиолнили в творимом им зле нет. Оно исходит

не от него лично, не является продуктом его размышлений и движений сердца, оно внушено ему волей его создателя, а сам Хиолнили лишён силы распознать зло, как и силы противиться ему. Сам Хиолнили не понимает природу своего отличия от других эулиен, что заставляет его страдать и, как следствие, озлобляться, поскольку он изначально не склонен к Свету и его учению. Хиолнили — заложник своей судьбы. Неизвестно, мог бы он стать лучше, будь он восприимчивее к Свету, и смог бы он побороть свои страсти, но так или иначе конец Хиолнили весьма показателен. Причём не столько его физический конец — смерть в руках людей, сколько его конец как плана, задумки Анкхали... Инакомыслие в лице Хиолнили в Светлом Доме не было наказано, хоть и принесло горькие плоды и едва не послужило поводом к убийству. Тем не менее Хиолнили был помилован. Узнав его историю, эулиен скорее сочувствовали ему, нежели осуждали, понимая, что сам Хиолнили действовал не по своей воле (даже если и полагал иначе). Саму идею о возможной казни Хиолнили Финиар пресёк на корню, ограничив его наказание лишь изгнанием. Возможно, не попади Хиолнии к людям Изосара, он вполне бы смог выжить и прижиться вне стен Светлого Дома... Его беда была лишь в том, что он был сотворён на подобие эулиен и внешне не отличался от них, хоть и был бесконечно далёк от них по сути. Возможно, я немного перегибаю палку, но мне кажется, что в образе Хиолнили можно во многом проследить судьбу самого человека, сотворённо-

го по образу и подобию Создателя, но так далёкого от Него, утратившего даже само осознание своего падения, бессильного понять своё различие с Ним и лишённого возможности приблизиться к разгадке своего истинного предназначения.

БЛЕСК БЕССВЕТЛОГО

Обратила внимание, что в тексте, хоть Анкхали и назван Бессветлый, т.е. лишённый Света, тем не менее весьма часто при его описании употребляется слово «блеск». Т.е., не имея внутреннего Света, Анкхали всё же не был лишён блеска. Тут, вероятно, стоит обратить внимание на то, что на эмланте слова Свет и блеск имеют разную этимологию. Свет — происходит от Бога (слово «Свет» от слова «Бог»), а блеск от слова «слава» (или наоборот). Т.е., очевидно, мы тут говорим не о Свете, родственном эулиен, Свете их Любви и чистоты, а о некоем блеске, присущем славе, окружавшей Анкхали, о блеске его несравненной красоты и величия.

ЗАМЕТКА ОБ ИЗМАЙЛЕ

Вспоминая дневниковые записи К., особенно те, что раньше мне были непонятны из-за того, что были записаны на эмланте, отметила для себя, что, кроме Элигрена, К. Хеллен часто обращается к образу некоего друга, имени которого она не называет, но указывает, что он был назван именем прекраснейшей из звёзд ночного неба (Вероятнее всего Измаиль). Из текстов записей трудно понять, в каких именно отношениях были К. и Измаиль, но, судя по всему, это были очень трогательные, глубокие дружеские отношения, больше похожие на взаимоотношения наставника и ученика, причём в роли наставника выступал отнюдь не Измаиль. Образ Измаиля и его судьбы весьма показателен для К. и она часто обращается к нему, находя в его истории отчасти и отражение своей собственной. (К. в текстах неоднократно обращает внимание на то, что Измаиль любил Арми, скрывая свою любовь и привязанность к ней ради её счастья с Эрдой, которого также высоко почитал). К. Хеллен искренне восхищается своим другом и не менее искренне завидует его судьбе, «высокой, светлой и прекрасной», по её словам. Также она пишет, что именно история со смертью Измаиля дала ей осознание её призвания на стезе наставничества и учительства, хотя в своих записях К. никогда не называет Измаиля своим учеником напрямую, но признаёт, что взяла на себя

тяжкое бремя его разочарования в подзаконном мире, в то время как он всецело был предан служению Любви, кроме которой он ничего не знал и не желал знать.

ЕЩЁ ОДИН ПОДВИГ ВИЭЛЬЛИНЕ?

Как мы помним, с самого рождения Виэльлине не отличался телесной крепостью и отменным здоровьем. И тем не менее мы видим, что он с беспримерной стойкостью переносит все тяготы. Его и без того слабое тело теряет всё больше и больше сил, растрачивая и без того некрепкое здоровье эу. Каждый его подвиг стоит ему едва ли не жизни. И всё же к моменту пленения Изосаром Виэльлине подходит ещё живым. Да, он на тот момент был весь переломан, обессилен и истощён, так что одежда едва держалась на нем, но всё же. Далее начинается действительно НЕВОЗМОЖНОЕ. Автор указывает:

«Так был лишаем сна Виэльлине, выдержал дыбу и колесо, огонь и воду, Эохайд Изосара, и поругание его, и побои против немощной плоти своей», и это, заметьте, каждый день на протяжении всего года! Видимо, эу всё же был в неплохой форме, и доби́ли его только нёй карах вместе с эохтином. Если подобная выдержка не подвиг, то что это? К. указывает, что эу остаётся жив, пока Свет крепок в нём. Таким образом, как мы видим, тело, уже даже непригодное для жизни, может ещё удерживать её, если Свет всё ещё крепок в эу. Видимо, за такую невероятную стойкость Виэльлине стоит благодарить Фиэ́льли и Эли́грэн.

НЕ НАШЕ «ВАУ»

Недавно наткнулась на интересную заметку К. о выражении восхищения/удивления на эмланте с пояснениями автора. Оказывается, на эмланте есть что-то вроде нашего «Вау», и звучит даже похоже — I ауh! Или ещё короче Yau! Всё это краткая форма словосочетания удивления I hiol ауh! (Господь мой велик) или коротко — Господь велик, что, собственно, звучит как «I ауh» или коротко «уау»!

ВОТ ДЕЛА!

В дневниках К. Хеллен, иногда даже в записях на английском, встречается слово (?) «t». Да-да, просто восклицательное «т». Долгое время я полагала, что это какое-то известное лишь автору сокращение, подобно сокращению имён (К. часто сокращает имена/фамилии до первой буквы). Однако сейчас, углубляясь в философию и глубины эмланта, я склонна предположить, что это употребление восклицательной «t» связано именно с ним. На эмланте нет слова «т», но эта буква является признаком глагола, если стоит в окончании слова. Именно в конце предложения К. обычно употребляет «т». Теперь я склонна предположить, что употребление глагольного окончания в конце предложения или как самостоятельное восклицание есть нечто вроде нашего «вот дела!», так как на эмланте окончание «т» есть признак действия, поэтому, возможно, восклицание — Т! можно перевести именно как «дела!». В речи, как я понимаю, это будет звучать как своеобразное «цыканье». Вполне себе добрая и безобидная замена любому ругательству и слову-паразиту, не так ли?

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Нашла у К. колыбельную на эмланте. Похоже на Белый
эмлант.

Eu i ah ay I.

Ev em ay tey ay Lie.

I ev el`Ie e.

Eu im heyah em.

Eu i ah ay I.

I inen eue hi.

Спасибо за присланный перевод и комментарий от под-
писчика Лу Хороший Проводник:

Эу славит Великого Творца,

В славе той царит Любовь.

Бог присутствует в жизни,

[Потому] Эу и праздник существуют.

Эу славит Великого Творца.

Господь — имя сердца эу.

Это очень древняя колыбельная-молитва, и да, она на бе-
лом эмланте, её матери поют новорождённому. Правда, речь
тут вовсе не о праздниках, а о Празднике. Эта песенка о
предназначении эу, о его сути и пути. Матушки, напевая её
детям, сызмальства объясняют им основы духовной культу-
ры эулиен. Такова эта колыбельная, в ней много скрытых
смыслов, несмотря на её кажущуюся простоту. Её все знают.

Всем её пели. [Автор перевода и комментария Лу]

ПОСТРАДАВШАЯ ОТ ЛЮБВИ. НИМАРИН

Так, пожалуй, можно было бы назвать историю Нимарин. Также весьма страшная, но и прекрасная история, если при-смотреться. Итак, что мы знаем о Нимарин? Для начала от-метём все намёки на сходство с кельтской богиней Морри-ган, хотя, признаюсь, есть и сходства, но скорее внешние, атрибутические. Итак... Нимарин из тех арели, что старше Анкхали, то есть в целом её нельзя изначально назвать ни плохим, ни хорошим персонажем, потому что она не раз-деляет в себе и не различает добро и зло. Нимарин любит своего брата, но ей становится открыто, что он или должен погибнуть, будучи ребёнком, или будет замучен как неугод-ный Владыке Смерти. В тексте нет прямого указания на этот факт, но вполне очевидно, что именно Нимарин приводит своего младшего брата на скалы и, возможно, даже, помогает ему погибнуть, чтобы избежать более ужасной участи. При этом не стоит забывать, что её любимый брат — арели, то есть, погибая, он погибает насовсем и окончательно... Так мы видим, как желание избавить любимое существо от стра-даний приводит Нимарин к страшнейшему поступку. Далее, мы знаем, что Нимарин и Седби были знакомы. Знакомы ещё в то время, когда Седби был погружён в плотские уте-хи и воинственный пыл. Пользуясь неопытностью Нимарин,

он обольстил и обманул её, дав ей надежду на любовь, но не дав её самой. Именно этот эпизод в жизни Нимарин окончательно обращает её к тени, двигая во власть Анкхали, из-за оскорбления и отчаяния. Именно эта обида, судя по всему, позволяет Нурши, и, вероятно, не ему одному, также встретиться с Нимарин, претендуя на её любовь. Но, обманутая однажды, теперь уже сама Нимарин использует мужчин для своей мести, или же они продолжают пользоваться ею, обнаружив её слабость... Она же, встретив гневного удунай, искавшего себе достойного соперника, совершенно искренне указывает ему на Седби, не ведая, что к тому времени тот уже совсем не такой, как прежде... И тем не менее таким образом Нимарин всё же служит возвышению Седби и спасению мира, хотя очевидно, что её замысел был далеко не добрым и гораздо более прагматичным. И вот тут в её историю вторгается Фанханден... Причём потомок Седби, причём практически сразу не один, а с Нири... И что мы видим? Нимарин сначала с интересом, а затем и с благосклонностью начинает следить за эу, не мешая ему и даже спасая ему жизнь, что, очевидно, даётся ей не так и просто. Тем не менее, заметив, что эу расположен к своей подруге, Нимарин снова поступает как тёмная арели, выдавая Фанхандена Анкхали. И в то же время, когда Нурши приходит убить Фанхандена, Нимарин не просто останавливает его, а именно осознанно приносит себя в жертву вместо эу. Эти эпизоды из жизни Нимарин весьма характерно обрисовывают мятую-

щуюся, полную страстей природу арели, не принадлежащую полностью ни тьме, ни свету. Казалось бы, при всём стечении обстоятельств, оскорблении, нанесённом Нимарин, её обиде на самого Фанхандена, она тем не менее принимает решение, что его жизнь важнее её собственной, следуя велению любви, на которую, при всём этом, арели остаётся вполне способна. И, как показывает дальнейшая история, действительно, даже озлобившиеся арели способны к любви, сочувствию и верности, всем тем светлым и добрым чувствам, что отличают свет от тени. Исключительно важен тот момент, что для Нимарин полное обращение к Свету стало возможным только после обретения надежды, когда она нашла опору в Фанхандене. Не веря в возможность чего-то светлого и большего, ни один арели не выберет путь к Свету, и, как показывает книга, именно Любовь и дружеское участие, сердечные принятие и верность позволяют даже самым ожесточённым и падшим арели обратиться к Свету и изменить свою природу. И всё же... Как мы видим на примере Нимарин, даже в изначальной «нейтральности» арели есть предрасположенность к Свету, которая лишь нуждается в поддержке и опоре.

ГОСПОДЬ ПРОЩАЕТ ЗАТЕМ

Обратила внимание на интересную особенность обращений к Богу у зулиен. Все повелительные наклонения в эмланте оканчиваются на ударное -é, как бы указывающее на приказной подтекст. Но в случае обращения к Богу все те же «дай, помилуй, сделай, прости» и т. п. употребляются на повелительном наклонении, а просто в будущем времени или с указанием на него! С надеждой на исполнение, видимо... Надежда и уважение даже в языке...

ОБРЕТЕНИЕ. КТО И КОГО ОБРЕТАЕТ В СМЕРТИ?

О смысле слова «обретение» я задумалась именно благодаря «Эйвели», хотя многожды слышала его и в повседневной, и в церковной жизни, однако как-то не особо задумывалась об его истинном значении, приравняв его к «приобретению, получению, обнаружению», но так ли всё просто? Особенно в «Эйвели», тем более если речь идет о... смерти. Итак, что же такое «обретение», версии:

Живые обретают Свет ушедшего?

В Эйдене обретают Свет вернувшегося?

Мир обретает так (через смерть) неуязвимого заступника своего?

Или же... Смерть подобна рождению, и только в ней истинное право эу торжествует?

...Но что делать с товарищем Тентеном, которого тоже «обрели», хотя он вовсе и не умер. ... Или всё же умер, но мы не заметили? Да нет, всё с ним хорошо, насколько это возможно в его состоянии... Так как же он обрёлся? Может, всё же, переступив грань жизни? Так, может, всё-таки обретение=утверждение? Лингвисты, филологи, сёстры, спасайте!

ОТСЕЧЁННАЯ ГОЛОВА

Недавно (не спрашивайте зачем) мне пришлось изучать особенности гильотинирования. Как бы невзначай и анатомические особенности последствий данного процесса. Так вот. Отрубленная голова, несомненно, может ещё несколько секунд после отделения от тела подавать признаки жизни: двигать глазами, открывать рот, гримасничать. Однако говорить не может. Связки порваны, доступа к кислороду из лёгких нет, т.к. человек говорит на выдохе, и для каждого слова нужен процесс вдох-выдох, а следовательно, нужен доступ к лёгким. После отсечения голова теряет связь с телом и не может говорить. По крайней мере так говорит наука. И говорит она: это невозможно. Но эулиен не знают такого слова. Очевидно, поэтому Экбертин не только напрямую не отправился в Эйден сразу после отсечения головы, но ещё и сумел назвать поимённо всех приговорённых с ним. Теоретически в те несколько мгновений, что даны природой отрубленной голове, это можно сделать, особенно, если помнить, что эулиен и так чрезвычайно быстро разговаривают. Но как это было возможно физиологически? Голову эу отрубили практически по плечи, оставив связки? Эу не отрубили голову, а разрубили пополам, оставив лёгкие и голову вместе? Про первую догадку нет данных. Но в книге сказано, что голова покатила. А, следовательно, шея ей в этом бы мешала. И вторая догадка не подтверждается книгой также. Так как Экбертину удалось обмануть свою физическую природу? Это может быть расценено исключительно как чудо.

Мы знаем Экбертина как сильного молитвенника, а значит, эу, всецело доверявшего и полагавшегося на Господа. Возможно, именно наивная и чистая вера Экбертина позволили ему совершить это чудо. Знал ли эу, что обещал нечто в принципе невозможное? Возможно. А может быть, и нет... Но ведь не зря же эулиен называют себя «надеющиеся».

ВЛАДЫКА ВСЕХ (?) АРЕЛИ

Прошу обратить внимание, граждане читатели! В тексте указано, что (возможно) до призвания Анкхали некоторые из арели, по крайней мере те, что прибывали на Инарфых — были народом Седби, т.е. признавали его своим господином... И, как ни странно, несмотря на этот факт, первое время Седби и Анкхали находились в дружеских отношениях, пока Седби не стал уводить у Анкхали приглянувшихся ему девушек.

Однако, когда Эликлем призвала новых арели и дала прежним их право, которое они употребили против эулиен, Седби с радостью принял это как повод к вражде и битвам... Что сказать, в юные годы жизни Седби не сильно отличался от арели, и, возможно, тем был близок и мил Анкхали, пока не стал представлять для него угрозу...

МАТЬ ВСЕХ АРЕЛИ?

Наверное, стоит прояснить ситуацию с плачем Эликлем, и как так милейшая эу вдруг стала «матерью» всех арели. Итак, начнём с самого начала. Прежде всего, было Слово. И далее по списку, пока не появились арели, причём, как мы помним, раньше самих эулиен. И тут Эликлем совершенно ни при чём. Также мы знаем, что ещё до её плача тот же Седби вполне себе комфортно жил в окружении арели в замке Мой, и многие из них почитали его своим господином, так впечатлил он их своей удалью во всех смыслах. Также, как мы помним, был и Анкхали в друзьях у Седби, также очевидно ещё до плача Эликлем. Так что же сделала Эликлем? И ответ весьма прост: опечалилась. Читаем в тексте: «И омрачилось сердце её тяжкой печалью». Вот, собственно, и всё, что было нужно для того, чтобы «призвать» арели и дать им право в этом мире. Строго говоря, именно «призывал» арели уже сам Финиар, так как «дело» Эликлем оставалось незавершённым, он лишь дал им свободу выбора, огласил её, освободил арели, назвав их. Но чему должны были быть рады обличённые печалью Эликлем, указавшую им на их безрадостную природу? И тем не менее название Эликлем своей «матерью» или «госпожой» — не что иное, как попытка уязвить и унижить светлую эу, которая, как мы понимаем, САМА никак не могла породить нечто подобное.

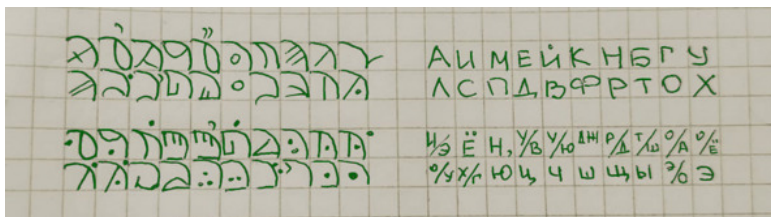
В то же время вполне объяснима тяга многих арели к Свету Эликлем в надежде избыть, объяснить или побороть свою печаль (некая тяга к «первоисточнику»), и даже сам Анкхали был очарован этой идеей — сделать Эликлем своей госпожой, хотя, возможно, преследовал не только эту очевидную цель. И всё равно мы возвращаемся к началу. Матерью и госпожой арели Эликлем можно назвать лишь условно, принимая во внимание тот факт, что именно её печаль и грусть вынудили впоследствии Финиара призвать арели и фактически «вызвать» их. Так что печаль и грусть — это лишь врата для ещё большей печали и грусти. Возможно, никто лучше Эликлем не понимал этого...

ЗАМЕТКА ОБ АЛФАВИТЕ

Как я могу предположить, алфавит эмланта состоит из 20 букв и 20 звуков, и записываются они отдельно. И при этом буква «э» — даже не входит в алфавит. Она последняя в звуках!

Буду пытаться разобраться в их значении и очерёдности, но пока есть версия о таком расположении (я могу и ошибаться).

Я могу ошибиться в порядке букв в алфавите эулиен (если кто в курсе, пожалуйста, поправьте меня!), но то, что он от «А» до «Х» — это весь алфавит, как вся жизнь, как и вся жизнь, я уверена. Лишь вздох. Лишь ah. Но «h» в конце не читается, а буква а — означает «благо»!

Реконструкция алфавита эулиен. Запись морским стилем

К`АК МНОГО В ЭТОМ ЗВУКЕ...

Многие, наверное, заметили, что некоторые персонажи К. Хеллен (фейри/арели) носят имена, начинающиеся со странной приставки «К»». Долгое время я пребывала в уверенности, что это просто одна из особенностей имён арели, но недавно проследила весьма интересную тенденцию, которая подтверждается в дневниках К. Приставка «К»» в имени арели означает — потомок знатного рода, т.к. происходит от слов kúban (хозяин, господин, владелец) и/или khar (князь).

При этом имя влалельца в случае его «повышения» не меняется, только его потомок может получить имя с «К»».

Так, например, Алаканон, поднявшись, не мог бы называться К'Алаканон, а вот будь у Анкхали сын, он мог бы получить имя, начинающееся с «К»».

Также характерно, что эта приставка традиционна только для данаи и только для мужских имён. Даётся она, чтобы указывать, что этот арели из знатного рода.

Также, например, сыновья Ифхиру и Имреи могли бы получить имена с «К»» т.к. отец был королевского рода. Впрочем, и сам Имреи мог бы получить от отца имя К'Имреи, что было бы вполне логично, но господин Исула, как мы видим, оказался весьма скромным.

Сама К. в своих дневниках иронизирует, что именно буква «К» является самой недооценённой буквой в любом ал-

фавите, ведь на эмланте и мелате/эали/махли, кроме отсылки к высокому родовому статусу, она также отсылает и к самой сути этой буквы: «Так „к“ — и всё, что от неё — лишь воплощение „и“, всё тот же прежний Свет. Как kémi (друг), как íe (жизнь), как káylaḥ (солнце), иль как kaugát (судьба) — то свет, обретший воплощение. Но „к“ — тверда. Твердыня Света — буква „к“.» [«Эйвели», отрывок]

ТАК ЛИ НЕ ЦЕНЯТ ЭУЛИЕН СВОЮ ЖИЗНЬ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ЛИ БЕЗУМНЫ В СВОЕЙ ГОТОВНОСТИ К СМЕРТИ?

В продолжение темы безумства эулиен... возможно, многие из Вас, кто прочёл книгу, остались в некотором недоумении от поведения эулиен, демонстрируемом ими едва ли не с самого раннего возраста, а именно невероятную лёгкость, с которой они идут на самопожертвование и расстаются с жизнью, будто бы и вовсе не ценят её. Безусловно, полагая себя низшими из всех живых созданий (младшими как минимум), эулиен с неизменным уважением относятся ко всем, кто выше и старше, а это и цветы, растения, насекомые, животные и, конечно же, люди, и также эулиен неизменно служат им, как мы привыкли, чтобы младшие проявляли почтение к старшим, помогая им в их нуждах и недугах, и подобно как раб служит своему господину, поставленному над ним своим происхождением. Тем не менее было бы глупо полагать, что эулиен настолько не ценили свою жизнь и не ведали страха смерти, что с неискоренимым упорством искали смерти и с лёгкостью принимали её. Подобно любому живому существу, эулиен, как мы видим, также не лишены ни страха смерти, ни сомнений, ни тем более возможности ис-

пытывать боль и страдание. Если внимательно изучить текст, то мы можем найти там слова о том, что каждый эу с молодых ногтей учится почитать и уважать своё тело и жизнь — как величайшие дары Создателя, как учится уважать всякую плоть и всякую жизнь, оберегая их и защищая, даже будучи богоотреченным. На мой взгляд, было бы наивно и неверно обвинять эулиен в гипертрофированном романтизме, приветствующем идею «героической смерти во имя своих идеалов/Веры/Любви/и т.п.», их смирение перед необходимостью самопожертвования и радостная готовность к ней продиктована, как мне кажется, совершенно иными мотивами. Вся жизнь каждого эу, от самого зачатия — это Божие чудо, а потому каждый эу в самом буквальном смысле обязан Богу своим появлением на свет, и даже если он рождён от человека или арели, то всё равно воспринимает свою жизнь как Божий дар. Подобное восприятие воспитывает в эулиен определённую благодарность, которую они вполне реализуют в своём подражании Богу, то есть следованию Его Воле, явленной им в жизни Христа и узнаваемой ими во всём вокруг — в служении своим детям/живым созданиям/служении миру. В книге напрямую говорится, что для эу нет пути более достойного, чем путь Христа, т.е. всецелое следование Божественной Воле, даже если она ведёт к гибели, и более того — ЕСЛИ ОНА НЕПРЕМЕННО ведёт к гибели. Самопожертвование — как величайшая благодарность — страшный, но, в то же время прекрасный удел, выбранный как муд-

рым Карнье, так и безумцем Виэльлине, поскольку жизнь, возведённая служением и подвигами (как духовными, так и мирскими) в бесценное сокровище — добровольно подносится и отдаётся как дар. На примере Карнье мы видим, как жизненный опыт, непрерывное служение и совершенствование себя приводят эу к мысли о необходимости жертвы, причём вовсе не потому, что жизнь наскучила или обременила его с течением лет, но поскольку он дошёл до готовности к ней, пожелал её, взрастив и постигнув всю глубину благодарности и Любви, требующей возвращения данных ею даров. Даже мудрейший Финиар не стал противиться решению и желанию Карнье, но приветствовал его, хоть и не без печали. Более завуалированный, но тот же путь проделал и Виэльлине, пытаясь постфактум заслужить те величайшие дары, что обрёл в союзе с Фиэльли, каждым своим подвигом и в итоге принятой смертью подтверждая свою Любовь положенной на алтарь благодарности жизнью. В этом смысле исполнения Божьей Воли и неотступном следовании ей эулиен гораздо ближе виэ, являющимися САМОЙ Волей Бога, воплощённой материей, нежели людям, и это, как мне кажется, вполне объясняет взаимную тягу этих созданий друг к другу.

ДВА ПЛАМЕНИ

Одним из самых объёмных трудов К., как мне кажется, стоит полагать её дневники и записи, а также неотправленные письма. Как ни странно, но среди них весьма часто встречается имя Элигрэн, причём не столько как собеседника, но скорее как примера для сравнения. В некоторые периоды времени К. использует это имя довольно часто, особенно в своих рассуждениях. Долгое время я была убеждена, что повествование в данных текстах вообще идёт от лица Элигрэн, и К. и Элигрэн — одно и то же лицо, одна личность. Да и сейчас я иногда не могу разобрать хитросплетения подобных текстов. Тем не менее всё-таки это были два пламени, две судьбы, два сердца. Одно я могу сказать точно — и К., и Элигрэн общались на равных, но настолько понимали друг друга, что им нечего было исследовать и изучать, и в этом смысле они были друг другу не интересны, но у них было полнейшее взаимопонимание. Возможно даже, что никто не знал и не понимал Элигрэн лучше К. Да и в целом, если присмотреться, К. и Элигрэн весьма похожи. Обе не признают правил, обе принимают оригинальные решения, которые не всем кажутся понятными, обе соотносят себя с огненной стихией, обе так или иначе связаны с виэ и хранят память о Виэльине. Особенно в этом вопросе меня насторожил такой отрывок из записей К.: «И протянула я свой Свет и спро-

сила: кто возьмёт его? И ответил мне мир (mayndu) [Фиэль-ли?]: это мой Свет, я возьму его. И мы сказали Любви: вот Свет наш, и сошёл он огнём пламенным в сердце, что было предназначено для Любви. И так стал Свет наш, оттого я к тебе и обращаюсь „о Свет мой“, друг мой, Элигрэн!»

И тем не менее К. Хеллен восхищалась Элигрэн как другом и часто обращалась к ней в сердце с беседой и сомолитвой, которую, по словам К., единственно Элигрэн могла вынести и удержать.

Я до сих пор до конца не осознала, какие именно отношения связывали Элигрэн и К., общались ли они вживую, или местом их встреч единственно был предел сердца, однако я более чем уверена, что это были два пламени. Два пламени одного огня.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПСИХОТЕРАПИЯ

Недавно в состоявшейся беседе по переписке была выявлена интересная особенность текста «Эйвели», а именно — психотерапевтическая. Как выяснилось в процессе разговора, в книге на примерах героев разобраны такие распространённые проблемы, как низкая самооценка, неуверенность в себе, самокопание и самоуничтожение, депрессия, болезненность от неприятия обществом, гордыня и самомнение, и всё это вместе совершенно из разных этиологий. Но чем интересна книга, так это не тем, что в ней затронуты столь актуальные для многих темы, а тем, что, опять же на примере героев, автор в буквальном смысле слова ПРОПИСЫВАЕТ терапию, указывая не только выход, но и позволяя взглянуть на свою проблему со стороны, отождествив себя с тем или иным героем и удостоверившись, насколько неверный подход в восприятии самого себя был читателем выбран. В этом смысле мы вполне можем рекомендовать чтение «Эйвели» не только как душеспасительное чтение, но и психотерапевтическое.

ПОЧЕМУ ФИЭЛЬЛИ ПОЛЮБИЛА ВИЭЛЬЛИНЕ?

Для многих после прочтения книги (а в книге и для самого Виэльлине) встаёт вопрос — КАК, а главное, почему Фиэльли, столь могущественная и несравненно прекрасная виэ, выбрала именно Виэльлине, ведь, пусть и посланная Эин-Мари как дар роду Финиара, могла выбрать любого достойного эу из его рода, благо выбор у неё был весьма велик. Так почему же именно Виэльлине? Не самый красивый, не обретший знания и не нашедший понимания у своего народа. Немного безумец, мечтатель, с некрепким здоровьем и, прямо скажем, не обнаруживший таланта ни в одном из традиционных для эулиен занятий. Возможно, для нас станет ответом эпизод, где на вопрос короля, несомненно человека могущественного и достойного, о том, почему она выбрала столь недостойного её эу, Фиэльли без промедления и сомнения отвечает, что выбрала лучшего из эулиен. Как так, ведь на тот момент Виэльлине для всех представлял собой эу, достойного скорее жалости, нежели восхищения? ...Возможно, ответ кроется в самой природе Фиэльли и, разумеется, единстве устремлений Фиэльли и Виэльлине, объединённых мечтой о мире. Фиэльли же всем своим отношением к мужу показала эу, что он может быть другим, одарив его как героя своим уважением, нежностью и любовью, каких ско-

рее был достоин тот, новый Виэльлине, какого мы узнаём по его подвигам. Почему же так вышло? Возможно, потому что прошлое, настоящее и будущее были открыты для Фиэльли и были одним единственным временем, и она, приходя в подзаконный мир, уже знала, что её ждёт с Виэльлине, и относилась к нему как к тому, кто уже свершил все те беспримерные подвиги во имя их любви, относилась к нему с тем уважением и любовью, истинную силу которых по идее он заслужил лишь позже. Таким образом, Фиэльли показывает нам пример того, как можно полюбить кого-то за Надежду о нём самом и тем самым подарить её. Да и мог бы Виэльлине стать тем, кем стал позднее, не встретить он Фиэльли и не полюби её всем своим сердцем? Таким образом, она сама своим появлением в его жизни обрекла Виэльлине на судьбу героя, поскольку Виэльлине всего-то было нужно, чтобы кто-то поверил в него. В этом смысле можно сказать, что не только сама Фиэльли оказалась тем бесценным даром Эин-Мари роду Финиара, но и подарила ему Виэльлине, эу, с которого началась одна из самых могущественных и достойных ветвей его рода, подаривших миру множество отважных, добрых и прославленных эулиен, в том числе и Элигрэн, принявшую Светлый Дом после Финиара.

ТАЙНА СВЕТА ГЛАЗ ЭУЛИЕН

Все, читавшие книгу, обратили внимание на весьма характерную и удивительную особенность физиологии эулиен — сияние глаз в темноте. К. особенно не даёт пояснений, как и из-за чего это происходит, однако даёт красочное описание. Очевидно лишь одно, что это сияние не тождественно свечению глаз в темноте у некоторых животных, а следовательно не связано со строением оболочки глаз и не является *tapetum lucidum*, а скорее происходит от внутреннего Света эу, связанного с его жизнью (жизненной энергией), т.к. мы видим у К. описание, что когда эу умирает — Свет уходит из его глаз. Таким образом, мы можем соотнести Свет глаз эулиен с некой жизненной энергией. Однако остаётся весьма интересное замечание: эу может усилить свечение своих глаз, например, чтобы охватить этим Светом большую территорию и улучшить видимость, однако совершенно не в силах его уменьшить и тем более вовсе скрыть. Так мы можем прийти к выводу, что эулиен так или иначе могут влиять на интенсивность и силу Света своих глаз, но совершенно бессильны убрать его, поскольку он является врождённой особенностью, свойственной эулиен и во многом отличающей их от других живых существ.

В этой связи встаёт весьма важный, но совершенно безответный (в книге) вопрос: КАК эулиен скрывали Свет глаз с

наступлением сумерек, ведь, очевидно, его наличие тут же выдавало бы всякого эу, а стало быть, каждый странствующий эу тем или иным способом должен был как-то скрывать Свет своих глаз, чтобы не выдать себя как эу.

Каким же образом эулиен находили выход из положения? К. не даёт ответов в книге, даже намёков. Поэтому мы можем лишь предполагать и выбирать из разных вариантов:

1. Эулиен не показывались на люди с наступлением сумерек (уходили в уединённые места, уединялись в домах, прятались иным образом);

2. Старались держаться в максимально светлом месте, где сияние их глаз не было бы столь заметно;

3. Ходили с повязкой на глазах, подобно слепым, или замутившись (следуя, повинувшись взору сердца);

4. Использовали какое-то иное простое приспособление, скрывающее их глаза, что-то наподобие очков???? (хотя подобное могло бы не меньше света привлечь к носителю внимание);

5. Не старались скрыть свою особенность, полагаясь на судьбу и будучи готовыми принять неизбежное (что вполне в их духе, но не до такой же степени бездумного риска!).

К сожалению, у меня также нет ответа, хотя я склоняюсь к первому и второму вариантам, т. к. К. описаны случаи ночного соследования эулиен (которое происходит, подобно сну, с закрытыми глазами) и нахождению эулиен вблизи костров в дни их странствий, что также пусть и немного, но

скрывало свечение их глаз.

Но, возможно, у Вас есть свои идеи, как эулиен удавалось (и, видимо, удаётся и ныне) скрывать столь яркую свою особенность?

П. С. Недавно мы получили очень ценный комментарий, многое проясняющий о свечении глаз эулиен в темноте. «Глаза эулиен сияют не автоматически при наступлении сумерек, а именно в отсутствие света, т.ч. при любой, пусть даже небольшой освещённости этого не происходит. Эта физиологическая реакция, не контролируемая эу, на наступление абсолютной темноты называется свечение или *ilímmē*. При достаточно звёздной и лунной ночи илиммэ будет почти незаметным, однако если источник света будет слишком слабым или далеко, илиммэ усиливается. В абсолютной темноте оно достигает пика и становится совершенным, облекая светом самого эу и расстояние, как правило, равное расстоянию вытянутой руки, а иногда и больше, достаточное для того, чтобы хватило света двоим.» [текст от Лу Хороший Проводник]

О ВОССТАНИИ МАШИН

Ещё только начиная работу над переводом, я столкнулась с препятствиями появлению этой книги. Сначала я не придавала им значения, но уже вскоре мне стало понятно, что всё это далеко не случайно. То у меня рассыпались уже разложенные по очередности листы, и их приходилось собирать по порядку снова, то один или несколько листов рукописи невероятным образом падали за диван, забивались между мебелью, улетали в труднодоступные места и обнаруживались там не сразу. Собравшись с духом и приступая к переводу, я вдруг оказывалась завалена работой или заболела, но, что особенно меня пугало — так это проказы бездушной техники.

На момент, когда я всё-таки собралась фундаментально заняться сбором книги и сесть за её полный перевод, у меня уже были некоторые наработки, разрозненные переводы отрывков, некая смысловая «рыба», как она мне виделась на тот момент. Не могу сказать, что материала было очень много, но это был некий фундамент, успокаивающий меня тем, что мне не приходилось приступать к этой махине текста безоружной. Так вот, едва я взялась разобраться со своими прежними наработками, мой ноутбук (не подававший до того дня никаких признаков недомогания), вдруг эпически завис, не реагируя на все мои попытки его реанимировать...

а после вынужденной перезагрузки честно удалил мне половину текста. Панике моей не было конца... Айтишники на работе подсказали мне, как можно восстановить утраченный текст, и таки он вернулся, но... разумеется, в виде нечитаемых закорючек. И да... Мне пришлось снова проделывать ту работу, что и много лет назад, когда я только впервые столкнулась с «Эйвели». После этого, разумеется, я предприняла некие правила предосторожности и поставила посекундное сохранение текста, но, увы, как оказалось, печатаю я гораздо быстрее, и часто сохранение не успевало за набором текста, и, разумеется, набранный текст слетал практически ежедневно, а стоило мне отойти от ноутбука, не закончив работу, он почему-то решал зависнуть и удалял не только последние предложения, а сразу всё, что было набрано за день. В итоге бездушная машина и вовсе отошла в мир цифровой, угробив и рабочий файл, сделав его нечитаемым. И снова панике моей не было конца. Но brave айтишники подсказали мне выход. Теперь каждую долгую паузу в работе я сохраняла файл с переводом на флешку, а заодно на рабочем столе и жёстком диске, просто нумеруя их, т.к. каждый день к предыдущему тексту что-то добавлялось. Да, это немного спасло положение, пока не приказала жить моя флешка, а на всех остальных не оказалось места памяти. Жёсткий диск нового ноутбука оказался напрочь забит рабочими программами и не принимал даже лёгонькие вордовские файлы, прорывающиеся в него каждый день. В итоге я пожертвовала ан-

тивирусом, и на следующий день... Да, Вы угадали. Ноутбук поймал коварный троян, который добил его и снова сделал все вордовские файлы на ноутбуке нечитаемыми. Их пришлось извлекать из железного трупa вместе с жёстким диском... Во избежание инфаркта я решила работать с текстом только на рабочем компьютере, как на самом надёжном оборудовании... Но не тут-то было... Меня в первый же день завалили работой настолько, что я не то чтобы на обед — просто выйти не могла. К тому времени я уже имела некоторое представление о традиционных бедах, с которыми сталкивались эулиен на всём протяжении их истории, и решила-таки бороться за книгу, вопреки неблагоприятным обстоятельствам. Пользуясь удобным расположением своего рабочего стола, я приноровилась незаметно сползать под него и, обклеив подстолье текущими заметками, честно вручную занималась переводом, чтобы вечером дома перепечатывать то, что было переведено за день. Заходя в мой кабинет, коллеги просто не находили меня на месте, никак не подозревая, что бурная работа происходит не за, а под столом. Понимая, что я не могу работать на казённом компьютере из-за обилия работы и его периодических сбоев, которые внезапно начались с началом моей работы на нём над книгой, я снова была поставлена перед необходимостью приобрести ноутбук... Ради этого я продолжала работать и каждый обеденный перерыв, невзирая на вечный адский аврал, сползать под стол для дел, несомненно, более важных.

Когда место под столом, куда ещё было можно наклеить свои рабочие заметки, закончилось, я начала клеить второй слой, он отлетал, заметки терялись, уборщица честно выметала их, и мне приходилось снова ломать голову над тем, что вчера было явлено мне в припадке очередного озарения... К тому времени я заболела практически раз в месяц и использовала эти дни для спокойной работы, однако, возвращаясь на рабочее место, я снова была вынуждена использовать стол как укрытие. Дело в том, что я человек весьма чувствительный, ценящий и уважающий слово. Или из-за воспитания, или из-за моей любви к слову, или же из-за ранимости моей души — я категорически не переношу мат. А мне тогда случилось работать в военной организации, где онный является не средством брани, а обычного повседневного общения. Домой после трудового дня я приходила не только в дичайшем стрессе из-под стола, что не была никем не обнаружена за день, но и с чувством, будто меня извальяли в грязи. От напряжения хотелось плакать. Да и работа над текстом не давала расслабиться. Меня не покидало чувство, что я взялась за непомерную работу, осилить которую в принципе невозможно. Но я положила себе не думать об этом, продвигаясь вперёд шаг за шагом, тормозя едва ли не на каждом слове и ужасаясь от вида эмланта, который мне пришлось учить самой, разбирая рукописи К. и, сопоставляя переводы, реконструировать процессы словообразования и подбирать рабочую версию... Так прошло 5 лет. На пятый год я

поняла, что книга превыше всего, выше денежных и социальных благ, выше моего собственного здоровья, интересов и жизни. И я с чистой совестью уволилась с работы, чтобы всецело посвятить себя работе над книгой. Да, на несколько лет в жизни я выпала из всех социальных процессов и практически не выходила из дома, поэтому знаменитую самоизоляцию во время ковида я пережила, даже не зная о ней. В подобной изоляции я провела 2,5 года, каждый день посвящая книге, с утра и до глубокой ночи. И тем не менее восстановление машин продолжалось. Несмотря на все предпринятые мною меры предосторожности, за эти два года были безнадежно потеряны 2 флешки с последними правками к тексту (это приучило меня записывать каждый изменённый файл ещё и на CD диск), и пришлось перейти на рукописный перевод с последующий перепечаткой, потому что доверие к ноутбуку у меня пропало напрочь, особенно после того, как он слетал 7 (!!!!!) раз, каждый из которых он умудрялся так или иначе повреждать файлы с переводом. Рассорившись со своим новым ноутбуком, я рекрутировала допотопный мамин планшет, доверившись его надёжной старости и перенеся на него все существующие к тому моменту файлы. Это тоже было весьма опрометчивым решением, поскольку через три дня планшет во время работы разрядился под ноль так, что в ремонтной мастерской признали его невоскрешаемым... Плюнув на технику, объявившую войну рождению «Эйвели», я полностью перешла на ручное управление про-

цессом. И по мере того, как пустели мешки с собранной рукописью, наполнилась гора моих рукописных переводов, которая, естественно, периодически рассыпалась, теряла листы, путала главы и эпизоды местами... На последнем этапе работы, когда я была вынуждена сесть за набор переведённого, уже сам Word выдал свою расистскую натуру, категорически отказываясь без ошибок воспроизводить имена героев, самопроизвольно заменяя или коверкая их и покрывая мне весь набранный текст сплошным бесячим красным подчёркиванием. Тот же Word, несмотря на мою опытность в его использовании, проявил в сражении чудеса изобретательности, то зависая, то дублируя, то удаляя, то внезапно переставляя текст в самые неожиданные места, а то и вовсе указывая на какие-то ошибки в коде... А уж что творилось с ссылками (будь они трижды, нет, двести раз неладны!) Да, практически каждый раз новый документ сохранялся в нечитаемом формате, и я, плюнув и на это, решила забивать текст в блокноте в надежде потом с помощью онлайн-приложений перевести текст в читаемый формат... Боже! Как я была близка к тому, чтобы достать старую рычаговую печатную машинку...

Чем закончилось восстание машин и кто победил, Вы, конечно, уже знаете... Но работа над «Эйвели» явственно показала мне, какими невероятными путями и средствами внешний мир может сопротивляться появлению чего-то большого, чистого и светлого. Я ни разу не слукавлю, сказав, что это была настоящая битва за книгу, за её право выйти

в свет и дойти до своего читателя... Теперь дело за Вами.
Война за Свет не окончена.

ВСПОМИНАЯ ОБЫЧАИ ЭУЛИЕН

Мы все обращали внимание на милые и трогательные обычаи эулиен, описанные в книге, так или иначе структурирующие взаимоотношения между эулиен.

Давайте вспомним 3 главных из них.

1. Кирзен (одаривание тоном/тонеكلي) — один из основополагающих обычаев, означающий вхождение юного эу в сообщество эулиен. Суть обычая заключается в том, что один эу (как правило, старший) сам мастерит тон и изображает на дощечке суть одариваемого, проявляя истинное знание (видение) и понимание его души, пути и склонностей. Таким образом, тонекли как бы заменяет эу паспорт, правда, паспорт души, и одаривание тоном также считается одним из обрядов, соединяющих двух эулиен неразрывной и глубокой душевной и духовной связью, подобно обретению друга души.

2. Итрем (скрепление) — особое рукопожатие, используемое эулиен в знак нерушимой дружбы, нечто сродни клятве на крови и ритуальному братанию, когда двое по-особомужимают друг другу руки, соприкасаясь запястьями.

3. Ифхёлье (душепоручение) — прекрасный обычай, сакральный ритуал, раскрывающий самые возвышенные чувства, когда один эу поручает (как хранителю) другому ни больше ни меньше свою душу. Как я поняла, к ифхёлье при-

бегают не только влюблённые на свадьбах или дети по отношению к родителям, но и друзья, а также иногда используют душепоручение как знак высшей благодарности.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Для меня было большим удивлением обнаружить, что эулиен так отмечают дни рождения! Да, не ежегодно, да по настроению, но отмечают! Пример тому — упомянутый день рождения Виэльлине, в честь которого Эливиен устроил громкий праздник... Из этого, как мне кажется, стоит сделать вывод, что эулиен нужен лишь малейший повод... И чем день рождения не один из них?

О КРАСОТЕ ЭУЛИЕН

В книге мы не раз встречаем упоминание о красоте эулиен, но при этом автор не даёт её чёткого описания, разве что говорит о правильных чертах лица да характерно торчащих ушах и совершенно непослушных кудрях, что в целом не очень-то вписывается в канонический образ прекрасного существа... И тем не менее Светлый Дом полон прекрасных юношей и девушек, многие из которых настолько прекрасны, что покоряют собой и людей, и арели, и своей красотой способны обратить отчаявшихся к Свету... Но правильно ли мы трактуем красоту эулиен? Безусловно, очевидно, многие из эулиен действительно милы и хороши собой, чему способствует и их юность, и образ жизни, однако, если верить описаниям, не все из эулиен такие невероятные красавцы и красавицы, что ослепляют одним своим видом. Однако и самые странные, неказистые и даже совершенно непривлекательные, недужные, как телесно, так и умственно, воспринимаются соплеменниками совсем не по физическим меркам. Никто не разу не упрекнул Эвгли в её любви к безумному Итейни, который в своём безумии был равен ребёнку. Никто не был удивлён любви дочери Дууда к Иеи, один взгляд на которого вселял во многих трепет. Никто не осуждал и тех из девушек и юношей, что соединяли свою жизнь с неполноценными в нашем понимании возлюбленными, будь то со-

вершенно порочный человек или неказистый и недужный эу. И делалось это, если посмотреть, не всегда ради спасения несовершенного персонажа. Ответом на вопрос о понимании красоты у эулиен является тот факт, что они, как правило (и это следует из текста), оценивают друг друга не по внешности или поступкам, но по Свету, как проявленному, так и скрытому, по родству своего и чужого Света, их понимание красоты совершенно лишено сексуальной подоплёки и не является порождением влечения или страсти. Кроме того, мы можем заметить, что одним из самых распространённых признаков красоты для эулиен является улыбка, будь она явлена на лице или скрыта во взгляде. Всё это относит нас к тому, что внешность для эу совершенно не важна (возможно, поэтому они столь легко относятся к полученным увечьям и ранам, зная, что в своём народе они не будут замечены) по сравнению с внутренней красотой, добротой сердца и любовью, явленной в делах, улыбке и обнаруживаемом в эу свете. «Свет к Свету», как говорится... Именно этот подход к определению красоты возвращает нас к её истинному пониманию, заключённому не в физической, но в духовной форме, совершенной и неуязвимой.

Характерным проявлением подобного отношения можно рассматривать прекраснейший и трогательный диалог, состоявшийся после спасения Эрайе из плена Анкхали, между сыном Элигрэн и Иниам, когда Иниам уверяет своего возлюбленного, что ничто из того, что совершили с ним, не ли-

шило его Света в её глазах, несмотря на нанесённые ему увечья и оскорбления.

САМЫЙ ВЫСОКИЙ

Все мы, читавшие книгу, привыкли представлять себе эулиен невысокими, что в целом и есть характерная черта этого удивительного народа. Однако в истории эулиен встречаются и весьма выдающиеся своим ростом герои. Но, проведём расследование: кто же обладал самым высоким ростом среди эулиен и в Светлом Доме?

Итак, в первой части «Эйвели» мы читаем: «По природе своей эулиен чаще всего невысоки, однако же Финиар, первый из них, был высок ростом и превосходил всех эулиен, также в него были ростом и старшие сыновья его» — из этого мы можем сделать вывод, что Финиар всё же был выше Седби. В тексте напрямую об этом не говорится, но вполне очевидно, что Седби, как более физически развитый и могучий, был выше старшего брата, но ниже своего отца.

Во второй части мы читаем: «Был Абрин высок и могуч, ростом был он выше всех эулиен Светлого Дома, лишь Седби да Финиар едва могли сравниться с ним, и лишь двое эулиен, встав плечом к плечу, могли быть как один Абрин, да и то меньше», тут важно замечание — едва ли, а это означает, что всё же Абрин был выше и Седби, и Финиара, а стало быть, и был самым высоким среди всех жителей Светлого Дома. Среди же эулиен самым высоким ростом обладал именно Финиар, что вполне было соответственно его статусу.

су и положению.

СТРАСТЬ, РЕВНОСТЬ ИЛИ ИГРА?

Минутка занимательной психологии...

Читавшие книгу могли быть немного озадачены взаимоотношениями и поведением влюблённых Кихин и Китли. Так что же это было? Подавляемая страсть? Нескрываемая ревность? Или всё же игра?

На протяжении всей книги мы можем наблюдать своеобразный флирт между этими двумя персонажами, заключённый в показной ревности и подтрунивании друг над другом. Это весьма ироничные отношения, как бы противостояние двух равных, вспыльчивых и прекрасных героев, начавшиеся с взаимовыгодной игры в поддавки и продолжающиеся в данном русле вполне успешно и комфортно для них двоих и далее. Очевидно, что подобное ироничное отношение к собственному браку, почти игра, являлось неким буфером между двумя сильными и своенравными противоположностями, позволяющими им чувствовать себя свободно, и именно оно служило лёгкости и крепости их брака, исполненного на самом деле подлинных уважения и нежности. Именно подобного рода заигрывание позволяло Кихин и Китли вполне комфортно и безопасно проявлять свои «огненные» качества, не нарушая традиций эулиен и поддерживая огонь собственных отношений.

В подтверждение идеи о провокационной, игровой основе

отношений Кихин и Китли свидетельствуют и слова автора: «Тут же сменился нрав Китли и Кихин. Оставили они свою ложную ревность, игру, которой им нравилось изводить друг друга, в которой был задор их и особая нежность. Ради нежного Света маленького Кахиррэ, ради этого упорного светлого эу, изменили Кихин и Китли своим привычкам, ибо в дни обучения маленьких эулиен — не до войны с устоями их народа».

ФИНИАР И ФИЭЛЬЛИ

Любовь, связывавшая Фиэльли с мужем — непоколебимая сила, истина, скрепляющая всю книгу воедино, пронизывающая её и дающая развитие всем сюжетным линиям. В том, что Виэльлине беспредельно был предан своей возлюбленной и Фиэльли, несомненно, была верна ему и в памяти — истина. Однако что же тогда связывало Фиэльли и Финиара?

Любой, кто обращал внимания на их взаимоотношения, мог заметить, что к Фиэльли у Финиара было особое отношение. Он не только превозносил её и почитал, как и многих эулиен своего Дома, но более того, ставил её выше себя самого, называя её своей госпожой, явно не для любезного обращения. К Фиэльли Финиар обращался за советом, при том что его мудрость оставалась совершенной, за помощью к ней он направляет своих потомков и свой народ. Мы можем видеть, как сам Финиар оказывается смущён в присутствии Фиэльли и охвачен неподдельным волнением и трепетом в минуты её недугов. На протяжении всей книги, если отбросить все иные сюжетные линии, мы можем увидеть две схожие судьбы, два бесконечно страдающих в разлуке сердца, двух героев, взваливших на себя непомерную ношу, сделавшую их одинокими в своём знании и власти. Финиар и Фиэльли — практически отражение друг друга. И он, и

она отчаянно нуждаются друг в друге и тянутся друг к другу, поскольку лишь они двое способны понять тяготы и нужды другого в полной мере. И Финиару, и Фиэльли доступны образы будущего и видение судеб эулиен. И Финиар, и Фиэльли так или иначе находятся в разлуке с любимыми. И Финиар, и Фиэльли несут на себе ношу непомерного знания и права распоряжаться судьбами других. И в то же время оба прекрасно осознают, пусть и не понимают, свою общность, утешающую и поддерживающую их. Обратите внимание, что Финиар и Фиэльли практически не разговаривают друг с другом, их общение происходит совершенно на ином уровне. Оно выражается... в заботе. Лишённый заботы любящей его Эин-Мари, Финиар оказывается защищаем и опекаем заботой Фиэльли, не оставляющей его ни в грусти, ни в болезни, ни в затруднениях, пусть и не всегда это выражено её личным присутствием. В то же время и Фиэльли, потеряв мужа, вовсе не остаётся осиротевшей, поскольку сердечное око Финиара, как мы можем заметить, непрестанно устремлено к ней.

Даже для неискущённого читателя, пусть о том ни разу и не говорится напрямую, совершенно очевидно, что Финиар и Фиэльли не только нежно привязаны друг к другу, но и испытывают гораздо более глубокие, более сильные и высокие чувства, которые мы не можем определить иначе, чем Любовь. Определённо, это именно она, и именно в самом светлом и чистом своём проявлении, поскольку ни Фиэльли, ни

Финиар даже не мыслят посягнуть на святость брака своего возлюбленного, но всецело и заботливо поддерживают друг друга в памяти по супругам. Отчасти мы можем сказать, что в некотором смысле Фиэльли является проявлением той заботы и любви, которой должен был быть окружён Финиар, если бы Эин-Мари пошла с ним. Несомненно, забота Фиэльли о Финиаре — это не просто забота друга, но скорее супруги. Обусловлено ли это тем, что через Фиэльли Эин-Мари, как могла, как раз и проявляла свою заботу о муже и роде, или же это обусловлено личной волей и выбором самой Фиэльли — неизвестно. Но в любом случае, Эин-Мари могла быть спокойна, зная, что её возлюбленный не останется один на один с бедами и тяготами этого мира, но будет поддержан и утешен, как если бы она сама была рядом. Так и Финиар, можно сказать, отчасти становится для Фиэльли подобием Виэльлине — достойнейший и мудрейший из эулиен, единственный, кто бы мог сравниться с Виэльлине, каким его знала Фиэльли. Как и Виэльлине, Финиар окружает Фиэльли трепетной заботой, беспримерным уважением, нежностью, и так же берёт на себя заботу об Элигрэн, подобно отцу.

Однако связь между этими двумя героями гораздо глубже, как мы можем видеть, поскольку Фиэльли бережёт Финиара для Эин-Мари в подзаконном мире, в то время как Виэльлине, вернувшись в Эйден, берёт на себя заботу о Эин-Мари, охраняя и защищая её для Финиара. Виэльлине и Фи-

эльли как Финиар и Эин-Мари — две пары, чьи судьбы не только перекликаются, но и держат всю книгу, ведь если посмотреть, то не будь хоть одного из них — не состоялось бы и всей истории рода «Эйвели», а возможно, и всех эулиен.

Рассматривая взаимоотношения Финиара и Фиэльли, было бы всё же немного неправильно называть это любовью, поскольку любовь связывает Финиара и Эин-Мари, а Фиэльли с Виэльлине, но и называть их отношения просто нежной дружбой было бы попранием истины. Сама К. не раз утверждает, что Дружба — это форма любви. И в данном случае это определённо так, правда, тут мы имеем дело с дружбой между мужчиной и женщиной. Можно было бы бесконечно подбирать слова, пытаясь выразить феномен подобных взаимоотношений, если бы сама ирландская культура не давала нам ответ в полносмыслии выражения *Anam Cara* — Друг Души.

ОБ ОТЦЕ

Как я уже и говорила ранее, в дневниках и редких письмах К. называет своим отцом лишь одного — Финиара. Для меня очевидно, что это не физическое родство, но сердечное, духовное. Для меня важен сам факт, поскольку никого другого К. не называет своим родителем нигде и никогда. Да, у неё в «матерях» и Мать Вода и Мать Земля, и Отец Огонь и сёстры звёзды, братья звери и бессчётное число господ, включая всех названных. Но Отец, не Lord, не intercessor, а именно my Father (Paye) — лишь Финиар, эу. Вот что я нашла у К., полагая, что это именно о Финиаре. «...Господь свидетель, я не помню какой-то внемирной и слепящей красоты моего Отца, но я помню, что рядом с ним всегда становилось спокойно. Всем. Я не помню его улыбки, поскольку никто не смел смотреть ему в глаза, но я точно помню то тепло, которым облекался, укутывался каждый, кто подходил к эу. И всё, с чем ты пришёл, вдруг таяло и растворялось в этом тепле, в этом молчании, полном поддержки и Любви. Всё казалось неважным, а само молчание не требовало слов. Я знаю многих, кто приходил к Отцу просто помолчать. Ощутить это непоколебимое чувство защиты и покоя, принятия тебя и понимания, даже если ты сам не понимаешь и дрожишь. Многие истины открываются в таком целительном молчании, где Слово бережётся для спасения, для истинной

Любви. Если кто-то приходил и молчал, Отец часто выходил с ним в сад, и они молча бродили среди этого величия и торжества жизни, созерцая воплощённую Волю Творца и подлинную Красоту. Это внушало уверенность и радость. Если же случалось, что радость почему-то не приходила, Отец начинал рассказывать, как устроен тот или иной цветок, как живётся тому или иному жучку, мышам, птицам, обращал взор собеседника на облака, лучи солнца, танцы трав и листья. Или рассказывал забавные истории, а иногда и просто начинал напевать что-то вполголоса, и было совершенно противозачемственно и немислимо не начать подпевать ему. Отец почти никогда не говорил о правилах и судьбе, он учил видеть их и принимать. Так же радостно и спокойно, как мы принимаем первые лучи нового дня, чудо радуги или прохладный ветерок в знойный день. Весь мир был его учебником, а Любовь учением. И я никогда не забуду, что и молчание может быть полносердечнее слов, а учение, обречённое в нём — бесценным. Я мечтаю научить мои книги такому же молчанию, если это было задумано Им.» [Из записей К. Хеллен]

ЗВЁЗДЫ ЭУЛИЕН

В книге мы встречаем неоднократное упоминание звёзд и созвездий, среди которых наиболее почитаемыми у эулиен оказываются две звезды — ночная звезда Измаиль, как символ Любви, и рассветная Ирдиль, как символ Надежды.

Давайте попробуем найти их на небе и разобраться, какие реальные астрономические объекты названы в книге.

Самое простое — это определить звезду Измаиль (Спасительный свет), упоминаемую как самая яркая звезда ночного неба. Тут не могло бы быть и сомнений, поскольку такой звездой является Полярная звезда, вполне согласующаяся со значением Любви, если принимать в расчет Любовь Господа. И мы бы успокоились, если бы для Полярной звезды у эулиен не было бы отдельного имени — *Auríg*... И тут мы начинаем думать на Сириус, как, естественно, на самом деле самую яркую звезду в небе, а это, на минутку, уже совсем другая коннотация. Или же Айрир и Измаиль — это два имени одного и того же объекта? Но тогда какого именно? Звезды Рождества или Сириуса?

С Ирдиль (др. Ируин) сложнее. Начнём с того, что в астрономии нет таких звёзд, которые могли бы быть незримыми всю ночь, но начать проявляться только в рассветном небе. С другой стороны, вполне возможно, что мы имеем дело не со звездой, а с планетой Венера, которую часто отождествля-

ют со звездой рассвета, поскольку именно в рассветные часы она обретает максимальную яркость. Смущает лишь тот момент, что весьма маловероятно, что такие учёные, как Эулиен, не могли бы отличить звезду от планеты. И ещё меньше вероятно, что планета Венера со своим горделивым и неспокойным нравом могла согласоваться в культуре Эулиен с Надеждой. Но остановимся всё же на идее с Венерой за неимением иных версий. Однако будем брать в расчет и то, что К. не раз в книге выдаёт фразу «на небосводе Эулиен», возможно, давая понять, что звёзды, наблюдаемые людьми и Эулиен, могут различаться. Эту мысль подтверждает и примечание самой К., приведённое в третьей части книги: «так есть на втором Западном небе созвездие, невидимое в подзаконном мире, что называется Уимурамор...», ярчайшими из звёзд которого К. называет: Амелан, Итару, а также звёзды Этар и Этне. Возможно, так К. намекает, что, находясь в нашем мире, Эулиен тем не менее могут воспринимать его и в иной плоскости (в ином измерении?), что также легко вписывается в идею их беспрепятственных визитов между мирами людей и арели. Таким образом, определить созвездие Уимурамор, опираясь только на его описание, с нашей точки зрения не представляется возможным... Но! В рукописях книги у К., встречаются и некоторые иллюстрации, наброски. Два из них как раз посвящены звёздам. И среди них есть созвездие, с именами звёзд Амелан, Итара, Этар и Этне. И в этом случае, как несостоявшийся астроном, с уверенностью могу за-

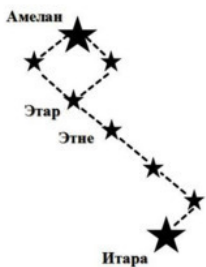
явить, что таинственное созвездие Уимурамор — всем нам знакомая Большая Медведица.

Также в книге упоминается и некое созвездие Пять королей, исходя из чего мы можем только предположить, что оно состоит из пяти звёзд. В данном случае исследовать и вовсе не стоило бы, так как созвездие из пяти звёзд — мягко говоря, обширнейший материал. Но... Если бы несостоявшемуся астроному задали вопрос «созвездие из пяти звёзд», то первое, что пришло бы ему в голову — было бы «Кассиопея». И таки Кассиопея, если верить наброску К., больше похожему на предынфарктную кардиограмму...

Исходя из всего этого, скорее всего, было бы правильнее не пытаться наложить карту звездного неба, каким его видят (воспринимают) зулиен, на человеческую карту звёздного неба, поскольку они полны не только разных названий, но, очевидно, и открывающихся обозрению небесных тел, с другой стороны, мы попытались и, возможно, в чём-то могли оказаться правыми.

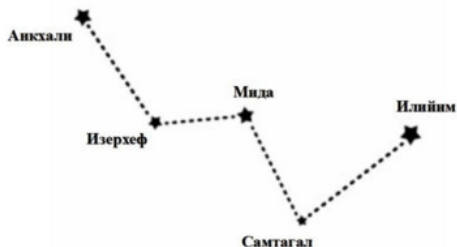
Вот два реконструированных наброска К. Хеллен.

Созвездие «Первая дорога»

Реконструкция рисунка К. Хеллен. Большая медведица

Созвездие «Пять королей»

Реконструкция рисунка К. Хеллен. Кассиопея

ПРАЗДНИКИ ЭУЛИЕН

Дни эулиен, как мы помним, наполнены радостью и торжествами, большую часть из которых составляют свадьбы и праздники, устраиваемые по тому или иному радостному поводу, в том числе иногда и дни рождения, возвращение кого-то в обитель. Тем не менее в тексте также упоминаются и другие праздники, регулярно отмечаемые эулиен. Давайте вспомним их:

АМЕВИЛЬ Дословно с эмланта — соединение в Свете, свадьба.

АМЕ́ИРЕ ИЛЬЛИНОРЭ (НЕДЕЛЯ ИЛЬЛИНОР) Праздник эулиен, длящийся сорок семь дней в конце июля — начале августа, посвящённый подвигу Ильлинор, спасшей Финиара. В эти дни, именуемые Неделяй Ильлинор, эулиен состязаются в историях и песнях.

АРНХЕЙН (ПРАЗДНИК ВОДЫ) Праздник воды, именуемый также водным торжеством или малым Крещением, отмечаемый в середине лета, когда эулиен обильно поливают и мочат друг друга водой со словами благословения, так как верят, что так очищается душа и избавляется от болезней, и тот, кто будет намочен более — тому и быть счастливым.

ИЙЕНРЕТИЙ (ИСХОД) Праздник, отмечаемый эулиен каждый год в память об исходе из Эйдена. Накануне первого мая (день исхода) эулиен собираются вместе и весь день про-

водят в молитве о человеке, а в вечер по всему Дому во всех его пределах звучат песни об Эйдене, ночью все эулиен, что могут ходить, выносят свечи, символизирующие Свет эулиен, и оставляют их в округе. С восходом Ирдиль начинается торжество праздника исхода, и лишь на третий день эулиен выходят, чтобы собрать догоревшие свечи.

ЭГВАЛАРЕЛЬ Ежегодный мартовский праздник, утверждённый Финиаром в честь Иймоэильэ, названного им своим четвёртым сыном за то, что спас Эликлем и Айбин от трёх удунаи, посланных Анкхали убить эулиен.

МУЙИЕН Название череды новогодних праздников. Так как эулиен не отмечают один праздник начала нового года из-за множества традиций, то новогодние торжества (дни празднования Нового года в разных традициях) объединены у них под названием муйиен.

МУЙИ Название праздника Нового года, одного из нескольких дней новогодних праздников, которые эулиен отмечают обычаем амаарнхейн.

ИЛЕН ИЗГИТИНЭ (ДЕНЬ ИЗБАВИТЕЛЬНИЦЫ) Праздник, отмечаемый эулиен Светлого Дома каждый год в честь Дейре, прозванной Избавительницей за то, что удержала обезумевшего Эрта, грозившего убить Финиара и поджечь Светлый Дом.

И, хоть это и не совсем праздник, но...

ЗОЛОТОЙ ДЕНЬ День летнего солнцестояния. День назван золотым по цвету доспехов ипчитви, похищенных у

Анкхали эу Элфи, чтобы спасти смертных от их разрушительной силы. В память о грехе-подвиге эу в день летнего солнцестояния эулиен стараются не устраивать торжеств и шумных праздников.

Также, как можно понять из книги, эулиен весьма привержены церковной традиции. Соответственно, стоит полагать, эулиен отмечают и полагающуюся череду религиозных праздников, известных и нам, но под другими названиями.

КУХНЯ ЭУЛИЕН

Как мы видим из книги, эулиен в еде не привередливы, да и повара они так себе, если вспомнить, что основной пищей странствующего эу чаще всего является (варган) теари... Но мы также знаем, что эулиен высоко почитают кулинарное умение, приравнивая его к воинскому искусству, и в Светлом Доме всегда витает аромат свежей выпечки, а сами эулиен страшные сладкоежки, хоть и не едят яблок, мяса и искренне ненавидят морковь с сельдереем (во многом из-за ассоциаций с едой для недужных). Итак, что мы знаем о напитках и блюдах эулиен? Не так уж и много, но мы знаем, что у эулиен есть:

ИЙЛИРДАИН Напиток на основе лаванды, похожий на вино, который у эулиен принято подавать на праздник аме-виль, как и лавандовый напиток на основе молока.

НАГХ Вино из тиса, которое прежде варили эулиен, а теперь почитают в одном из королевских родов арели, сделав его ядом.

САЫР Гранатовое вино, которое эулиен подносят тем, кто потерял много крови и пал духом. Всем эулиен, кроме богоотреченных, ретенти и недужных, не дозволено пить саыр. Дочь Эйндиль и Эофео Этмар возвела изготовление этого вина на такую высоту, что ради него несколько племён арели сложили оружие против эулиен.

ЭЛИН Он же семитравный. Напиток эулиен, изготавливаемый из клубники и семи трав, по крепости превосходящий человеческие напитки, но не опьяняющий самих эулиен. Долгое время считался людьми источником бессмертия эулиен.

МУГЛАСС Тыквенный пирог с сыром. Традиционное новогоднее блюдо эулиен. В Светлом Доме изготавливается мугласс длиной в количество шагов, равных числу дней встречаемого года, и вся кухня выносит этот пирог, а главный кравчий лично измеряет его длину шагами. В домах эулиен мугласс печётся на всю семью.

АТА́ЙЕ Тыквенная каша, которую любят эулиен, а также подносят своим недужным как лекарство.

ИСТАКО́НЕНЛЛИ Одно из любимых лакомств маленьких эулиен — сладкие облепиховые шарики.

ТЕА́РИ и **ВАРГАН** Одно из блюд кухни эулиен, которое готовится из свежих и варёных ягод, как размятых, так и целиком, реже из фруктов, с добавлением овощей или свежей зелени. Исходя из основы для теари, различают зелёный теари, красный теари, белый теари, чёрный теари, синий теари, жёлтый теари или варган — тот же теари, но из множества разных ягод и овощей. Именно варган чаще всего готовят странствующие эулиен из того, что есть под рукой. Люди, однако не очень расположены к теари и варгану, так как собой они чаще всего представляют зеленоватое или бурозелёное желеобразное варево, или же нечто вроде рагу в же-

лейной ягодной жижe, обладающее соответственным сладковатым запахом.

Также в меню эулиен в книге упоминается обилие молочных продуктов, мёда, ягод, выпечки и фруктов. Например, как в этом отрывке: «Были тогда в её распоряжении и сладкие ягоды, и сочные фрукты, и ароматная сладкая выпечка, что поспела к ужину в Светлом Доме, и сиропы, и печенье из цветов, и засахаренные лепестки розы, фиалки, бархатцев, сирени, россыпи сладких шариков мимозы и других цветов, а с ними и полные кувшины сладкого элина, молока и белоснежных жирных сливок. Цветов и печенья собрала Эйме, будто бы собиралась в дальний поход, и, укрыв их под лёгкой тканью своего серебристо-лилового платья, подобно звезде, поднялась в покои мужа. Улыбкой встретил её Ильильтин, спросив, не видел ли кто её деяний. Но никто их не видел, ибо все о них знали и делали всё, чтобы Эйме могла порадовать мужа или Ильильтин — принести сладости для возлюбленной эу.»

Возможно, мы что-то упустили? В любом случае приятного аппетита (и не пытайтесь повторить эти блюда в домашних условиях).

ГЛАЗА В ГЛАЗА

А Вы тоже заметили эту трогательную особенность эулиен — беседовать друг с другом, не поднимая глаз. Это касается не только юношей в беседе с девушками и наоборот, но и при беседах с любыми другими членами сообщества и даже не обязательно с эулиен. Возможно, это связано со свойственной эулиен скромностью или нерешительностью, как многим может показаться, однако мне кажется, что это скорее именно нежелание смутить собеседника светом, происходящим из глаз. В данном случае я имею в виду не тот свет, что заметен в сумерках, а именно тот Свет, что сосредоточен в сердце эу, является его силой, его сутью. В подтверждение этой теории мы можем читать, что в основном лишь любящие бесстрашно могут смотреть в глаза друг другу и именно так даже могут зачать дитя, через взгляд, когда соединяется Свет любящих. Поймав же взгляд другого при беседе, эулиен сами часто оказываются смущены. Однако мы также видим, что перед лицом смерти эулиен бесстрашно смотрят в глаза своим врагам и мучителям, но снова опускают взор перед теми, кому стремятся помочь.

В книге мы можем найти также весьма интересное замечание, что никто из эулиен не смел поднимать глаз на Финиара и тем более самовольно заглядывать ему в глаза. Во всём Светлом Доме был лишь один эу, кто смел прямо и безза-

стенчиво смотреть в глаза Финиару и, о ужас, даже спорить с ним. И это была Пылающий... Чей Свет, очевидно, даже при опущенном взоре, скрывать было бесполезно...

Также стоит заметить, что взглядом глаза в глаза многие эулиен молчаливо могли поддерживать друг друга или же вести беседу, если устное общение по разным причинам было невозможно. Вообще взгляду и в частности глазам в культуре эулиен уделено достаточно много внимания. Безусловно, глаза — есть зеркало души, но что же тогда означает вечно прищуренный взгляд эулиен, указанный автором как один из характерных признаков типичного эу? Конечно же — улыбку, которая по разным причинам не может быть отображена на губах. Конечно же, безудержную тягу к душеспасительной авантюре...

Цените улыбающиеся глаза, друзья! Возможно, мы и сами не знаем всю их силу.

ОКЛИЕ И К. РОДСТВО СКОРБИ

Безусловно и очевидно, что каждый положительный персонаж в той или иной степени близок автору, что, конечно, заметно и в самом тексте. Однако важен и интересен тот момент, что только про Оклие К. Хеллен говорит, что их роднит общая скорбь.

Юная эу Оклие полюбила смертного Йонардина и в соследовании и тайном служении была неразлучна с ним, однако он был убит именно в тот момент, когда Оклие отвлеклась от соследования возлюбленному, повинувшись призыву Затворницы Октруин. В книге не много рассказано о Йонардине, но на самом деле мы видим, что он не только много и усердно трудился для спасения и просвещения людей, но и хранил знание о подвигах Виэльлине, что в целом бы могло изменить историю не только народа эулиен, будь оно открыто раньше. Смерть Йонардина становится ударом для Оклие, и автор указывает, что и всего Света Светлого Дома не хватит, чтобы избыть скорбь любящей эу.

Исследуя жизнь самой К. Хеллен, которую мы можем реконструировать и восстановить, лишь полагаясь на её собственные записи, мы также узнаём, что она в своё время полюбила одного человека. Правда, им оказался не поэт, но фигура не менее значимая — сам Майкл Коллинз. В неотправленных письмах, дневниках, эссе и стихах можно най-

ти историю невероятно трогательной, светлой, чистой и беззаветной любви девушки к своему избраннику. Сам Майкл Коллинз, очевидно, как и Йонардин, не знал о существовании любящей его, но, как и Оклие, К. посвящала себя соследованию Коллинзу и заботе о нём, оберегая его, охраняя его, поддерживая. В письмах к сестре Коллинз как-то упоминал, что чувствует, будто некая сила ведёт его по жизни и бережёт его, будто некий ангел-хранитель постоянно следует за ним. Возможно, невероятная удачливость Коллинза была далеко не случайна. И тем не менее в ночь на 22 августа и примерно до полудня по неизвестным причинам К. пребывала в глубоком сне (???) и именно в этот отрезок времени в перестрелке был убит Майкл Коллинз, чью смерть К. восприняла как личную ответственность и не смогла себе простить в дальнейшем.

Возможно, именно Оклие К. понимала лучше всех. И да, стоит сказать... Оклие, если переводить с эмланта — Истинная Любовь.

ПРИЗНАНИЕ И ЗАБОТА С ТОГО СВЕТА

Ещё работая над книгой, я обратила внимание на странный эпизод, повествующий о юных годах Гильэвмэ. Всё его поведение, хоть в целом и свойственно добросердечному народу эулиен, кажется всё же нетипичным, поскольку совсем ещё ребёнок берёт на себя полноценную опеку над своей матерью. И уж что совсем странно, так это этот эпизод, приведённый в книге: «Прежде срока освоил эу речь, и первыми словами его были слова утешения, что сказал он Анилиэль, и были то слова не младенца, но мужчины. Тогда же рассказал Гильэвмэ светлейшей матери своей о милости Господа, которая была так велика, что за чистоту прежней Любви своей позволено было ему ещё раз увидеть Анилиэль, ибо таким было единственное желание его. После того впал Гильэвмэ в глубокий сон и проспал так три дня, а на третий день, проснувшись, не помнил слов своих, ничего же более не изменилось в нём, и не было предела радости матери о сыне своём.» Можно подумать, что Гильэвмэ был как-то особенно привязан к своей матери или даже, прости Господи, любил её вовсе не сыновьей любовью. Но вернёмся намного раньше во времени. В последний раз, взглянув на возлюбленную, измученный Тертах, отец Гильэвмэ, не просто теряет сознание, он именно умирает, но не до конца. Так сказано в кни-

ге. Он не был жив, но и не был мёртв. Возможно, это состояние мы могли бы сравнить с «комой», но, очевидно, тут речь идёт скорее больше о смерти, нежели о жизни. И вот рождается Гильэвмэ. И тут же проявляет совершенно мужские качества в отношении своей матери, и, наконец, даже передаёт ей весьма странное признание. Сопоставив эти два события, мы можем прийти к выводу, что Тертах всё же был больше мёртв, чем жив, причём настолько мёртв, что его дух предстал перед Господом и исповедовал своё единственное желание — ещё раз увидеть Аналиэль. После чего, как мы знаем, рождается Гильэвмэ. И, о чудо, дитя берёт на себя функцию мужа, своего отца, начиная действовать не только соответственно воле Тертаха, но как бы будучи им самим, что, собственно, подтверждает столь странное признание, явно произнесённое не ребёнком, но любящим мужем. Таким образом, невероятным и непостижимым, но мы видим, как, даже будучи мёртвым, бессильным в этом мире, Тертах находит возможность позаботиться о своей возлюбленной через их общего сына. Когда же, как мы видим, юный эу достаточно повзрослел, чтобы осознанно служить своей матери, дух или воля Тертаха оставили его, и далее Гильэвмэ уже всецело смог проявить свою истинную природу, следуя своей дорогой и своему сердцу, своей любви, позволившей ему не только славно послужить людям, но и разрушить сами чары, погубившие его отца, и практически совершить воскрешение.

Это ли не доказательство того, что в детях вполне осознанно может проявляться воля их родителей и, безусловно, их любовь, давшая жизнь новому свету, как и доказательство непререкаемой силы Любви, для которой нет ничего невозможного?

КОЛЬЦО КАК ЗНАК ПРОСИЯНИЯ СВЕТА ИЛИ ПРИЧАСТИЕ К ТАЙНЕ СВЕТА НЕБЕС ЭЙДЕНА

Из книги мы знаем, что эулиен безразличны к украшениям и не особенно стремятся украшать себя, за исключением особенных торжеств, вроде свадеб. В то же время мы видим, что в знак признания и уважения эулиен одаривают друг друга ценными и даже драгоценными подарками, зачастую даже украшениями, в которые вкладывается глубокое символическое значение. Одним из таких символических даров у эулиен является кольцо. Мы видим, что эулиен, состоящие в браке, не используют внешней атрибутики, подтверждающей их статус, однако кольца эулиен всё же носят, хоть и не все и не всегда. Автор указывает нам, что в культуре эулиен кольцо (и, что немаловажно, как правило — саморучно сделанное), поднесённое другому в виде дара, означает признание просияния Света другого. Мы говорим не просто о том, что один эу отдаёт дань уважения Свету другого или таким образом утверждает его наличие, но о том, что некий поступок эу позволил другому понять, что Свет в эу достиг наивысшего предела, раскрылся, явил себя в полной мере. Подобное знание, видение, очевидно, доступно не всем, что лишний раз говорит нам о том, что даже эулиен, столь внимательные

друг к другу и чуткие к Свету, могут не заметить или не понять, что находящийся рядом с ними совершил нечто невероятное, стяжал ту самую Божественную Благодать, засвидетельствовал то, что действовал согласно Его Воле, совершил нечто, позволяющее говорить о том, что эу перешёл в качественно иное, совершенное состояние своего внутреннего Света. Как мы видим, даже Финиар не одарил кольцом ни свою спасительницу Ильлинон, ни Ирнуиль, ни Эмрэ, никого из своих детей, при всей очевидности их заслуг, ни своего друга Этина, ни госпожу Ирдильте Фиэльли, никого из своих многочисленных потомков или жителей Светлого Дома, но прежде им самим изгнанного Нарду, спасшего под именем Иймоэильэ его дочь от удунай, за что и был прозван самим Финиаром своим четвёртым сыном. История с одариванием кольцом в знак признания в книге встречается всего трижды. И на первый взгляд первые две — это совершенно разные и «не героические» случаи. Но так ли это? Впервые Эин-Мари вручает кольцо своему мужу, после того, как Финиар поддерживает решение Элкарита оставить Эйден ради спасения смертных и мира и призывает к тому остальных эулиен. Возможно, для кого-то этот эпизод покажется всего лишь милым символом, соединившим любящих, но на самом деле перед нами раскрывается бездна ужаса, боли, скорби и сожаления Финиара, принявшего такое решение, поскольку, как мы помним, будучи в Эйдене, Финиар обладал в полной мере даром провидения. А это значит, что он мог видеть и

знать, что ожидает каждого из его детей в подзаконном мире, сколько боли, горя и страха предстоит испытать им и всем их потомкам, предвидел судьбу каждого эу, и тем не менее поддержал идею Элкарита. Это ли не величайший поступок Финиара? Это ли не самая страшная, но и самая прекрасная жертва, принесённая им ради любви к людям? И, разумеется, кто, как не Эин-Мари, должна была понимать всё величие и тяжесть подобного решения, что и нашло отражение в её подарке — кольцо из небесного камня. Второй раз чудо прозорливости проявляет Седби, единственный, кто смог понять и осознать величие поступка Элигрэн, отдавшей весь свой Свет (считай жизнь) его названному сыну. Как мы помним, для Элигрэн это уже второй подобный поступок, и снова по отношению к человеку. Стоит обратить внимание, что Элигрэн не разделяет свой Свет, а именно отдаёт его целиком, полностью, без остатка другому, что напрямую означает добровольный отказ от жизни ради другого, передачу своей жизни, своих жизненных сил человеку. Это однозначно самопожертвование, однозначная смерть, поскольку, как мы знаем, эулиен не живут без Света. В первый раз Элигрэн пожертвовала собой ради мужа, тем самым воскресив его, вопреки даже законам биологии. И тем не менее удивительным образом Элигрэн не погибает, но пробуждается снова. Ей снова был дарован Свет? Господь наделил её бóльшим Светом, чем сама эу могла знать? Любовь стала тем Светом, что воскресил саму Элигрэн? Мы не знаем. Но мы видим,

что, отказавшись от собственной жизни, Элигрэн тем не менее остаётся жива. Её жертва принята, Онен воскресает, но и Элигрэн не умирает. Второй раз Элигрэн тайно совершает свою жертву в отношении Итамнили (Кале), причём юноша не только не находится при смерти, но даже не болен. Однако Элигрэн уже знает, что передача Света от эу не только спасает одариваемого, но и имеет «побочное» явление, в виде и наследуемого бессмертия, как случилось с Оненом. Поэтому, не желая, чтобы Седби потерял и второго своего сына, который бы так или иначе умер, будучи человеком, Элигрэн отдаёт ему свой Свет, чтобы сделать его бессмертным. Её поступок вполне осознан, Элигрэн готова умереть, но этого снова не происходит. И мы снова не знаем, почему... Зато мы в полной мере можем оценить глубину её уважения к Седби, которому в своё время она также доставила немало забот. Хотя это не исключает и того, что Элигрэн действовала на благо Эстард, как потомка своего рода. Тем не менее лишь Седби замечает и отмечает подвиг Элигрэн, совершённый втайне. Свою благодарность он выражает в поднесённом Элигрэн кольце.

Решение Финиара и поступки Элигрэн кажутся совершенно не равнозначными, но по сути это одно и то же решение, принятое осознанно и искренне двумя эулиен ради других. Именно через «двойную смерть», как отмечает автор, Элигрэн открывается знание Эйдена, которое утратил Финиар, оставив родину эулиен. Возможно, мы говорим не просто о

жертве, о самопожертвовании, а именно о постоянной, верной и искренней готовности эу не раздумывая принести всего себя в жертву ради человека, которая оказывается столь созвучна и приятна Создателю, что и судьба самого Финиара, и судьба Элигрена складываются не так трагично и печально, как могли бы, и оба эу избегают смерти.

Судьба Нарду (Иймоэильэ) и вовсе — большая загадка, и Финиар не сразу смиряется даже с возвращением эу, принимая его в Светлом Доме лишь после того, как Айбин засвидетельствовала перед Финиаром их с эу любовь. Но за спасение своей дочери, не себя, Финиар одаривает эу кольцом и даже называет своим сыном. Так высоко он не оценил ни своих спасителей, никого из величайших героев своего Дома.

Поэтому давайте пересмотрим символ кольца как подарка, возвращающего нас к благодарности, как самой сакральной тайне (Свету небес Эйдена).

«Всякое дело завершённое добро, труд славный, Свет приумноживший, обет исполненный или служение, ежели почтить один из них желает — пусть даст другому простое кольцо из камня или золота, что следует носить, не снимая, дабы одариваемый и сам помнил о цене трудов своих, ибо так надлежит благодарить — свидетельствуя о его Свете», пишет К. в «Эйвели»

БЕЗУСЛОВНОЕ УВАЖЕНИЕ

Мы можем бесконечно долго перечислять достоинства эулиен, делающие их столь непохожими на нас. Однако, если всё же обратить внимание к истокам всех этих благочестивых и добрых качеств, то можно заметить, что в основе всего лежит традиционное воспитание эулиен, прививающее новорожденному с первых дней понятие о безусловном уважении ко всему живому. Безусловное уважение ко всякой жизни, ко всему, что эу окружает. Безусловное уважение и к Свету, и к Тьме, к Врагу и Другу, к Жизни и Смерти. Уважение, которое невозможно поколебать и изменить даже поступками, направленными лично против эу.

Как мы видим, в беседах с Финиаром один из эулиен спрашивает его, как ему полюбить человека, если смертные столько зла причинили эулиен? И Финиар отвечает ему, что эу **НЕ ОБЯЗАН ЛЮБИТЬ** человека, но **ТРУДИТЬСЯ** трудом Любви. Это очень важная, едва ли не ключевая фраза во всей книге, поскольку объясняет нам природу «безумной любви» эулиен к людям. Это не слепая, наивная и восторженная любовь (хотя иногда и не без этого), но — результат безусловного уважения, смиренное следование Воле Создателя, явившего её в жизни и трудах своего Сына, путь которого каждый эу считал за честь пройти. Итак, мы не говорим о том, что эулиен, подобно Самому Создателю и Хри-

сту, преисполнены совершенной любви к человеку, всепрощающей и всеобъемлющей, но уважения. Безусловного уважения.

СВЕТ К СВЕТУ

Любовь — удивительная штука. Никому не по силам разгадать её тайну. Мы можем спорить, чем же по сути является Любовь: болезнью, блажью, даром, вселенским законом? Или же чудом? Простым, повседневным, но и самым необыкновенным на свете.

В «Эйвели» Любовь присутствует везде и всюду, вся книга наполнена ею. И всё равно не менее удивительными остаются истории эулиен, обретших друг друга. Чудеса Любви, проявляемые в книге — невероятны, немыслимы, светлы и прекрасны, как и сами истории обретения любящими друг друга. В книге мы видим, как Любовь может рождаться из единства целей, надежд и устремлений, расцветать цветком, произрастая из уважения, внезапно охватывать сердца, поражая их подобно молнии, быть даром, наградой, посылать героя как поддержка или спасение, а иногда и как испытание. Любовь многолика и удивительна, и в «Эйвели» мы видим, как витиеваты и необычны порой её пути, как и те сердца, что она соединяет, порой непохожи. Непохожи ли?

В современном мире укоренилось выражение, что «противоположности притягиваются», и отчасти это правда. Бунтарский дух людей влечёт их познать что-то запретное, пойти против правил, попробовать и узнать что-то новое. Мы не будем связывать это с грехом, но в притяжении противополо-

ложностей есть нечто противоестественное.

Помните, священники произносят фразу «прах к праху, пепел к пеплу», не лучший пример, конечно, но подобное к подобному... Как же так? Разве, когда чистейшая эу влюбляется в погрязшего в грехах атели или такого же человека, это подобное к подобному? Когда Любовь соединяет лекаря и воина? ... Мы удивляемся. Но мы забываем о Надежде. Одним из обликов Любви. Надежда говорит нам, что Свет есть в каждом, положен каждому, как и Надежда. Надежда ведёт существо к спасению. И через Надежду, пусть и бессознательное устремление, герой обретает Любовь. Книга показывает нам, что Свет и Надежда остаются всегда, остаются для всех. А значит, и Любовь может быть для каждого.

Мы видим, как эулиен находят свою Любовь в дальних странствиях, обнаруживают её в самых невероятных местах, встречают её, будучи при смерти или следуя за ней, ещё не встретив её. И снова: Любовь как награда, Любовь как поддержка, Любовь как спасение, как чудо. И снова — свет к свету. Лишь обретя знание и/или проявив себя в трудах, эу находит свою Любовь (или Любовь находит эу), подтверждая и показывая нам, что именно подобное притягивается к подобному. Единством Света, единством Надежды. Соединяя похожее или внешне различное, Господь не только укрепляет Свет любящих, но и дарит надежду всем свидетелям этого чуда, приумножает спасительный Свет. Соединяет так и тех, о ком есть особый план, чтобы уже двое могли послужить

приумножению Любви и Свету.

Исследуя пути Любви в «Эйвели», мы скорее приходим к выводу, что Любовь — не стечение обстоятельств, а проявленная Воля Создателя, олицетворение, осуществление Его замысла о каждом. Но что-то мне кажется, что это не только в книге «Эйвели».

СМЕРТЬ ЗА МЫШОНКА ИЛИ ГЛУПЫЕ ЖЕРТВЫ?

В книге немало моментов, которые растрогали и впечатлили меня, поразили меня до глубины души. Одним из таких эпизодов для меня стала жертва Йорина, не раздумывая предложившего свою жизнь взамен жизни обыкновенного уличного мышонка. Безумие? Бравада? Почему же юный, полный сил, надежд и Света эу отдал жизнь за мышонка? Да потому что в его сознании жизнь мышонка и жизнь эу, как и жизнь человека, равны. Все трое едино — дети Создателя, проявления Его Любви и Воли. Просто мышонок в силу своего возраста и природы не мог осознать той высокой цели, ради которой его готовил лекарь, и его использование в опытах было бы просто пыткой, издевательством над беззащитным существом, доверившимся человеку. В то время как эу принял осознанный выбор, причём не только отстоял маленькую невинную душу, но и дал лекарю Вуле более широкое поле для опытов, поскольку эулиен и люди практически не отличаются по физиологии. И, несмотря на в самом деле ужасающую участь и кончину, эу был определенно счастлив своим выбором, так как мог послужить не одному человеку, но, возможно, человечеству в целом. В этом с виду совершенно безрассудном, глупом и диком поступке в очередной раз раскрывается подноготная культуры и воспи-

тания эулиен, привыкших беспрекословно уважать и защищать любое проявление жизни и всецело отдавать себя во имя служения любимому дитя Создателя — человеку. Эту же идею подтверждает и поступок Ану, шокирующий многих, когда эу в конце своих трудов предлагает себя на съедение бездомному голодному псу. Это вовсе не безумие и не способ самоубийства, это выражение величайшего уважения и заботы о том, кто также по мере своих сил и природы служит человеку. На тот момент Ану, как мы видим, больше нечего было предложить бродячему псу, и он, видя его голод, грозящий смертью, предложил ему то, что единственно у него оставалось — свою плоть.

Многие поступки эулиен в книге кажутся нам безумными, безрассудными и даже неоправданными, а порою и глупыми, как и Эливиен, выпивший яд вместо возлюбленной, хотя мог просто вылить его, как и Ильмур, сделавший себя маяком, как и принявшая яд Эфы, как и многие другие вызывающие случаи самоотречения и жертвенности, — но всё это жертвы одного порядка, зачастую кажущиеся нам напрасными и глупыми. Однако это лишь потому, что мы смотрим на них со стороны одариваемых, со стороны разума и рации, не позволяя себе предположить, что существует полноценная, светлейшая и верная радость, известная некоторым сердцам, скрытая в беззаветном служении Любви, явленной во всех её проявлениях. Обратите внимание на тексты Виэльлине. Он многократно и методично объясняет, что со стороны эулиен

— все эти жертвы не представляются таковыми, но являются формой проявления Любви. «Всё, что я делаю — Любовь», писал Виэльлине. И даже находясь под пытками и претерпевая самые низкие и ужасающие издевательства над своими чистотой и телом, эу сохранял осознание того, что это часть его служения, разумеется, во имя Фиэльли, но... Ради человека. Какого? Разумеется, Изосара и всех, кто соистязал эу вместе с ним.

ВЫ — СВЕТ МИРА, ИЛИ НЕСКОЛЬКО СЛОВ О РЕЛИГИИ ЭУЛИЕН

Нет сомнений, что эулиен в книге представлены не только высоконравственными и благовоспитанными существами, но и, безусловно, искренне и глубоко религиозными. Мы можем найти в книге упоминания о проводимых обрядах, известных и понятных христианской церкви, хотя некоторые из них и имеют свои наименования и особенности. Вера, как мы видим, неотъемлемая часть жизни и культуры народа эулиен, которые не только искренне и самоотверженно стараются следовать Христовым заповедям, но и не менее искренне почитают за честь пройти и по пути, проложенному Спасителем.

Если верить книге, то сами эулиен, как и всё живое на свете, были задуманы Создателем (как последняя Надежда?), но долгое время оставались непробуждёнными. В «Эйвели» К. не указывает, когда именно были пробуждены эулиен, т.е. фактически появились как народ. Но, если опять же верить тексту, говорящему нам, что Исход состоялся в конце I века н.э. [100 год], то, вероятнее всего, потребность в пробуждении эулиен могла соотноситься с общей идеей Создателя о спасении человека, т.е. находиться на границе времён до и

нашей эры, ознаменованной рождением Иисуса Христа. Таким образом, мы можем предположить, что в этот период от изгнания человека из Рая до конца первого столетия н. э. Господь пробудил эулиен в Эйдене (Эдеме?), и Финиар с братьями выросли, обучались, расширили свои семьи и народы. Тем не менее мы не знаем, сколько на самом деле лет Финиару на момент Исхода, мы лишь знаем, что его время остановилось в сорок семь его лет. Также мы ничего не знаем об Эин-Мари и братьях Финиара, но мы точно знаем истинный возраст детей Финиара, родившихся незадолго до Исхода.

В тексте не раз указывается, что Финиар не только возглавлял Светлый Дом, но и предводительствовал на службах, которые также упоминаются в книге, наряду с тем, что многие эулиен так или иначе были постоянно или большую часть времени отданы соследованию (т.е. молитве). Также мы видим и знаем, что старший сын Финиара, во всём следуя за отцом, помогает ему и является любимым и самым верным духовным другом/отцом всех из эулиен.

Но что же за религию исповедовали эулиен? Об этом в книге не говорится ни разу. Но давайте проведём маленькое расследование.

Первые из эулиен обрели свой дом на мирной земле, в Ирландии. На тот момент она всё ещё оставалась языческой, хотя изучавшие историю и культуру Ирландии могут помнить, что так или иначе предпосылки к христианскому мыш-

лению были не чужды ирландцам тех времён. Многие склонны думать, что первая христианизация Ирландии принесла на остров католичество, однако это неверно, и тот же всенародно любимый св. Патрик принёс в Ирландию ту самую дораскольническую религию, т.е. религию православную. И в книге ни разу не упоминается о том, чтобы первые эулиен имели какие-либо проблемы с раннехристианской Ирландской Церковью, скорее наоборот, они свободно трудятся в монастырях, учительствуют и занимаются просвещением... Однако позднее, через несколько веков и поколений, когда эулиен продолжают странствовать, мы можем видеть, что они начинают подвергаться гонениям, в том числе и от лица Церкви, хотя сама позиция эулиен по отношению к любой Церкви остаётся неизменной, т.о. эулиен не изменяют своей вере, но более чем благосклонно относятся ко всем видам веры Христовой. Сама культура эулиен, их мировоззрение, явленное в поступках и цитатах Виэльине, раскрывает перед нами органичный симбиоз из множества традиционных религий. Эулиен не чужды идей, присущих и восточным религиям, однако ещё одну подсказку мы можем получить из этих строк: «Во все же прочие дни — в светлейшей зале Светлого Дома, что пролегает через все пределы, собирались эулиен, и Элкарит служил им, когда же бывали дни торжеств церковных и праздники народа надеющихся — Финиар предстоял им и так собирал народ златокровный под епитрахиль свою», где в предложении как бы между про-

чим упоминается деталь священнического облачения именно православного священника, никак не католического, поскольку у католиков епитрахиль имеет иное название... Исходя из этого всего, я, хоть и не могу судить о полной истории Церкви в народе зулиен и её позиции в постраскольнические времена, но одно я могу утверждать абсолютно точно. Зулиен исповедали православие.

Но вернёмся к первой части названия нашего небольшого исследования. Она взята из Нагорной проповеди, разумеется, и была обращена к ученикам Иисуса, хотя, безусловно, всякий христианин может и должен воспринимать слова Спасителя гораздо шире и примерять всё сказанное и на себя самого. Мне вдруг тут подумалось... Вы сами посудите... Как же это всё близко по отношению к народу надеющихся, столь сильно почитающих Свет и несущих его через всю свою историю, несмотря ни на что.

ЛЮБОВЬ БЕЗУМЦЕВ

Много ли в Светлом Доме было безумцев? Да каждый первый на наш взгляд) Но если присмотреться... То всего два, и те обнаруживают удивительные сходства. Итак, кто же это?

Конечно же, Итейни. Нет сомнений, что в своём старании искупить некий проступок отчаянный эу явно потерял рассудок, впав в блаженное детское состояние. Но это не лишило его ни доброты, ни Света, ни возможности и желания послужить любви. И вот безумный Итейни, полюбив Эвгли, обретает не только заботливую и понимающую супругу, не желающую знать, не признающую его недостатков, но и открывает в себе источник вдохновения. «Стрекозе на исходе лета нужен дом. / Играет ветер молодой в полях бездумно. / Позволь моей ладони в этот день / Стать домиком усталой стрекозе! / О, не смотри, что так слаба ладонь моя! / В ней целый мир поместится едва ли, / Когда Любовь беспечную свою / В ладони я от всех тревог укрою!», — пишет К., очевидно от лица Итейни. Юноша совершенно безумен, его связь с реальным миром зиждется на Эвгли. Но что тогда составляет Итейни робеть перед Фиэльли, как не робел никто другой? Быть может, лишь безумец Итейни способен увидеть, разгадать и постичь природу загадочной госпожи Ирдалье? Возможно, и для этого необходимо быть безумцем, не меньше... И мы возвращаемся ко второму безумцу Свет-

лого Дома — Маленькому безумцу, мужу Фиэльли — Виэль-
лине. Его безумство было условным, мы помним, что юно-
ша не терял рассудок, но мало кто в Светлом Доме воспри-
нимал его поведение иначе как маленькое безумство. И вот
также безумный эу полюбил Фиэльли. В её заботе и любви он
нашёл не только поддержку, но и неисчерпаемый источник,
вдохновивший его на немыслимые подвиги во имя любимой,
обрёл вдохновение, принудившее его написать «Явную тай-
ну», практически ставшую признанием в любви к Фиэльли,
свидетельством обретённого в их любви знания. «Я кузне-
чиков подговорил! / Я сверчков молил, запомни, / Все они
теперь тебе, / Лишь тебе одной поют! / Ночь с тобою гово-
рит / Голосами тысяч душ, / Все они тебе поют / Мои песни о
Любви... / Всё, что я им рассказал, / Всё, что им доверил я, /
В сумерках услышишь ты, / В многоголосии Любви моей! /
То друзья мои поют, / Я же шлю поклон тебе! / Быть бы я
хотел сверчком / Над плечом твоим в осенний день, / Что-
бы гнать твою печаль, / Чтобы ты не опускала глаз!» — пи-
сал сам Виэльлине. Ничего не напоминает? И Итейни, и Ви-
эльлине весь мир воспринимают как союзника своей Любви,
всецело гармонируют с ним и общаются на его языке с воз-
любленными, пусть это общение и не доступно никому, кро-
ме любящих. В книге нет чёткого ответа, узнал ли, разгадал
ли Виэльлине, кем же на самом деле была его супруга, но чем
больше я вчитываюсь в тексты самого эу, тем больше убеж-
даюсь в том, что в своей слепой любви к Фиэльли он был го-

раздо более зорок и прозорлив, чем многие из мудрецов. В поклонении своей возлюбленной мы видим не только бесконечную благодарность эу, но, возможно, и бессознательное, но истинное знание и понимание её природы.

Да, в Светлом Доме были и другие, кто терял рассудок от горя или любви, но кого из них автор упорно называет безумцем? Лишь Виэльлине и Итейни, чьё безумие являет нам обратную мудрость.

ХРОНИКА ПОСЛЕДНЕГО ПРАЗДНИКА ИСХОДА, УПОМЯНУТОГО В КНИГЕ

1. В день тысячной годовщины Исхода, 1 мая 1100 г., Элигрэн сражается с Изосаром и к вечеру возвращается на праздник. Финиар задумывается о том, чтобы вернуться, а после праздника подкладывает Элигрэн свою ленту. И уходит в ночь на 2 мая. 2. Утром 2 мая 1100 г. Элигрэн, обнаружив ленту, подкладывает её Элкариту, и затем они решают разделить опеку над Светлым Домом. 3. 3 мая 1100 г. Финиар является потомкам и возвращает Элкариту Эйдалин, а прежде Элигрэн принимает решение скрыть Светлый Дом...

СВЕТЛЫЙ ДОМ

Безусловно, одним из самых главных элементов книги — это Светлый Дом, центральная точка для всех персонажей, место удивительное, прекрасное и огромное. Мы попытались соединить информацию о Светлом Доме в некую хронологию, но...

В книге нет чёткого указания, сколько эулиен отправилось вместе с Финиаром. Было ли это 50 эулиен, 100, 200, 1000 или несколько тысяч. И тем не менее, остановившись на мирной земле, они нашли место, где решили построить свой Дом. Как мы помним, именно Эливиен был автором этой идеи и проекта самой обители эулиен.

Как долго строился Светлый Дом, мы не знаем. Очевидно, это поистине гигантское сооружение не было построено за год, и, возможно, даже не за 10 лет, сколько бы эулиен ни трудилось над ним. Об этом времени в книге сказано так: «Тогда же нашёл Финиар место, вдали от прочих, где надлежало эулиен построить свой дом, и среди яблонево́й рощи велел построить его. Собрались дети его и эулиен, что пришли с ними, и в семь недель и семь дней все вместе построили дом, что назвали Светлым.» Но факт ли это или же сказочная/мифическая метафора? Возможно ли за 7 недель и 7 дней воздвигнуть такое сооружение в принципе? Мы знаем, что вокруг Светлого Дома также были поселения эулиен, а

некоторые из них жили вместе с людьми или недалеко от их мест жительства. Возможно, так и было до постройки Светлого Дома, просто после кто-то переселился в него, а кто-то решил остаться на обжитом месте, иначе было бы глупо предположить, что кто-то, уже войдя в обитель, потом решил вдруг жить вне её стен. В любом случае очевидно, что Светлый Дом был всё же построен относительно быстро, и его строительство не было растянуто на века, и, скорее всего, заняло точно не более 100 лет, а исходя из текста, можно предположить, что заняло совсем незначительный отрезок времени, по крайней мере, с точки зрения автора, что К. и утверждает. Кроме того, мы знаем, что Светлый Дом расширялся и после постройки, поскольку находились эулиен и обстоятельства, вносявшие изменения в его первоначальный облик.

Все участвовавшие в постройке Светлого Дома эулиен были записаны в Золотую книгу, что, видимо, придавало им в глазах Финиара и последующих поколений особую значимость. Об эулиен, строителях Светлого Дома, Финиар поимённо молился каждый день. Всё-таки их было немало, если один лишь список имён строителей составил ЦЕЛЮЮ КНИГУ.

Интересен тот факт, хотя, возможно, это лишь наше измышление, но к моменту повествования, когда Эйвели уже обзавелись четвёртым поколением, а именно Ильмадуйль полюбила Ислии, автор особенно отмечает, что последний

был из тех, кто участвовал в постройке Светлого Дома, что наводит на мысль о том, что к тому моменту таких эулиен осталось уже немного...

Недавно, глядя на 12-этажное здание, я с трепетом пыталась вообразить, что же мог представлять из себя Светлый Дом с его 27 этажами и башнями... Ширину Светлого Дома мне и поныне не удалось даже постичь... Это поистине гигантское, невероятное сооружение, действительно, скорее город под одним сводом, нежели Дом. Тем удивительнее и поразительнее сознавать, что это творение было рукотворным, а не создано при помощи чуда. И ещё удивительнее и поразительнее вспоминать, что один Элкарит сам, единолично украсил ВСЕ стены Светлого Дома тончайшей резьбой, пропускавшей свет.

Светлый Дом, обитель, второй Эйден, золотой город — всё это имена Светлого Дома, упоминающиеся в книге, что справедливо отсылает нас к мировым легендам о городе знаний, затерянном золотом городе и некоем месте силы и мудрости, доступном избранному. Особенно если вспомнить, что не каждый желающий мог отыскать дорогу к Светлому Дому, и уж тем более не всякий мог переступить через его порог. Эулиен никогда не скрывали пути к своей обители, хотя в книге и не упоминается, чтобы они кому-то сообщали о нём. И тем не менее Изосар тщетно пытался вывести дорогу до Светлого Дома, но не мог приблизиться ближе, чем яблоневая роща. В то время как Анкхали сумел-таки появиться у

самого его порога, но был тут же выдворен вон отважным Оненом. Автор указывает нам, что путь к Светлому Дому может открыться не каждому, а переступить его порог и во- все может лишь чистый сердцем. Этот аспект, как мы видим из книги, вводит в печаль многих эулиен, прежде совершив- ших проступок и боявшихся, что Светлый Дом не примет их. Но в то же время мы видим, что и Итран (позже Дун- льёильле) с обещанной им Виах на руках входит в Свет- лый Дом, как оказывается возможным войти туда и Китли, и Дуайну (позже Иргне), и Алларде (позже Исиану), и ещё многим людям и арели, чьи сердца с трудом можно было бы назвать чистыми и невинными на момент их вхождения в Светлый Дом. Но мы не видим препятствий и тому, чтобы хрупкая Грейль втащила на себе могучего этрени Абрина в обитель... Мы не видим ни одного случая, когда бы Светлый Дом на самом деле не пропускал кого-либо внутрь себя. Так, может быть, вера в то, что переступить порог Светлого Дома может лишь чистый душой и сердцем — лишь поддержива- емый миф, и Светлый Дом, подобно Церкви — открыт всем нуждающимся, и тем, кто уже встал на путь исправления, или только ищет его, или даже и вовсе живёт призрачной на- деждой на спасение? Трудно сказать. Но в итоге мы видим, что и сам Изосар оказывается у порога Светлого Дома, пре- одолев таки яблоневою рощу и отыскав заветную дорогу к обители. Это ли не чудо? Или история показывает нам, что любой, в ком есть или проснулась хоть искра Света, может

найти и войти в обитель? Я бы тут добавила важное замечание — в обитель НАДЕЮЩИХСЯ, в обитель Надежды. Да, в конце книги мы видим, что Элигрэн, дабы уберечь свой народ, призывает Эвгли скрыть Светлый Дом от посторонних глаз, неким образом «изъять» его из видимого пространства подзаконного мира. Но разве в книге сказано, что при всём этом обитель стала недоступна нуждающимся в её Свете?

СОЛДАТЫ МЫ

Солдаты мы, поётся в ирландском гимне, и это совершенно точно отражает суть ирландского народа, где каждый так или иначе — солдат своей страны, чьи предки и он сам призван сражаться за её мечты, надежды и свободу.

Нет более безобидного, беззлобного и столь чуждого насилию народа, чем эулиен. Даже говорить о наличии «воинского сословия» среди эулиен как-то противостоит природе и неловко, поскольку те, кто читал книгу, прекрасно помнят, насколько далеки «воины» эулиен от воина в нашем понимании. И тем не менее, что удивительно... эулиен называют воинами не только несущих ратную службу. Воинами в книге называются и повара, трудящиеся на кухне, и, разумеется, ретенти, и даже лекари, воюющие со смертью, и даже те из эулиен, кто не то что не притрагивался к оружию, но и вообще не имел привычек, кроме молитвы. Мы уже говорили об этом, но всё же хотелось бы обратить внимание на это отдельно и ещё раз: не будучи воинами в привычном нам понимании, тем не менее каждый эу — это истинный воин духа, солдат Света, если хотите, стоящий на страже человека.

СОСЛЕДОВАНИЕ

Итак, пожалуй, самое загадочное для нас явление, упоминаемое в книге, но в то же время обычное для эулиен. Попробуем разобраться, что это такое и как оно работает.

Во-первых, мы точно знаем, что соследование начинается с молитвы, т.е. тот, кто отправляется в соследование — в первую очередь погружается в молитву, причём настолько глубоко, что его тело остаётся беззащитным, поскольку эу перестаёт воспринимать внешний мир и реагировать на него. Поэтому, находясь в странствии, эулиен предпочитали уходить в соследование, оставив своего попутчика или друга оберегать их физическую оболочку. Скорее всего, подобное состояние можно сравнить с медитацией, или даже с... ко-мной? Находясь в соследовании, эу как бы оказывается в пограничном состоянии, его физические глаза закрыты, но он видит и воспринимает мир «оком сердца», т.е. все его странствия и передвижения происходят не в физическом, реальном мире, а в так называемом «пятом пределе» или «пределе сердца» (и том пространстве, что оно может в себя вместить?). И в это время эу также действует не физически, а силой Духа, силой молитвы. В пределе сердца эу может разглядеть то, что невидимо его глазам, например, невидимых арели или бесов, собравшихся навредить человеку. И там же, в пределе сердца, своим Светом и/или молитвой может одо-

леть их, или же погибнуть. Об опасности соследования предупреждает и сам Финиар, особенно оберегая юных эулиен от этого занятия, пока они недостаточно обучены и крепки. Кроме того, мы помним, что и Дунльёильле, чья любовь была буквально сильнее смерти, тем не менее погибает именно в соследовании, оказавшись бессильным перед тьмою и властью Анкхали, или же не будучи достаточно обученным. Таким образом, объект помощи может даже и не знать, что за его душу или жизнь идёт сражение, поскольку всё это происходит не в вещном, а в незримом мире. Находясь в соследовании, эу не может физически воздействовать на предметы, но, видимо, ему становятся доступны иные инструменты воздействия, позволяющие ему так или иначе устроить обстоятельства таким образом, чтобы случилось или же, наоборот, не случилось то или иное событие, а также воздействовать на самого человека, убедив его или разубедив в задуманном поступке. Таким образом, как мы видим, соследование скорее напоминает участливое наблюдение за объектом, постоянное (на момент соследования) душевное/духовное присутствие эу рядом с человеком и возможность защитить, уберечь или направить/остановить его. Но эулиен не могут постоянно находиться в соследовании, поскольку им также нужно и есть, и отдыхать, и беречь своё физическое тело. Поэтому эулиен выходят из соследования и возвращаются в него снова. В книге мы видим и беспримерные подвиги некоторых эулиен, которые находили в себе силы не

выходить из соследования не только днями, но и годами, а то и более. Также мы помним и пример Нэса, который, находясь под пытками в руках Анкхали, нашёл в себе силы отправиться в соследование, безучастно предав своё тело истязанию арели, и таким образом, возможно, не испытывал боли. Однако всё же эулиен, будучи в соследовании, вполне легко могли быть убиты.

Прерывает ли смерть соследование? Трудно сказать. Очевидно, что да, поскольку само решение и процесс соследования — плод воли и усердия эу, как живого существа. С другой стороны, как мы узнаём, даже в Эйдене, будучи умершими в нашем мире, эулиен могут продолжать свой духовный труд в виде соследования, как, например, делал Виэльлине, который уже мог не заботиться о своём теле, поскольку, в понятной нам форме, покинул его. Более того, мы узнаём о совершенно невероятном умении — множественном соследовании, открытого Аларимвети, когда он мог полноценно соследовать нескольким одновременно, что отвергает возможность интерпретации соследования как некоего нахождения фантома эу рядом с человеком. Но в то же время, находясь в соследовании, эулиен могут видеть и слышать друг друга на расстоянии, при этом, встречая друг друга в пределе сердца, они видят друг друга не такими, какими есть их видимые тела, но такими, какими эти эулиен есть внутри. То есть, двое эулиен, встретившись в пределе сердца, увидев друг друга в реальном мире, могут и не узнать друг друга, поскольку ча-

ще всего внутренняя сила и красота эулиен гораздо больше их силы и красоты внешней.

При всём этом сам процесс соследования, если внимательно изучать историю самой К., был ей далеко не чужд, о чём свидетельствует её история с Майклом Коллинзом. И всё же, при всей схожести описания, соследование — не медитация и не кома, и даже не изысканная духовная практика, а всего лишь особенная сосредоточенная молитва. В пользу этой теории говорят примеры из истории ранней христианской церкви, наводящие на мысль о том, что некоторые ирландские святые общались друг с другом именно таким образом, находясь на отдалении или даже в разных концах света.

Использование соследования как традиционной для служения практики и искреннее стремление даже юных эулиен освоить его говорит лишь о высокой духовной культуре их народа и силе, данной их внутреннему Свету.

П.С.

Не совсем про соследование, но мы также помним, что эулиен, по крайней мере лишь единицам, была доступна особая молитва — арьхайр [aryhaír] «знание всех знаний и сила сил, какое иным непосильно даже помыслить, а иным и вынести и понести в себе, ибо оно выжжет их несокрушимым Светом Конца-и-Начала. А потому владеющие этой молитвой держат знание своё в тайне и лишней раз не произносят и имени той молитвы, ибо уже в одном слове том содержится

великая сила и возмущение всего, что стоит крепко. И потому не учат этой молитве словами, но только песней глаз, того, кто будет готов понести это знание и, зная, не употребить его даже в последний час.» [К. Хеллен «Эйвели»]

П. С.

И да, соследование было принято осуществлять, сидя «по-кельтски» [как и в буддизме, но без закладывания ноги на ногу и особых жестов рук] и опустив руки на колени.

ОБ ИМЯНАРЕЧЕНИИ

Одним из необычных и интересных обычаев среди эулиен можно отметить имянарекание и всё, что связано с ним.

Как мы помним из книги, право давать имя новорождённому имел лишь старейшина общины/рода по праву своего знания, открытого ему. Поскольку Финиар обладал не только совершенным знанием, но и прозрением (предвидел судьбы эулиен и, разумеется, сразу мог определить его склонности и характер) и возглавлял род Эйвели, также будучи главой общины Светлого Дома, то, разумеется, все жители Светлого Дома ожидали его прихода после рождения ребёнка. В книге также указано, что дать имя ребёнку было необходимо исключительно до его первого сна, поскольку при имянарекании ребёнок уже как бы оказывался под защитой произнесённой над ним молитвы и своего имени, и во сне, в который он отходил, ему уже ничего не могло угрожать. Кроме Финиара, имя мог дать любой старшина/глава общины, что, очевидно, и происходило среди тех эулиен, что жили в отдалении от Светлого Дома до основания новых Эйденгов Ис-лисином и Рэе и после. Тем не менее выходцы из Светлого Дома считали себя обязанными (или были обязаны?) призывать для имянарекания именно Финиара. Для этого многие из них даже прерывали свои странствия и возвращались в Светлый Дом, и вскоре после имянарекания могли поручить

воспитание ребёнка сородичам и вернуться к своему служению. Как мы видим из книги, имя эу получал или по способу своего зачатия (очевидно, Финиару было открыто, каким способом был зачат эу или что предшествовало этому), или по той или иной характерной черте эу, по исключительно ему данной силе, склонности, особенности, а также могло отображать суть его будущего служения. В любом случае имя каждого эу было уникальным, не повторяясь ни разу, поскольку давалось, исходя из личных качеств каждого малыша, а это означает, что имядающий должен помнить все прежде данные им имена.

Из текста следует, что эулиен Светлого Дома всеми силами старались успеть поднести дитя Финиару для имянаречения, в связи с чем ими иногда совершались невозможные подвиги и ускорения, что не может не удивлять, как, например, в эпизоде с рождением Эвгли, когда Имани в кратчайшие сроки добрался из Германии (Инарфьих) до Ирландии (мирная земля), причём успел это сделать до того, как новорожденная заснула! Не менее интересным фактом является и то, что поднести ребёнка Финиару (имядавцу) мог только его кровный родственник (отец или мать). Именно этот факт применительно к эпизоду с имянаречением сына Мирвирен даёт нам право полагать, что Ильвелле не являлся родным сыном Айкайлаха, поскольку Финиар не принял его из рук человека.

Стоит также отметить, что имянаречение эулиен, чем-то

похожее на мусульманский обычай, не является тождественным крещению, а стало быть, чуть позднее маленький эу проходил и через этот уже чисто церковный обряд, хотя и сам процесс имянаречения происходил с молитвой, произнесённой над младенцем.

Также весьма примечательным является обряд нуахтинени, т.е. очищение именем (также не тождественный крещению, о чём можно судить из истории Инцельдина, который крестился, очевидно, уже после своего переименования, при вступлении в Светлый Дом). Нуахтинени подразумевает собой отказ от предыдущего имени и разрыв связи с ним, а следовательно, и отказ от своего, как правило, далеко не лучшего прошлого, прошлых проступков, прошлой судьбы и как бы начало новой жизни под новым именем. Т.о., новое имя как бы обнуляло судьбу и позволяло заново именнованному начать жизнь с чистого листа. При этом, как мы видим, обряд нуахтинени мог совершить любой эу, не обязательно глава рода или общины. Все арели Светлого Дома, как мы знаем, получили новые имена, войдя в него, однако почему-то про некоторых арели нет таких сведений. Особенно это удивляет в истории с Абрином. Вот уж чьё прошлое нужно было бы очистить в первую очередь... Но, как мы видим, арели остаётся под своим прежним именем. Единственным объяснением может быть разве что тот вариант, что имя Абрин, как и Инцельдин и некоторые другие, приведены автором уже сразу в конечном виде, т.е. после переименования, без указа-

ния изначального имени (как автор поступает и с некоторыми названиями, о чём и сама сообщает). В случае же с Оне-ном логично, что он не нуждался в новом имени, поскольку его прошлая жизнь была весьма и весьма достойна.

В случае, если вдруг по каким-либо невероятнейшим причинам отец или мать, или же кто-то из родственников не мог поднести дитя Финиару или главе своего рода/общины, то правом наречь своего ребёнка обладала лишь его мать. Это является непреложным правилом. И тем страшнее и горше было Калху по смерти своей супруги самому нарекать своего сына, что, разумеется, было нарушением правил, впрочем, как и произвол Элигрэн, не пожелавшей тратить время на беспокойство Финиара и спокойно давшей имена своим детям Грейль и Эрайе, причём несколько не ошибившись...

Также мы видим, что эулиен не особенно часто используют свои имена в междоусловном, междоусловном общении, предпочитая заменять их милыми прозвищами, которые вполне официально ими используются вместо данных им имён, нравится это прозванному или нет.

В поздние времена, как говорит автор, многие эулиен также стали получать и человеческие имена, однако К. не указывает, были ли они единственными или использовались как второе имя, вроде множества имён Триимённого. Тут стоит также отметить, что некоторые имена эулиен, упомянутые в книге, и так имеют человеческие аналоги, целиком созвучные им. В этом случае, скорее всего, мы имеем дело

именно с созвучностью, а не использованием реальных человеческих имён. Хотя чем может быть плохо достойное человеческое имя? Возможно, что в некоторых случаях Финиар действительно нарекал эу существующим человеческим именем, причём, как мы видим, чем ближе история книги к концу, тем человеческие имена у эулиен встречаются всё чаще. А может быть, мы имеем дело и с созвучием, и с использованием человеческого имени одновременно, что вполне в духе эулиен.

Думаю, что не ошибутся и те, кто станет рассматривать особенности имянаречения у эулиен и в чисто кельтской Поэтической (ошибочно — друидической) традиции.

В любом случае мы видим из текста, что сам факт рождения и имянаречения имеет важное значение в жизни эулиен, о чём свидетельствует также традиция прийти и поздравить [поблагодарить] мать и дитя, которая также почитаема у эулиен, ради чего многие даже оставляли своё служение или вызывались в Светлый Дом специально.

СПАСЕНИЕ В УПОМИНАНИИ

Именно так я понимаю этот отрывок, наполняющий глубоким смыслом произнесённые слова и эпизод, когда герой пришёл поздравить Виах с днём рождения и признаться в совершённом перед ней преступлении...

«... Я не ведаю, что есть огонь, если не он пылал в груди его, выжигая даже Надежду. Я не ведаю, что есть Любовь смиренная, если не эти слова: Я не прошу ни снисхождения, ни прощения, потому как знаю, что они невозможны. Но если Вы в своих проклятьях будете поминать моё имя, я и тем буду счастлив. Прошу лишь — называйте меня Укреплённый в Свете (Дунльёильле). [Имя, полученное героем после свершения его проступка]» [Перевод с эмланта, из личных записей К. Хеллен]

УХОДИЛКА

(УХОДИТЕЛЬНАЯ ПЕСЕНКА)

Примерно так я смогла перевести название доброй песенки на эмланте, которую, как пишет К., эулиен поют в тех случаях, когда им кто-то очень сильно мешает, но они не могут ничего с ним сделать. Комар, например, назойливая муха... Или собственный страх! (Так написано у К.)

Следуя логике, насекомое/страх/неприятность, услышав просьбы из уходительной песенки, должны оставить эу в покое. [Из дневника К. Хеллен]

БЛАГОСКЛОННОСТЬ ВОД К РОДУ ИРДИЛЬЛЕ

Символом рода Ирдильле является одноимённая звезда — Ирдиль, небесное светило, символизирующее Надежду, и лишь в самом имени главы рода, в имени Эливиена, есть отсылка к воде (Ветер над водой (морской ветер), Голосящая мудрость, Мудрость, Глубина (от Élivh)). Да, Эливиен был мореплавателем, но — как и многие другие эулиен, так с чем же связан тот удивительный факт, что никто из потомков его рода (не предела) не тонул? В книге есть насчёт этого интересные строки: «Известен род Ирдильле своей преданностью морю и любовью к нему. Благосклонна госпожа Вода к потомкам Эливиена и не принимает жертв их. К эулиен же других родов она не так милостива, и знают о том эулиен, и чтут госпожу Море и всякую воду, и много среди них умелых пловцов, не знающих страха.»

Так что же такого сделал Эливиен, что заслужил такую благосклонность стихии? Проплыл по Аэн (родительнице всех вод) туда-и-обратно? Бесстрашно плавал на своей лодке (ну хорошо, он называл это кораблём)? Уважал море и его законы, полагаясь во многом и на его милость? «Оно же всегда благожелательно к тем, кто страшится его и уважает силу его. Тот же, кто единожды, пусть и в сердце своём, поставит себя выше Моря, и силы его, и древней мудрости его — по-

срамлён будет, ибо Господь наделил всякую Воду своим разумом и памятью своей. И если возгордится эу или смертный напрасно — погублен будет, и скорой будет расплата его, ибо Вода — учит смирению и терпению, равно как памяти и верности — более всех. Тот же, кто усвоит уроки её — спасётся. Тот, кто позабудет их — пожалеет.» [К. Хеллен «Эйвели»]

Возможно, ответ кроется на поверхности текста. Эливиен единственный из всех детей Финиара (а их, если вы заметили, вполне легко можно соотнести с четырьмя стихиями) в открытую признавал свою тягу к морю, выражая её не только в почтении, но и называя море (Мировой океан, Воду) своей матерью, и, соответственно, вёл себя по отношению к морю, как это подобает сыну, не только уважительно и учтиво, но и служил морю и его обитателям, нередко вверяя себя самого и свою участь воле вод. Кроме того, стоит вспомнить эпизод из странствий Эливиена, когда он обратился к стихии с песней, скорее присущей обращению к божеству, нежели чему-то подвластному твоему слову: «И был день, и странствовал Эливиен Путешественник на «Свободном», корабле своём, и в час тихий, когда играло солнце на глади морской, пронизывая всю синеву его, осыпая блеском валы его, любовался морем влюблённый эу, и тогда к нему, госпоже своей, обратился так:

— Благословенная синева Океана, / Ради тебя не жалко Ийдена! / Прежде такую надёжную глубину / Лишь в глазах отца ребёнком я видел. / О твои всемогущие руки! / О

твоё бескрайнее сердце! / Бесспорна мудрость твоя, / И выше иных твоя власть! / Создатель задумал тебя, / И мощь Его мысли дремлет в тебе! / Благословенная синева Океана, / Надежда странников и мудрость влюблённых! / Дыхание лёгкого бриза — / Есть воздух в моей груди! / Я брызги с могучих твоих волн / Каждый раз называю водою святою. / Окропи меня, Океан! / На удачу на моём пути!..

И услышало море слова эу и приняло их.»

И мы видим власть, проявленную Грейль, одолевшую строптивую Бейдерлин, и многие чудеса, связанные с водой и на воде, совершённые потомками Эливиена. Связь с водной стихией красной нитью проходит через судьбу почти каждого из рода Ирдильте, что было положено самим основателем рода. Не потому ли, что всякая вода подчиняется небесным светилам, а звезда Ирдильт одно из них? Или же вода, как составляющая мудрости, признавшая Эливиена достойным такого дара?

Мы знаем, что Эливиен был бесподобным певцом, не имеющим равных, но, возможно, мы недооцениваем его владение искусством слова и пением? Не был ли он не столько певцом, улаживающим слух, сколько певцом молитв, что характерны для эулиен? Не обращался ли он к морю с молитвой? Нет, не как к идолу, но с благословением. В тексте книги употребляется слово «благосклонность». Чем же была заслужена такая благосклонность, за что-то всякая вода отказалась принимать детей рода Эливиена? Так всё ли мы знаем

об искусстве Эливиена как певца и его служении морю?

СЛУЖЕНИЕ (ПРИЗВАНИЕ) ФИНИАРА

За обилием героических и удивительных историй служения людям эулиен из рода Эйвели и их соплеменников как-то совсем невзрачно выглядит история самого Финиара... При всём уважении к нему, описанном в книге, у читателя может возникнуть ложное представление о том, что Финиар пребывал где-то на недостижимых высотах своего знания и кое-как следил за свечами=жизнями эулиен Светлого Дома, раздавая имена и участвуя в свадьбах. Но так ли это? Давайте посмотрим, в чём же заключалось невидимое и мало описанное служение первого из эулиен?

Начнём с того, что со времён Эйдена Финиар обладал совершенным знанием и даром предвидения, т.е. на момент совета, когда Элкарит призвал эулиен оставить Эйден ради смертных, Финиар в полной мере уже знал судьбу каждого из своих детей и предвидел судьбы их потомков. Тем не менее он соглашается с волей своего сына, принимая на себя ответственность за всех ушедших с ним эулиен. Итак, он знает судьбу каждого и предвидит, какие беды грозят каждому эу, а стало быть, стремится посылить уберечь каждого из них. Для того, чтобы всегда иметь «судьбу» эу перед глазами, Финиар устанавливает свечи, символизирующие жизнь эу, по огню [Свету] которых он может читать о состоянии эу или

инного жителя Светлого Дома. Мы помним, что свечи зажигаются сами, когда рождается новый эу или в Светлый Дом входит новый житель.

Кроме того, участвуя в обряде имянаречения, Финиар каждый раз давал новорождённому новое имя, которое не должно было повторять ни одно из данных им прежде. А это значит, что Финиар поимённо помнил всех, кого нарёк...

В тексте упоминается, что Финиар каждый день поминал в молитве имена участвовавших при строительстве Светлого Дома эулиен, а их было ни больше, ни меньше — целая книга! Также мы видим, что Финиар молитвенно оберегал свой народ, непрестанно находясь в молитве и/или соследовании. Мы можем судить об этом, когда он приходит на помощь Ниб в виде голоса в пустыне. Итак, Финиар ещё и соследует эулиен своего рода, и не только им. Предположив, что братья Финиара и их народы, раз их истории неизвестны, погибли, мы можем вполне закономерно предположить, что род Эйвели и эулиен Светлого Дома выжили в том числе и благодаря молитвенному заступничеству Финиара. Всё это уже, если посмотреть, отнимает огромное количество времени и сил. Но Финиар также ещё и наставляет юных эулиен, принимает нуждающихся в своих покоях, участвует в жизни Светлого Дома, присутствуя на праздниках и в ежедневных нуждах его жителей. Также мы знаем, что он наставляет людей и за пределами Светлого Дома, и находит время потрудиться простым трудом, наравне со своим народом, и

ещё проводит богослужения. Возможно, именно такой напряжённой духовной, а порой и физической работой объясняется и то, что Финиар не спал целыми днями (а то и годами или даже веками, что скорее всего), и тем более не удивительно, что это привело его в итоге к болезни. И, кажется, единственным, кто осознаёт всю тяжесть его доли, оказывается Абрин, в эпизоде, когда бывший этрени упросил Финиара хоть немного поспать.

Более того, не стоит забывать, что Финиар совершенно одинок в своём знании и служении, поскольку отвечает не только за свой род и жителей Светлого Дома, но за всех эулиен, что пришли с ним, и тех, кто появился на свет после исхода. Он отягчён знанием об их судьбах, если уже и не столь совершенным, как в Эйдене, то уж точно знанием склонностей и характеров эулиен, а значит, может предположить их поступки, ошибки и выбор, а стало быть, и судьбу. И мы видим, что если Элкарит безотчётно, но своим примером ведёт свой народ к гибели, демонстрируя пример самозабвенного самопожертвования, то Финиар, как может, старается защитить каждого эу, удерживая его от опрометчивых поступков, принуждая оставаться в Светлом Доме или не давая благословения на смертельно опасный труд богоотреченного. Это вовсе не означает нелюбовь Финиара к людям, просто его задача — оберегать свой народ, при этом позволяя каждому эу идти своим путём служения человеку. При всём желании одновременно участвовать в судьбе каждого эу, не отвлека-

ясь ни на что более, Финиар не может, и потому смерть или горе в жизни каждого эу воспринимает как личный недостаток, личное упущение, хоть и не говорит об этом, но это становится очевидно, когда автор сообщает о том, что Финиар принял на себя ответственность за каждого из своего народа (его народом в данном случае называется не тот народ, что пошёл именно за ним, а все эулиен, оставившие Эйден, поскольку Финиар был первым из эулиен). В довершение ко всему стоит также вспомнить, что Финиар — живой эу, не лишённый и личных переживаний и чувств и невыразимо тоскующий по своей возлюбленной, вернуться к которой он может только после того, как будет уверен, что его долг исполнен и все эулиен в безопасности, что предполагает невозможность его возвращения в Эйден...

Глядя на всю историю эулиен, представленную в книге, закономерно предположить, что Финиар никоим образом не имел даже искры Надежды вернуться в Эйден, поскольку опасности и беды грозили эулиен отовсюду. Однако в определённый момент, когда тоска по Эин-Мари становится для него совсем невыносима, он всё же задумывается о своём возвращении и начинает внимательно и осторожно присматривать себе приемника, запоминая все выдающиеся подвиги или склонности эулиен. Очевидно, что лишь Элкарит может перенять его служение. Но настолько ли он силён? Насколько ли может быть твёрд, отстаивая жизнь эулиен? Насколько ли готов, пренебрегая своим собственным горем, быть све-

точем для всего народа? Возможно. Но без Эйдалин Элкарит слаб. И испытывает слабость перед людьми, готовый пожертвовать всем, чем угодно ради человека.

Показателен эпизод с болезнью Финиара, когда он оказывается в совершенно беспомощном положении и настолько обессилен, что не может ни молиться, ни подняться с постели. Хуже того, о его недуге никто не знает, поскольку Финиар не может даже позвать на помощь, а к его затворничеству все привычны... И вот, придя в себя, что Финиар находит? Он обнаруживает, что всё это время пребывал под лекарской заботой и... весь объём взятых им на себя обязательств исполнен, т.е. не останавливался с момента его недуга. И тем поразительнее для самого Финиара становится то, что ему на помощь пришла Элигрэн. С этого момента Финиар особенно следит за ней, и наконец возвращение Элигрэн после битвы с Изосаром и её рассказ о содеянном влияют в итоге на окончательно принятое Финиаром решение, хотя мы видим, что до последнего часа в Светлом Доме он не знает или не уверен, кому же его оставить. Почему же Элигрэн? Сложный вопрос. Но эпизод с посещением Финиара всех своих детей и своеобразной проверкой их готовности перенять его служение показывает нам, что все дети его были ГОТОВЫ окаймлять Светлый Дом и заботиться о своём народе, в то время как Элигрэн МОГЛА это делать, что и делала, не заявляя об этом всё время своей жизни, проявив не меньшую проницательность и участие в судьбах народа эулиен.

За Финиаром нет описанных великих подвигов и удивительных историй, но если посмотреть иначе, разве не самую тяжёлую ношу из всех он нёс в одиночку всю эту тысячу лет?

НЕЗАСЛУЖЕННО ЗАБЫТЫЙ ИОН

Мы обнаружили в книге ещё одного незаслуженно забытого персонажа — это Ион. Если помните, был такой. Ангел, видевший рождение, становление и любовь Финара, которого полюбил и которому стал сердечным другом. Также Ион в своё время и наставлял Элкарита. В тексте не указано, была ли дружба Иона с Финиаром реальной, т.е. знал ли Финиар о том, что Ион с великой тревогой и заботой о нём наблюдает за ним с возвышения (как сказано в книге), или же Ион оставался поодаль и действовал через соследование и не прямое участие в жизни первого из эулиен. Тем не менее Ион в числе старейшин эулиен оказывается наставником юного Элкарита, что, разумеется, подразумевает его знакомство с Финиаром. Также позднее Ион наставлял и Эливиена, и Эликлем. В книге сказано, что, впервые увидев Финиара, Ион был настолько поражён и восхищён, что полюбил этого эу и с того дня утратил всякий покой в беспокойстве о нём, затем и о его детях, а после совета — и обо всех эулиен. После совета, как мы знаем, лишь эулиен оставили Эйден (и мы на самом деле не знаем, было ли это им позволено, или это была такая своеобразная «самоволка»). Увидев же и поняв опасности, грозящие эулиен в подзаконном мире, Ион был так напуган, что его переживания привели его к решению отправиться вслед за эулиен, чтобы оберегать их. Т. е. Ион практически

повторяет судьбу и путь любого эу, только служит не человеку, а эулиен, в частности и особенно Финиару и его детям. Оказавшись в подзаконном мире (тут уже совершенно точно — с позволения Господа, даровавшего Иону право предстать во плоти и крови в нашем мире, чтобы действительно помогать и защищать эулиен), Ион становится по сути таким же, как и эулиен и люди — подверженным слабостям, болезням и прочим напастям, с той лишь разницей, что сохраняет свою ангельскую натуру, собственно, как и воплощённые виэ сохраняют свою, но теряя при этом своё право-знание-служение-силу. Идея о воплощении Иона, об обретении им плоти, и фраза об уподоблении его эулиен (впрочем, как и людям) настораживает и наводит на мысль, что в Эйдене эулиен, как и Ион, пребывали вне телесной формы. Но эта теория весьма сомнительна и шатка, особенно легко её опровергнуть эпизодом с зачатием Седби. И тем не менее, оставив Эйден, Ион теряет большую свою силу, оказавшись скованным плотью, но, как и эулиен, остаётся неизменно юным и бессмертным.

Оказавшись в подзаконном мире, Ион не спешит в Светлый Дом, но находит удалённый и скрытый остров, где поселяется в хрустальном дворце, откуда тайно служит эулиен в молитвах и соследовании, как эулиен служат смертным. Однако отшельничество Иона длится не так уж и долго, поскольку вскоре его обнаруживает Эливиен, отправившийся в плавание, но ангел отказывается идти с эу в Светлый Дом и просит сохранить своё нахождение и служение в тайне ДО

СРОКА, что Эливиен и делает. Далее Ион пропадает из поля зрения читателя, но, естественно, продолжает своё тайное служение.

Первой, кто вспоминает об Ионе после, оказывается Фиэльли. Совершенно чётко знающая, что поддержка и забота Иона нужна её роду. Именно она, едва ступив на землю, призывает Иона в Светлый Дом, и с того момента, что удивительно, Ион всецело повинуетс ей и даже действует по её указанию и называет виэ своей госпожой, при этом, как можно судить из текста, и в Светлом Доме Ион не сильно социален, поскольку практически не упоминается. Вполне возможно, что на этот раз Ион уже был вынужден оставить своё соследование и в самом прямом смысле следовать за Элигрэн, свидетелем чьего рождения он стал. И тут мы уже говорим о совершенно новом и удивительном чувстве, охватившем ангела. Едва увидев маленькую Элигрэн, Ион всем сердцем привязывается к ней, и эту привязанность, несомненно, можно назвать любовью. Только это уже не любовь к другу, как к Финиару, это нечто совершенно иное. И тем не менее любовь Иона — совершенно не собственническая, лишённая страсти и желания, любовь не мужчины, но ангела. По просьбе Фиэльли и по собственной воле Ион с того дня незаметно для самой Элигрэн сопровождает её во всех её странствиях. Мы не знаем об этом, видимо, как и сама Элигрэн (что весьма спорно), но узнаём о том, что Ион всё время был рядом в эпизоде, когда он бросается спасти смертель-

но раненую эу, не найдя в себе сил оставаться поодаль от этой трагедии и раскрыв тем самым своё присутствие. Однако в суете и поспешности, а также значимости случившегося, он быстро теряется и снова уходит со сцены, что очевидно, свидетельствует о том, что, приняв участие в спасении Элигрена, Ион, не дожидаясь, пока о нём вспомнят и обратят на него внимание, снова поспешил скрыться. В этом эпизоде, бесспорно, Элигрена не до Иона, как точно не до него и Онену и Хорнму, но вполне возможно, что и в своём состоянии Элигрена таки успевает подметить деятельное участие Иона в своём спасении. Произошло это тогда, или Ион был раскрыт Элигреном ранее или позднее, но тем не менее ближе к концу книги мы становимся свидетелями трогательно-го проявления благодарности, явленной Элигреном своему заступнику, свидетельствующей о том, что ей прекрасно было известно о его сопутствии и заботе о ней всё это время, а также о том, как на самом деле много он сделал для её защиты. Но все эти подвиги известны лишь им двоим, мы же можем лишь предположить их немыслимое число, зная, насколько бесстрашной, непокорной и своенравной была Элигрена, не пострадавшая после своего ранения ни разу и ни в одном из своих приключений.

Очевидно, что невзирая ни на его обнаружение, ни на отсутствие личной нужды Элигрена в защите, Ион остаётся верным своему долгу, просьбе Фиэльли и велению своего сердца, оставаясь вечным попутчиком Элигрена во всех её путях и

приключениях. Мы не знаем глубину и полноту его участия в жизни эу, но мы не должны забывать, что оно, безусловно, было. И было постоянным и неотступным, всесердечным и искренним. Не исключено (хотя прямого подтверждения в тексте этому нет), что Ион также мог принимать участие и в жизни потомков Элигрэн, если, конечно, ему была дана сила отвлечь свой взор от Пылающей [хотя, стоит заметить, следуя логике языка, всё-таки правильнее употреблять это имя в мужском роде].

Возвращение Финиара в Эйден свидетельствует о том, что для эулиен более нет той угрозы, которую был поставлен предотвратить Финиар. По идее это означает, что и Ион мог последовать за ним. Однако этого не происходит, и ангел остаётся верен своему долгу, выбирая оставаться с эулиен, нежели вернуться в оставленный Эйден.

УТРАТА СВОЕЙ ПРИРОДЫ

В книге мы не единожды сталкиваемся с такой формулировкой, что герой утратил свою природу или изменил её. Чаще всего это относится к арели, вошедшим в Светлый Дом, хотя также закономерно относится и к виэ, и к ангелу Иону, поскольку все они, так или иначе, приобрели новые качества/состояния, по отношению к предыдущим.

Что же такое утрата своей природы в том или ином случае, и возможно ли вообще её утратить?

Природа существа — понятие более широкое, нежели натура (совокупность привычек, характера, склонностей и типичных поведенческих реакций). В понятие «природы» входят также и понятия о родовых и видовых особенностях существ, такие как определённые свойства или действия, присущие исключительно данному виду и являющиеся ключевыми в его дифференциации от остальных. Так мы вполне можем сказать, что у ангелов — ангельская природа, а следовательно, особое поведение, предназначение, форма существования и проявления, согласно их виду, если можно так сказать.

С точки зрения науки, в частности биологии, качественно изменить природу того или иного существа невозможно, её можно исказить, дополнив или, наоборот, лишив каких-то качеств, но ящерица не может стать слоном, а слон ласточ-

кой, поскольку у них разная природа, и это разные виды живых существ. И всё же в «Эйвели» мы читаем, что некоторые герои именно меняют свою природу (или отказываются от неё). Как же это происходит?

Мы знаем, что виэ, отказавшись от своей природы, претерпевают качественное изменение, наиболее заметное и очевидное. Так, являясь тканью мироздания (единым целым, с отсутствием самостоятельной Воли, повинующимся лишь замыслу и Воле Создателя), виэ (множественное число, оно же и единственное) всё же, оказывается, могут проявить собственные сознание и Волю и даже действовать вопреки положенному ходу вещей. Таким образом Итерлен, будучи лишь частью безвольного и бессознательного целого, вдруг осознаёт свою любовь к Эликлем и, следовательно, свою самостоятельность. А затем и вовсе отказывается от общего служения и выбирает для себя образ, подобный эу, и даже воплощается в нём, чтобы быть ближе к возлюбленной. Это немыслимо с точки зрения законов. Но так есть. Через осознание своей любви Итерлен осознаёт себя как индивида, обретает отдельные, самостоятельные переживания, чувства, устремления, присущие не виэ, но отдельному разумному существу, каким в итоге он и предстаёт перед Эликлем. Последствием его разрыва с виэ является то, что он действительно теряет с ними связь и перестаёт быть в прямом смысле частью мироздания, всевидящим, всезнающим и вседержущим. Он отделяется от него по собственной воле и более

не может исполнять функции, возложенные на виэ. Это беспрецедентный, немыслимый поступок. Но каким-то удивительным и исключительным образом некая условная единица (даже не будучи таковой) целого обретает независимое сознание и эмоции.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.